ББК 63.3(2)46 + 63.5(2)
Л96

Рецензенты

кандидат исторических наук *Н. И. Никитин*,
доктор исторических наук *Н. Д. Зольникова*

Утверждено к печати
Объединенным институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

...оцидарская А. А. Старожилы Сибири: Исто-
...нографические очерки. XVII — начало
... — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние,
197 с.
...5—02—029642—2.

...в советской историко-этнографической литературе
...плексно рассматриваются хозяйственные
...х поколений жителей сибирских городов, их ма-
...ьтура, семейно-бытовой уклад, нормы поведе-
...ся архитектура и планировка сибирских горо-
... истоки градостроительных традиций. Анализи-
... взаимодействия этнических компонентов, при-
...орный колорит складывающейся народной

...я историков, этнографов.

...угодие ББК 63.3(2)46 + 63.5(2)

© Издательство «Наука», 1992

ВВЕДЕНИЕ

В истории России XVII век занимает особое место. Это время противоречий и контрастов в экономической, политической и духовной жизни общества. В этот период происходят консолидация господствующего класса феодалов, окончательное закрепление юридических норм общегосударственной системы крепостного права. Но нельзя не заметить и развития товарно-денежных отношений, превращения ремесла в мелкотоварное производство, особенно в городах, роста городов в целом, втягивания новых регионов страны в общероссийские торговые связи[1]. Все эти процессы протекали в условиях увеличивающейся диспропорции между ростом территории государства и численности его населения. В конце XVII в. в Российском государстве проживало около 10,5 млн чел., распределенных очень неравномерно. В столице сосредоточивалось до 200 тыс. чел., но такой большой город являлся исключением. Другие города были гораздо малочисленнее: не более 30 тыс. насчитывали Ярославль, Новгород, Псков, Кострома. В поселениях, возникавших в приграничных местностях или во вновь осваиваемых землях, основную массу жителей составляли служилые люди[2].

В XVII в. усилились миграционные процессы. Из центральных районов жители уходили на окраины в надежде избавиться от налогов и повинностей. Уходили на юг, в Поволжье, на восток, «за Камень», в Сибирскую землю. Громадная Сибирь представлялась краем богатейших возможностей. Это не удивительно: на территории с неисчерпаемыми ресурсами в XVII в. (данные 1719 г.) проживало примерно 72 тыс. душ муж. пола, с форК этому количеству коренного населения прибкультовыми около 170 тыс. душ муж. пола переселенцев более выхочисла вновь поселившихся в 1701 г. 18 тыс доточивались в Западной Сибири[3]. Имело принято называть но развивались города, возникшие представляла собой сложсты освоения края. ественно, она менялась с

Развитие товарно-денежных отношений, затронувшее все стороны жизни, прежде всего коснулось города. Известно, что земледелец в значительной степени зависит от природы. Иначе дело обстояло в городах, где результаты труда ремесленников и торговцев зависели от мастерства, энергии, активности личности. Служилое сословие реализовывало свои возможности в административно-политических акциях и военных походах. Последнее особенно справедливо для населения сибирских городов, находившихся в приграничной зоне.

В XVII в. «старина и новизна перемешались»[4]. Происходило обобщение накопленных веками традиций, обогащение их и распространение на новые территории. Намечались процессы взаимопроникновения и слияния местных городов, обычаев, особенностей быта. При этом появление, накопление и утверждение новых элементов в быту происходило значительно медленнее и более бессистемно, нежели в других сферах жизнедеятельности. Новые поколения людей в своих привычках и традициях опирались на убеждение, что существуют нормы, завещанные предками в качестве неизменяемых отличительных основ этнической, государственной и духовной общности народа. Новшества, входившие в быт под влиянием изменявшихся конкретно-исторических условий, воспринимались или отвергались.

В XVII в. происходила переоценка материальных и духовных элементов культур других народов. Непрерывно расширялся набор заимствований. Соображения целесообразности одерживали в конечном счете верх над консервативными традициями. При этом заимствованные элементы иноземной культуры подчас эклектично соединялись с отличными по форме и характеру нормами русского быта. Основным каналом проникновения в Россию входящих в обиход новшеств являлись внешнеторговые связи.

В XVII столетии складываются и новые критерии в оценке самого человека, отличные от церковных идеалов. Пробивает себе дорогу взгляд на человека как на [illegible]ческую, деятельную натуру, активно утверждающую себя в обществе. Характерной чертой «обмирщения» нравы явилось повышение интереса к правам [illegible]ству и личным обязанностям в рамках семьи [illegible]поведению в быту. Особо важное значение [illegible]стические по своему существу представления [illegible]ной ценности человека[5].

В эпоху средневековья этические нормы и соответствующие им нравы составляли одну из важнейших сфер религиозного мировоззрения и определяемых им черт бытового уклада. В то же время «гибкость» своей морали руководители русской православной церкви и правящая феодальная верхушка демонстрировали народу не единожды. Частным примером тому может послужить отношение к курению табака, которое было осуждено в начале XVII в. московским патриархом как «богомерзкое» деяние. Эта позиция церкви подтверждалась грозными статьями Соборного уложения 1649 г. Однако правительство закупало у иностранных купцов значительные партии этого «богомерзкого» товара, который затем казна перепродавала в отдельные регионы страны. Только в 1646 г. из Приказа Большой казны в Сибирь было послано 130 пуд. табака «для продажи всяким людям». Доход, который получало государство от такой торговли, примирял со сложившимся противоречием[6].

В жизни городов резче, чем в селах, сталкивались интересы различных социальных и сословных групп; здесь более ярко проступали контрасты, присущие времени. Коррупция воевод и их бюрократии оказывала в определенной степени влияние на морально-этические устои и нравы горожан, предопределяла двойственность нравственных критериев[7]. Общественная среда накладывала отпечаток и на бытовую сторону существования горожан. Объекты материальной культуры — от жилища до костюма — несли на себе не только печать социальной принадлежности, но и идеологических и социально-психологических представлений своего времени[8].

Значительное место в составе атрибутов общения горожан занимали всевозможные коммуникативно значимые предметы, что справедливо для любой эпохи. В XVII в. легко можно было отличить по одежде, предметам обихода сына боярского от простого горожанина, а последнего от крестьянина. Следует заметить, что культура общения живыми нитями связана со всеми другими сферами культуры — с социально-демографической структурой общества, с традициями хозяйствования и питания, с одеждой и устройством жилищ, с формами организации досуга, с обрядовыми, культовыми действиями. Деятельность горожанина все более выходила за пределы его двора-усадьбы.

Уличная жизнь города — то, что принято называть его общественным бытом,— представляла собой сложный конгломерат явлений. Естественно, она менялась с

развитием экономики, расширением хозяйственных и личных связей, этнических контактов, ростом городов. При этом менялись роли как различных социальных слоев горожан, так соответственно и городских территорий. Это ощутимо проявлялось в снижении значения укрепленного центра города, ранее «аристократического» района, и возрастании роли городского посада, в усилении влияния на городскую жизнь церковных приходов[9]. Активно разрушалась замкнутость семейного быта, обусловленная интенсивностью общественной жизни, развитием межсемейных связей. Вообще все новое находило благодатную почву прежде всего именно в городах и тем быстрее внедрялось в быт, чем более открыт был город для внешних связей и торговли. В крупных сибирских городах XVII в. в полной мере проявлялись все эти процессы.

Конечно, историки не могли обойти вниманием столь интересные сюжеты. На начальных этапах изучения истории Сибири рассматривались преимущественно вопросы военной и политической истории, затем — социально-экономические проблемы. Это и понятно, ведь без ясной картины уровня развития производительных сил и сложившихся социальных отношений невозможно представить в полном объеме прошлое Сибири. Уделяли внимание исследователи и культурным ценностям, духовной жизни сибиряков[10]. Бытовые же аспекты, материальная культура, взаимоотношения между людьми не получили специального освещения, а лишь в той или иной степени затрагивались при изучении общего контекста истории Сибири. Сейчас, когда уже возможно в достаточной мере представить уровень социально-экономического развития региона, настала пора обратиться к этим чрезвычайно важным моментам. Без представлений о быте, образе жизни, семейном строе, нравах и обычаях теряется главное — человек. Человек же в любую эпоху жил в реальном мире, общался с себе подобными, имел свои духовные и материальные ценности. Его окружал мир понятий и вещей, о которых у нас имеется еще довольно смутное, в сущности, представление.

Сибирские города аккумулировали в себе всю совокупность различных сторон жизни, являлись средоточием людских ресурсов. Именно в городах имелись наибольшие возможности для самореализации, именно здесь наиболее ярко проявляли себя отдельные личности. Изучение социальной структуры города, бытовых

аспектов существования сибиряков-горожан может помочь ближе подойти к пониманию и осмыслению процесса освоения громадной территории «государевой окраины».

Монографические исследования, посвященные вопросам общественного и домашнего быта, материальной и духовной культуры жителей российских городов XVII—XVIII столетий, стали появляться только в последнее время. Они основываются, как правило, на материалах европейской части Русского государства. Здесь следует выделить такую обобщающую работу коллектива авторов, как «Очерки русской культуры», где разносторонне проанализированы процессы, происходящие в этой сфере; монографии М. Г. Рабиновича, посвященные этнографии русского феодального города; исследования Л. Н. Семеновой по истории быта и культурной жизни России первой половины XVIII столетия, книгу Д. Н. Смирнова об образе жизни нижегородцев XVII—XVIII столетий[11].

Что касается истории Сибири, то специальных монографических исследований, где бы города вновь осваиваемого региона были показаны как живые функционирующие организмы со всеми присущими им особенностями, пока нет. Между тем отдельные вопросы, связанные с жизнью сибирских городов, находили и находят отражение в целом ряде работ ученых-сибиреведов.

Первое систематическое изложение истории великой восточной окраины Русского государства было сделано в XVIII в. Г. Ф. Миллером. Этот труд, основанный на первоисточниках, в свою очередь, стал богатейшим источником для последующих поколений ученых[12]. Именно Миллером был заложен фундамент для дальнейшей разработки всех направлений в сибиреведении. Колоссальный фактический материал, приведенный Миллером в «Истории Сибири», и поныне является базой при изучении начального этапа заселения Сибири, в том числе и возникновения первых городов в этом регионе.

Г. Ф. Миллер и его продолжатели (И. Э. Фишер, В. К. Андриевич и др.) основное внимание уделяли политико-административной истории, утверждая идею плодотворности самодержавного начала в освоении нового обширного региона[13]. Позднее этому направлению в изучении Сибири противостояла демократическая позиция ряда ученых и публицистов. Содержанием исследований становится жизнь народа. Коренным в сибирской историографии по праву становится вопрос о роли раз-

личных социальных сил в присоединении Сибири. Все большее внимание стал привлекать идея о решающем вкладе вольной, в частности торгово-промышленной, колонизации. Во второй половине XIX в. процессами, связанными с формированием старожильческого населения Сибири, занимался А. П. Щапов[14]. Он пришел к выводу о складывании в процессе ассимиляции коренными жителями края особого, сибирского типа населения. И хотя эти положения впоследствии были опровергнуты данными антропологии, обращение автора к данным сюжетам послужило поводом для дальнейшей их разработки.

В конце XIX столетия под определенным воздействием экономического развития Сибири возникло так называемое областническое течение, сводившееся, по сути, к обособлению Сибири. Среди областников выделялись такие яркие личности исследователей Сибири, как Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, С. С. Шашков и др.[15]. Выдающийся ученый и путешественник Г. Н. Потанин при всем многообразии своих интересов уделял внимание истории городской сибирской торговли, проблемам формирования сибирского казачества.

В конце прошлого столетия вышла в свет работа П. Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт ее первых насельников», а затем и сочинение, посвященное истории Мангазеи[16]. Автора этих исследований прежде всего привлекали вопросы экономического развития региона. Им сделан получивший в дальнейшем поддержку вывод о привилегированном положении служилого сословия в Сибири. Однако вряд ли может найти отклик у современного историка и этнографа позиция Буцинского по отношению к аборигенному населению края, в которой явно прослеживаются колонизаторские мотивы.

Неоценимый вклад в создание источниковедческой базы для изучения сибирской истории сделал Н. Н. Оглоблин. Его «Обозрением столбцов и книг Сибирского приказа» с успехом пользуются все, кто занимается Сибирью периода феодализма. Труды Оглоблина изобилуют фактическим материалом и касаются всех граней жизни сибиряков[17]. Для Оглоблина характерно обращение к социальным проблемам, к возникновению и столкновению в сибирских городах двух сил — служилых людей и воеводской администрации.

Много сделал для изучения социально-экономических аспектов развития сибирского города П. М. Головачев, который осуществил издание сборников материалов по истории наиболее значимых городов Сибири[18].

Новое, глубокое осмысление сибирская история получила в трудах С. В. Бахрушина. Именно с его работ следует начинать перечень трудов по интересующей нас проблематике, вышедших в советское время. Многообразие тем и сюжетов в исследованиях С. В. Бахрушина отражает состояние экономики сибирских городов и раскрывает бытовые стороны жизни горожан. Его работы, посвященные отдельным личностям в истории Сибири XVII столетия (П. Хмелевский, А. Ф. Палицын), содержат богатейший материал по социальной психологии людей этой эпохи. У него можно отыскать ценнейшие сведения о манерах поведения, нравах, царивших в сибирских городах. Исследования Бахрушина дают ключ к пониманию сложнейших вопросов взаимоотношений пришлого и коренного населения Сибири[19].

В 40—50-е гг. в историографии Сибири господствовала земледельческая тематика. Вслед за В. И. Шунковым разрабатывалась история крестьянской колонизации края, и именно крестьянину отводилась решающая роль в освоении региона[20].

С 60-х гг. возрастает интерес исследователей к городам вообще и сибирским в частности. Можно выделить наметившиеся направления, в русле которых шло изучение этой проблематики. Прежде всего это экономико-географические разработки истории сибирских городов[21]. Значительное количество работ появилось по историко-архитектурной тематике. Внимание исследователей этого направления сосредоточивалось на облике сибирских городов, отдельных памятниках сибирского зодчества. Здесь следует выделить труды В. И. Кочедамова, А. И. Попова, О. Ф. Овсянникова, М. И. Белова, С. В. Копыловой. В результате этих исследований уточнены старые и получены новые данные о планировочной структуре сибирских городов, имеющихся в них крепостных и оборонительных сооружениях, общественных зданиях различного назначения, воеводских хоромах. Ординарная же городская усадьба выпадала из поля зрения авторов. Жилые усадебные комплексы Западной Сибири рассматривались В. А. Александровым и В. А. Липинской применительно к сельскому быту.[22]

Демографические процессы, численность городских жителей рассматривались в трудах В. М. Кабузана и С. М. Троицкого, Я. Е. Водарского[23]. Основное же внимание уделялось исследователями Сибири социально-экономическим аспектам. Этой проблематике посвяще-

ны вышедшие в 60-е гг. монографии М. М. Громыко, О. Н. Вилкова, А. Н. Копылова, Г. Ф. Сафронова, А. А. Преображенского, Н. Г. Аполловой[24]. Вопросы, связанные с заселением Среднего Приобья, нашли отражение в исследованиях Н. Ф. Емельянова. Им же написана монография о Томске в феодальную эпоху[25]. Появляется и целый ряд отдельных статей, освещающих социальную структуру западно-сибирских городов, развитие в них торговли и мелкотоварного производства[26]. Особого упоминания заслуживают исследования З. Я. Бояршиновой, Н. А. Миненко, Н. И. Никитина. В своих работах З. Я. Бояршинова анализировала роль и место отдельных категорий населения в освоении Томского уезда[27]. Ею же сделана попытка на материалах этого региона выявить процессы, происходившие в крестьянской семье[28]. Основными производителями материальных благ, наиболее экономически активной частью населения края З. Я. Бояршинова признавала прежде всего посадских и крестьян, оставляя за служилыми лишь военно-административные функции. Вышедшая в 1989 г. монография Н. И. Никитина «Служилые люди в Западной Сибири XVII в.»[29] на обширном архивном материале достоверно обосновала ту значительную роль служилого сословия, которую оно играло в жизни сибирских городов. Работа Никитина и ряд предшествующих ей статей[30] убедительно показали, что служилые люди в XVII в. были наиболее социально и экономически активной категорией населения в целом ряде западно-сибирских городов.

Изучению Северо-Западной Сибири посвящена монография Н. А. Миненко[31]. В ней уделено внимание вопросам сословного и этнического состава населения, хозяйству, особенностям материальной культуры и духовной жизни горожан этого региона. Однако работа основана на материалах XVIII—XIX вв. и не затрагивает моменты, связанные с начальным формированием городов. К более ранним источникам Миненко обращается при изучении городской семьи Западной Сибири — в единственной имеющейся в литературе работе на данную тему для этого времени[32]. Будучи признанным специалистом в области изучения крестьянского семейного строя XVIII—XIX вв., Н. А. Миненко, на наш взгляд, не вполне обоснованно экстраполировала некоторые характеристики, справедливые для крестьянской семьи более позднего времени, на городскую семью XVII столетия.

В современной исторической и этнографической литературе до сих пор нет специальных работ, в которых рассматривались бы образ жизни, общественное сознание и материальная культура первопоселенцев Западной Сибири. Поэтому хочется особо выделить недавно вышедшую монографию Н. Н. Покровского о событиях, происходивших в Томске в смутное для города время: 1648—1649 гг.[33] Анализируя борьбу сословных объединений с воеводской администрацией, автор уделил пристальное внимание народному сознанию сибиряков-горожан. Используя богатейший архивный материал, Н. Н. Покровский в ходе исследования освещает целый ряд явлений, показывающих нравы томичей. Приведенные автором выдержки из документов уникальны по своей информативности. В частности, это касается данных о массовых собраниях горожан, приведенного полностью описания костюма томского жителя и пр.

* * *

Предлагаемая читателю работа построена в значительной мере на архивных источниках. Одни из них уже использовались исследователями, другие — впервые вводятся в научный оборот. Прежде всего отметим документы, содержащие массовый материал, поддающийся статистической обработке. Это записи таможенного делопроизводства; переписные книги городских дворов, бань, мельниц, пашенных и иных угодий; книги учета служилого и посадского населения; материалы налогообложения[34]. Эти источники в своем большинстве лишены бытовых подробностей, но благодаря обилию данных дают возможность составить в ходе их обработки целостное представление о том или ином явлении. Особо следует выделить переписную книгу Томского уезда «всяких чинов людей, которые владеют пашенными землями и сенными покосами и рыбными ловлями и мельницами и всякими угодьями»[35], за 1703 г. Этот источник уже не однажды цитировался исследователями[36], однако он поистине неисчерпаем. На основе данных этого документа можно составить представление о составе семей, о наличии в семьях дворовых работников, о применении в хозяйствах томичей наемного труда и т. д. Кроме того, книга богата подробными географическими описаниями.

Сведения о состоянии дел в городах — строительстве различных сооружений, развитии торговли, военных событиях и административных мероприятиях — можно

почерпнуть из многочисленных отписок в Сибирский приказ воевод и представителей воеводской администрации[37]. Сведения о самых разных сторонах жизни — от организации городских промыслов и ремесел до размеров городовых укреплений — можно получить из так называемых сметных и расходных книг, которые составлялись местными приказными избами. Документы сбора «подымных» денег (городовой налог с отапливаемых помещений) позволяет не только уточнить социальный состав жителей, но и составить представление о районах расселения, планировке и застройке такого крупного города, как Томск[38]. По сути, единственным источником, на основании которого можно выявить размеры городских усадеб и судить о жилых и хозяйственных городских постройках, являются акты купли-продажи дворов[39]. Документы судного стола, приказных и съезжих изб отражают нравы, бытовавшие в сибирском городе[40].

Уникальный, хотя подчас и противоречивый, материал содержится в челобитных сибиряков[41]. Эти документы требуют особо осторожного подхода, внимательного и критического к ним отношения — ведь податель прошения или жалобы обычно трактовал события в выгодном для себя свете. И все же это чрезвычайно ценный источник — нигде, кроме челобитных, не найти таких подробных описаний образа жизни горожан, подоплеки человеческих взаимоотношений. Зачастую в челобитной, как в зеркале, находили отражение характер подателя и его побуждения. Только благодаря этому виду источников можно в полной мере проникнуться духом эпохи XVII в.

Основная масса цитируемых в книге источников принадлежит фонду Сибирского приказа Центрального государственного архива древних актов. Кроме того, в работе использованы акты и иные документы, содержащиеся в таких изданиях, как Акты исторические, Дополнения к актам историческим и Русская историческая библиотека. Чрезвычайно информативны в плане освещения бытовых сторон городской жизни материалы политического характера, опубликованные в сборниках документов по русско-монгольским, русско-бурятским и русско-китайским отношениям[42].

В ходе подготовки монографии широко привлекались публикации источников по истории сибирских городов, осуществленные в прошлом веке П. Н. Головачевым, Н. А. Найденовым, Ин. Кузнецовым[43]. И поныне кладезем фактического материала являются «Приложения к

«Истории Сибири» Г. Ф. Миллера и «Описание столбцов и книг Сибирского приказа» Н. Н. Оглоблина.

Разнохарактерные источники, содержащие по интересующим нас вопросам, как правило, лишь отрывочные сведения, конечно же, создают определенные сложности при их использовании в контексте исследования. Подчас о том или ином явлении приходится судить на основании лишь нескольких фактов, и мы признаем некоторую неубедительность отдельных положений. Расширение круга источников позволит более глубоко проникнуть в мир горожан XVII столетия.

В ходе подготовки книги автору довелось пользоваться консультациями Н. Н. Покровского, И. Н. Гемуева, В. Н. Курилова, Н. Д. Зольниковой, Д. Я. Резуна, Е. Ф. Фурсовой. За неоценимую помощь и благожелательное отношение к этой работе хочется выразить искреннюю благодарность им и признательность архитекторам А. Ю. Майничевой и А. Ю. Сидоровой, которые выполнили реконструкции отдельных построек и сделали попытку воссоздать облик сибирского города XVII в.

ОБЛИК ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ГОРОДА

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА

Феодальный характер русских городов обусловливал их планировочную структуру. Укрепленный центр — собственно «город» — занимал обычно господствующую возвышенность и имел, как правило, кучевую планировку. Это справедливо не только для раннего этапа развития феодального города, но и для более позднего времени. В древнерусских феодальных городах бытовала ориентировка на княжеский центр или на реку, речную пристань, торг, что получало распространение и в сибирских городах, развертывающихся главным образом вдоль рек с учетом рельефа местности.

На планировке русских городов, в отличие от западно-европейских, сказывалось то, что участки, отводившиеся под усадьбы горожан всех сословий, были несколько или даже значительно бóльшими. Застройка русского города была более свободной и занимала бóльшую площадь, чем западно-европейский или восточный город с тем же населением[1]. Другой отличительной чертой являлась малая этажность жилых зданий, что также вело к увеличению площади застройки.

В феодальном городе имели место значительные незастроенные площади — широкие полосы вокруг укреплений, пустыри между улицами, топографически неудобные места. В Томске в XVII в. болота делили город на несколько густонаселенных частей[2]. В том случае, когда город стоял на мысу, его территория представляла собой как бы секторальную вырезку из радиально-кольцевой системы. Если же город прилегал к берегу, то его планировка вписывалась в половину круга[3]. Встречалось и линейное расположение улиц. Относительно регулярный характер застройки определяли контуры прямоугольных посадских стен и расположение ворот (рис. 1). В Тюмени, по свидетельству документа 1799 г., улицы были «прямы и дома строены по прямой черте». Для таких восточно-сибирских городов, как Илимск и Селенгинск, были характерны посады, вытянутые вдоль реки и параллельно берегу дороги. Несколько продольных и поперечных улиц было в посадах Березова и Верхнеудинска. Планировка столицы Сибири — Тобольска —

Рис. 1. План города Тары.
(См.: ЦГАДА, СП, кн. 1432, л. 171).

являла типичный пример постепенного формирования радиально-кольцевой сети улиц, зависимой от положения дорог, очертания берегов и расположения острожных стен[4]. Трудно установить какую-либо систему в организации Томска, Ялуторовска, Сургута, Якутска и ряда других городов, где слабо намечались только звездообразно расходящиеся направления от крепости на периферию.

Рассмотрим более подробно планировку и застройку Томска — разрядного центра XVII — начала XVIII в., включавшего в свое административное подчинение огромную территорию. В плане Томск имел форму, близкую к треугольнику. Город хаотично застраивался неправильной сеткой коротких и криволинейных улиц[5]. Панорама Томска казалась выразительной благодаря тому, что над плотной жилой застройкой, занимавшей низменную территорию, возвышалась на холме рубленая крепость с башнями и церквями. На другом холме, в отдалении, располагался Алексеевский мужской монастырь. Возвышавшиеся среди массы жилой постройки церкви заметно обогащали силуэт города. Вся территория возвышенности на правом берегу Томи при строительстве Томска была занята постройками «города» и «острога». С горы открывался далекий обзор на долины Томи и Ушайки, что имело немаловажное значение для возможной обороны. «Город», занимавший юго-восточную часть горы, выполнял функции крепости, где находились погреба с военными припасами, административными учреждениями (например, съезжая изба), здесь

же находились воеводские хоромы, амбары с запасами хлеба и ясачной пушнины[6].

Территорию «города» окружала рубленая крепостная стена с четырьмя башнями. К укреплениям с северо-западной стороны примыкал «острог» — посад с бревенчатыми избами первых поселенцев, обнесенный крепостными стенами с башнями. Стены были поставлены по периметру возвышенности. При этом размеры отрезков крепостных стен между башнями соответствовали размерам сторон возвышенности. Таким образом, очертания «города» определялись топографическими условиями. И «город», и «острог» были построены в Томске в течение лета 1604 г.[7]

К 1630 г. население Томска увеличилось настолько, что жилая застройка вышла за пределы острога на берегу Ушайки. Новые укрепления расширенного острога получили названия «нижнего» и «верхнего», расположенного на Воскресенской горе. В 1679 г. пожар уничтожил укрепления «верхнего» острога, которые вскоре, однако, были восстановлены. При этом площадь новой крепости в Томске по сравнению с прежней увеличилась примерно в четыре раза, образуя в плане почти правильный прямоугольник, а количество крепостных башен уменьшилось с семи до пяти. Столетие спустя, к 30-м гг. XVII в., укрепления острога исчезли совсем.

Судя по дошедшему до нас самому раннему плану Томска, датируемому 1732—1742 гг., жилая зона на период составления плана занимала значительную площадь по обеим берегам Ушайки. На Воскресенской горе строения горожан протянулись вплоть до Белого озера. Жилая застройка Томска была скученной, что являлось данью традиции и вызывалось стремлением сократить селитебную территорию острога и периметр крепостных стен[8]. Если сравнить план 1732—1742 гг. с более поздним 1748 г., то можно заметить, что территория, занятая «обывательскими строениями», снова увеличивается[9].

Томск застраивался стихийно, в основном под влиянием природных факторов; улицы шли параллельно или перпендикулярно берегам рек, а пересеченный рельеф и заболоченные участки делили город на несколько частей. Кривые улицы разной ширины при пересечении друг с другом образовывали площади случайной формы. При этом северные стороны улиц застраивались обычно менее плотно[10].

Под Воскресенской горой на так называемых песках находились торговые и общественные здания — гости-

ный двор, таможня, позднее — ратуша, церковь, составившие в плане геометрически правильную группу. Здесь же, под Воскресенской горой, в XVIII в. образовалась торговая площадь с мясными, хлебными, калашными, рыбными рядами.

Неподалеку от южного мыса Воскресенской горы на р. Ушайке была построена плотина с государственной мельницей, благодаря чему поднялся уровень воды в реке и увеличилась ее ширина. Зелени в городе к началу XVIII столетия почти не было, за исключением рощи около Алексеевского монастыря[11].

«План с проспектом города Томска», сочиненный в 1748 г., дает представление о сложившихся к этому времени основных районах города. На этом плане можно выделить «строение в городе и на горе», где находились соборная церковь Животворящей Троицы, воеводский дом, воеводская канцелярия, казенная палата с денежной и пороховой казной, амбар, служивший своеобразным архивом для хранения «письменных дел», амбар для ясачной казны, артиллерийский сарай, винный погреб, соляные амбары, гауптвахта, острог для содержания колодников. Здесь же находились церковь Воскресения Христова, часовня, а также обывательские строения, относящиеся к Воскресенскому приходу.

В районе «под горой», расположенном в пойме Томи, располагались такие здания, как таможня, ратуша, гостиный двор. Неподалеку находились мясные ряды и торговая баня. Здесь сосредотачивался торгово-административный центр. В этой же части города размещались соляные амбары, обывательские кузницы, кирпичные сараи, казенные мельницы. Жилые строения вытянулись массивом вдоль поймы р. Томи с юга на север. Здесь же стояли две церкви — Богоявления Господня (неподалеку от торгово-административного центра) и Святого Духа — на север вдоль реки, в гуще жилой застройки[12]. Обывательские строения размещались и вдоль всего правого берега Ушайки. По берегу за болотом раскинулась раскольничья слобода.

На север по Томи за оз. Василишным был Знаменский приход с церковью Знамения Пресвятой Богородицы (рис. 2). Кроме жилой застройки за озером в XVIII в. дислоцировались штабной двор, учебная мишень и батарея.

Церковь Благовещения со своим приходом располагалась на левобережье, за Ушайкой. Непосредственно

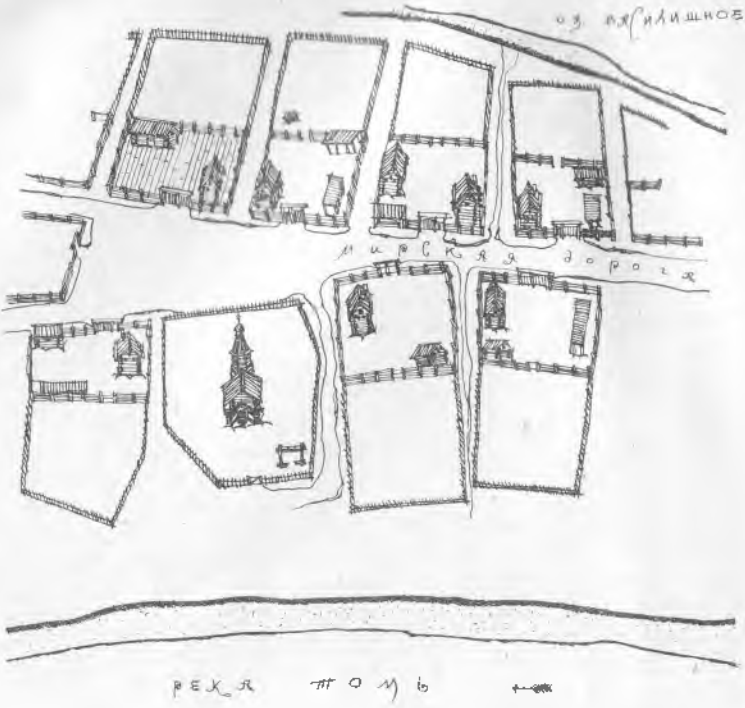


Рис. 2. Район относительно поздней застройки г. Томска с церковью Знамения Пресвятой Богородицы. 1706 г.
(См.: ЦГАДА. СП, кн. 1294, л. 13об.) Реконструкция архитектора А. Ю. Майничевой.

к жилому комплексу примыками и татарские юрты. Здесь же, на левом берегу Ушайки, находились мужской Алексеевский и женский Никольский монастыри. Как бы на полуострове, неподалеку от плотины и государственных мельниц, была построена винная поварня[13].

Книга сбора пошлины с отапливаемых помещений, или «Подымная книга», за 1705 г. разделяла Томск на 11 районов жилой застройки, названия которых приводятся здесь в том порядке, в каком они встречаются в источнике. Это: «в Томском городе на посаде», «за озером в посаде», «в луговом посаде», «от Воскресенского большого ввозу под горой в посаде», «в Береговом посаде», «от Жирова колодези в посаде», «в Береговых улицах подле юрт», «в крайних улицах по реке Ушайке», «на устье Ушайки реки», «в городе за гостиным двором», «за Ушайкой речкою в Благовещенской береговой улице в посаде»[14].

Наиболее густонаселенными были районы Лугового посада и непосредственно «города», а также местность за р. Ушайкой и район, обозначенный «от Жирова колодези в посаде». Менее населенными — районы в устье Ушайки и за озером[15].

Если составители «Подымной книги» описывали жилые районы исходя из топографического принципа, то при составлении крепостей на куплю-продажу дворов и других построек главная роль отводилась церковным приходам. Это объяснимо, ведь в результате денежной сделки определенную меру моральной ответственности за своих прихожан нес духовный отец — священник приходской церкви. При наложении данных «Подымной книги» и текстов купчих крепостей возникает возможность соотнести определенные районы города с церковными приходами. Например, целый комплекс дворов, расположенных в Луговом посаде, с определенностью можно включить в состав прихода церкви Сошествия Святого Духа, а район, названный «от Жирова колодези в посаде»,— к Богоявленскому приходу, так же и постройки «в крайних улицах по реке Ушайке». Такое сопоставление дает возможность более точно представить планировочную структуру города[16].

Каждый из жилых районов Томска имел как сходные черты, так и свои особенности.

В самом первом описанном источником районе — «в Томском городе на посаде» — проживало 113 дворохозяев, 29 из них (около 27 %) имели в своих усадьбах по два и более отапливаемых помещения. Это в определенной мере позволяет судить об имущественном положении горожан. Как правило, два и более «дыма» (отапливаемые избы) имели зажиточные томичи известных старожильческих фамилий. Среди них были горожане, занимавшие видное административное или военное положение или же занятые в торгово-промышленной сфере.

В упомянутом выше районе по три отапливаемых помещения было у дворянина московского списка Осипа Качанова, священника Воскресенской церкви Афанасия Андреева, подьячего Силы Великосельского, пятидесятника Дмитрия Бурнашова. Здесь же проживали соборный протопоп, казачий голова, многие дети боярские и рядовые служилые казаки таких известных в истории Томска фамилий, как Бабарыкины, Цыцурины, Протопоповы, Баташковы, Бжицкие, Капустины, Згибневы и др. Вообще же представители служилого сословия и их семьи составляли около 3/4 населения этого района.

Жили здесь и представители всех других слоев населения, исключая ссыльных,— им «не пристало было селиться» в центре города[17].

При рассмотрении соотношения сословного состава населения Томска обнаруживаются довольно слабые связи жителей района «в Томском городе на посаде» с другими частями города, что в общем соответствует представлению о наиболее старой, традиционной системе застройки[18]. То, что описываемый район — место первоначального освоения территории города, подтверждает высокий удельный вес родственников среди населения. Здесь насчитывалось 7 дворохозяев по фамилии Куркины, 5 — по фамилии Приезживы, 4 семьи представителей клана Недомолвиных, 3 — Масловых, множество жителей с одинаковыми фамилиями — Великосельские, Ножкины, Шумковы и др.[19] Именно эта часть города являлась старожильческой. Здесь имели дворы потомственные томичи — представители администрации, духовенства, служилой верхушки. По соседству с ними проживали и их родственники, многие из которых к XVIII в. потеряли формальную связь со своей социальной группой, занимаясь торговлей, промыслами и иными родами занятий. В дальнейшем, с уменьшением военно-оборонительной роли городов, именно эта прослойка органически перерастала в такие слои населения, как разночинцы и мещане.

Следующий район Томска, выделенный «Подымной книгой», именовался «за озером в посаде» и насчитывал всего 29 дворовладений, из которых только 4 имели по 2 отапливаемых помещения[20]. Здесь сосредотачивался самый различный контингент населения: пятидесятник, два сына боярских, служилые казаки, мельник, гулящий человек, «присыльный человек» Яков Харин, только-только купивший себе двор[21].

В Луговом посаде, самом густонаселенном районе города, проживало 208 дворохозяев. Посад располагался в пойме Томи и принадлежал к Духовскому приходу. Часть этого района характеризуется источниками как «нижний посад под бугром на песку»[22]. Примерно каждый восьмой двор этой части города имел по два и более отапливаемых помещения. Состав населения здесь был многосословным, но можно выделить некоторые «гнезда» горожан, принадлежавших к однородным социальным слоям. Поблизости друг от друга стояли дворы детей боярских Поспелова, братьев Редровых. Соседствовали кузнецы и пушкарь. Служилое население в этой

части города составляло 63 %. Можно также отметить значительное число старожильческих фамилий среди населения этого района и соседство родственников. Здесь проживали четыре семьи детей боярских Гречаниновых, столько же Силиных, Солениковых, три семьи детей боярских Лавровых[23]. Эту часть города также можно рассматривать как одно из мест формирования старожильческой застройки.

«От Воскресенского большого ввозу под горой в посаде» размещалось 45 дворов, из которых 16 (36 %) имели по 2 и более отапливаемых помещения. В этом районе также значительное число жителей являлось служилыми людьми, вместе с казачьими вдовами они составляли до 60 % населения. Старожильческих фамилий здесь встречалось немного, а родственные связи были довольно развиты: пятая часть населения этой части Томска — родственники[24].

Береговой посад располагался вдоль Томи и насчитывал 73 двора. Четверть усадеб имела по два и более отапливаемых помещения. Обращает на себя внимание обилие в этой части застройки старожильческих фамилий: Ружковы, Бубенные, Канаевы, Рудаковы, Аргуновы и др. Здесь же можно выделить некие территориальные объединения детей боярских. Подряд стояли дворы томской служилой «аристократии»— Прокофия Бубенного, Игнатия Ядловского, Василия Бубенного, Ивана Ядловского. Возможно, эти семьи породнились. В Береговом посаде проживали такие известные в Томске личности, как пятидесятник Федор Рудаков, сын боярский Дмитрий Копылов, подьячие Иван Тарасукин и Андрей Усков, дьякон Богоявленской церкви Дмитрий Петров. Обилие родственников (Волгасовы, Жуковы, Смокотнины и другие) характеризует эту часть города как место издавно сложившейся застройки. Тот факт, что именно здесь проживал дьякон Богоявленской церкви, дает основание отнести Береговой посад территориально ближе к устью Ушайки, так как именно это место естественно входило в Богоявленский приход[25].

Густо населена была часть Томска, названная источником «от Жирова колодези в посаде» и также принадлежавшая к Богоявленскому приходу, но расположенная значительно дальше от реки по сравнению с предыдущим районом. Именно поэтому колодец как точка отсчета играл важную роль. Здесь 40 % из 113 усадеб имели по 2 и более отапливаемые избы. Стало быть, именно здесь концентрировалось наиболее зажиточное

население Томска. Заметим, что значительное число дворохозяев этого района не отнесено источником ни к одной из значимых социальных групп, доля же служилого сословия составляла только 40 %. Эта часть застройки не являлась новоселенческой — здесь размещались дворы представителей многих старожильческих фамилий: Неупокоевых, Баташковых, Капканщиковых, Губиных, Вершининых и др. Прослеживаются и тесные родственные связи: по три двора принадлежало Вяткиным, Ляпиным и Ворониным, по два — Ломовым, Брагиным и еще многим томичам. «От Жирова колодези в посаде» проживали шесть пятидесятников, сотник, казаки с большим послужным списком, подьячие, таможенный голова, дети боярские. Здесь же находились усадьбы котельника Ксенофонтова с братьями, трех кузнецов, двух часовщиков, причем все кузнецы и часовщики жили по соседству[26]. На этой территории города обосновались томичи, чья жизнь была тесно связана с торгово-промышленной деятельностью. Прежде всего это касается зажиточной семьи Губиных. По соседству с двором вдовы известного предпринимателя Константина Губина стояла усадьба ее сына Елизария. В дальнейшем Е. Губин продал свой двор таким же представителям торгово-промышленной прослойки — Капканщиковым. В этом посаде жили занимавшиеся торговлей и промыслами братья Яков и Афанасий Коноваловы, кожевники братья Клестовы и многие другие томичи, включенные в сферу торгово-промышленной деятельности. Горожане этой части Томска отличались известной зажиточностью[27]. Некоторые из здешних предпринимателей отошли от служилого сословия, но еще не обрели новый социальный статус. Поэтому так много у «Жирова колодези» дворохозяев, чью социальную принадлежность источник никак не определяет.

В «Береговых улицах подле юрт» располагались 32 двора. Треть из них имела по два и более отапливаемых помещения. Здесь также встречаются известные старожильческие фамилии, однако родственные связи прослеживаются слабо. Большинство жителей этой части города не отнесено источником ни к одной из значимых категорий населения. Селились в Береговых улицах и вновь прибывшие в Томск ссыльные. Много в этом районе проживало толмачей, в большинстве своем «новокрещен», т. е. представителей коренного населения Сибири. Думается, что «новокрещены» селились здесь не случайно — ведь Береговые улицы примыкали к юртам.

Население этой части города было чрезвычайно пестрым по своему составу. Его следует отнести к «новостройке». При этом новопоселенцы ставили свои дворы ближе к юртам. Например, двор появившегося в Томске к началу XVIII в. Л. Лопушинского располагался в непосредственном соседстве с юртами[28].

«В крайних улицах по реке Ушайке» насчитывалось 74 двора, около трети из них имели по две и более отапливаемые избы. В этой части города наряду с представителями служилой верхушки проживало множество их родственников, не «поверстанных» в службу и не причисленных в этот период к какому-либо социальному статусу. Старожильческие фамилии в крайних улицах по Ушайке преобладали. Четыре двора принадлежали в этом районе Чускаевым, три — Середининым, по два — Неверовым, Березкиным, Лебедевым и др.[29].

Ушедший в отставку с богатым послужным списком пеший казак Борис Чускаев имел у себя в усадьбе три отапливаемые избы. Б. Чускаев являл собой пример служилого, втянутого в торгово-промышленную деятельность. Он платил значительный налог с торгов и промыслов. Рядом с усадьбой отставного казака находился двор Алексея Чускаева, также включавший три отапливаемых помещения. По соседству проживала вдова Елисея Чускаева, одного из основателей династии. Здесь же находился двор конного казака Гаврила Мартынова Чускаева, имевшего в Томске свои торги и промыслы. Неподалеку стоял двор «чускаевского отпущенника» Якова (видимо «новокрещена», воспитанника семьи Чускаевых)[30].

В целом застройка по р. Ушайке представляла собой издавна сложившийся район с тенденцией роста в сторону юрт.

На самом устье р. Ушайки было расположено 12 дворов (рис. 3). Этот район необычайно однороден по своему составу: его жители не принадлежали ни к одной из значимых сословных групп. В имущественном отношении дворовладельцы на устье Ушайки также не были дифференцированы — все они имели по одному отапливаемому помещению. Здесь не встречается ни зажиточных хозяев, ни старожилов. Об этом свидетельствует фамильный состав этой части Томска, застроенной, по всей вероятности, гораздо позже других[31].

«В городе за гостиным двором» находилось 42 усадьбы. Социальная принадлежность подавляющего боль-

Рис. 3. Застройка г. Томска в районе устья р. Ушайки. 1706 г. В центре усадьба с мощеным двором конного казака А. Мельникова.
(См.: ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 311.) Реконструкция архитектора А. Ю. Майничевой.

шинства их хозяев (74 %) в источнике никак не обозначена. Только две усадьбы имели по два отапливаемых помещения. Фамильный состав дает возможность полагать, что наряду с отдельными потомками старожильческих семей здесь преобладало новое, недавно прибывшее в Томск население. Эта часть города не являлась «престижной». За гостиным двором стояли дворы гулящих людей, «калмыков», томского палача — «заплечного мастера Петра Григорьева»[32].

За р. Ушайкой «в Благовещенской береговой улице в посаде», входившей в состав Благовещенского прихода, насчитывалось 162 двора. Это был второй по величине район города с разнообразным по составу населением. Около 21 % жителей имели в своих усадьбах по две и более отапливаемые избы. Наряду с представителями старожильческих фамилий из числа служилых и их родственников, в этой части Томска обосновалось много посадских — до 17 % всего состава дворовладельцев. Кроме официально зачисленных в томский посад «тяглецов», в Благовещенской береговой улице стояли дворы ремесленников — мыльника, присыльного кирпичника, шерстобоя, плотника, иконника, пушкаря. Но, несмотря на значительное количество посадских и ремесленников, район, расположенный за Ушайкой, все же нельзя рассматривать как промышленный центр города. Здесь проживало много служилых и вновь «присыльных» людей. Соседствовали дворы сынов боярских и подьячих (Васи-

ния Поламошного, Дмитрия Болтовского, братьев Андрея и Осипа Протопоповых, Степана Старкова, Василия Вершицкого и др.). Район рос за счет не только постройки дворов потомственных томичей, но и таких факторов, как ссылка и переселение[33].

Подробное рассмотрение порайонного заселения Томска позволяет судить не только о его планировочной структуре, но и о характере населения, степени развитости социальной структуры. К началу XVIII в. можно заметить в расселении горожан тенденции как к сословной консолидации, так и к стиранию сословных рамок. Превращению служилых в монолитное сословие противодействовали объективные причины — сокращение гарнизонов, вовлечение казаков в торгово-промышленную деятельность. Сословия, не успев сложиться на собственно феодальной основе, размывались под воздействием новых, отнюдь не феодальных факторов. В районах старой застройки сословия смешивались, в местах новостройки шел процесс утраты прежней сословной принадлежности. Количественно росла часть горожан, не вошедших в строгие рамки социальной структуры,— это предшественники будущих цеховых, мещан, разночинцев, купцов.

ГОРОДСКАЯ УСАДЬБА

Жилище — одна из важнейших составляющих быта и культуры любого народа. Изучение жилых построек способствует решению многих проблем истории народа, начиная от этногенеза и общего характера хозяйства и кончая проблемами духовной культуры. При этом наибольший интерес представляет жилище средних и низших слоев городского и сельского населения, тогда как хоромы знати далеко не всегда отражают национальный характер этой области материальной культуры[34].

В традиционном обществе жилище — один из ключевых символов культуры. С понятием «дом» в той или иной мере соотносятся все важнейшие моменты картины мира у человека. Стратегия поведения человека дома или вне его пределов принципиально различна[35] даже и в наши дни. Дом — один из основных источников и трансляторов информации. Технологическим кодом передавались жизненно необходимые знания, навыки, опыт как во время выполнения домашних работ, так и во время строительства жилища[36].

Важной содержательной доминантой дома является его связь с социальной организацией. Само слово «дом» в ряде индоевропейских языков первоначально, видимо, означало не жилое строение, а общественную организацию, семью. С появлением жилища мир приобрел те черты пространственной организации, которые на бытовом уровне остаются актуальными и сегодня. Дом придал миру пространственный смысл, укрепив тем самым статус наиболее организованной его части[37].

До нашего времени жилые постройки XVII в. практически не дошли. Основными материалами, на основе которых можно составить представление о жилищах крестьян и рядовых горожан, являются письменные источники. Однако документы умалчивают о внутренней планировке жилищ, об интерьере и, кроме того, не выявляют однородность (типологию) в территориальном размещении и хронологических привязках жилища, ведь данные чаще всего разрозненны во времени и пространстве. И вполне естественно, что до наших дней дошло гораздо больше источников о городских постройках, чем о сельских[38].

Больше всего информации для изучения жилища дает актовый материал, особенно купчие, где подробно описаны продаваемые или покупаемые дворы. В этих случаях постройки описывались подробно, иногда даже с указанием размеров помещений и площади усадеб.

В источниках XVII в. термин «двор» означал податную единицу обложения феодальными повинностями. При этом каждый из дворов имел свое конкретное содержание. Наиболее близким по значению к понятию «двор» является современный термин «усадьба»[39].

Усадьба западно-сибирского города XVII — начала XVIII в. представляла собой комплекс жилых и хозяйственных построек, включая непосредственно двор или «дворовое место» и огород — «огородное место». На «дворовом месте» располагались жилые и хозяйственные постройки, на «огородном», кроме огорода, часто находились колодец, баня, иногда сараи или амбары. Данные источников (купчих) позволяют с достаточной степенью достоверности определить площади 20 томских городских усадебных комплексов на начало XVIII в. Половина из этих усадеб (10) имела площадь, превышающую 1000 м² (3359, 2615, 1684, 1621, 1457, 1306, 1229, 1189, 1012 м²), пять усадеб занимали площадь от 855 м² до 670 м², площадь остальных пяти составляла соответственно 447, 423, 259, 132 м²[40].

Приведенные данные в общих чертах согласуются с размерами усадеб в городах европейской части России. В Москве в XVII в. двор окольничего по площади равнялся 800 м², в Угличе усадьба посадского человека насчитывала 1500 м². Площадь другой московской усадьбы более раннего времени составляла 900—1000 м²[41]. По-видимому, дворы сибирских горожан не отличались существенно по своим размерам от жилых комплексов российских городов.

Особо следует оговорить застройку в районах так называемых бухарских юрт, где селились среднеазиатские купцы*. Организованное пространство при юртах было меньше средней городской усадьбы и равнялось в двух описанных источником случаях 148 м² и 58,7 м²[42]. Возможно, это объясняется отсутствием при юртах «огородных мест».

В усадебном комплексе западно-сибирского города площадь огорода была больше самого «дворового места» в два, а то и в три раза. Например, в усадьбе томского казачьего сына Ивана Иванова Лебедева «дворовое место» занимало 385,4 м², а «огородное» — 915,3 м² (рис. 4). Таким образом, на долю обрабатываемого участка земли приходилось 73 % всей площади[43]. Можно сказать, что такое соотношение было типичным.

Собственно «дворовое место» чаще всего было огорожено заплотом, тогда как огород преимущественно ограждался частоколом. Характерно, что термин «заплот», употреблявшийся на Русском Севере в XVI—XVII вв. для обозначения стены или ограждения, построенных техникой замета, не только был широко распространен в Сибири, но и сохранился вплоть до XX в.[44] В источниках встречаются описания усадеб, где и двор, и огород забраны «в заплот». Как правило, такой тип ограды встречался у зажиточных горожан, дворы которых нередко были мощеными и крытыми. В типичной для средних слоев городского населения усадьбе томского конного казака Тихона Великосельского двор был в «заплоте», а огород — «в частоколе»[45]. В богатой усадьбе вдовы сына боярского И. Гречанинова и двор, и огород были ограничены заплотом, причем двор Гречаниновых был не только крытым, но и мощеным (рис. 5). Огражденный заплотом двор сына боярского Д. Михайлова

---

* Бухарцы, постоянно проживавшие в сибирских городах,— это среднеазиатские торговцы, принявшие русское подданство. Подробно см.: *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в.— Новосибирск, 1990.— С. 208—209.

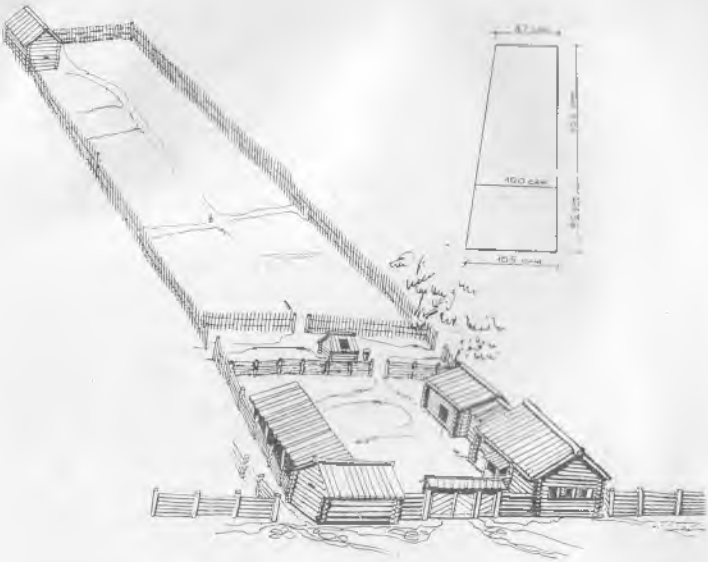


Рис. 4. Усадьба томского казачьего сына Ивана Лебедева. 1706 г. (См.: ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 312об. – 313.) Реконструкция архитектора А. Ю. Сидоровой.

был покрыт драньем — этот материал широко употреблялся для подобных целей[46]. В использованных в данной работе источниках при описании «дворовых мест» встречаются следующие формулировки: «двор в заплоте», «двор в заплоте мощеной», «двор в заплоте крытой и мощеной».

Что касается огородов, то только в 2 томских усадьбах из 11 (где имеются сведения об ограждениях) они были окружены заплотом, в остальных случаях — частоколом. Огораживание дворов приемом «в заплот» практиковалось и в бухарских юртах[47].

Конструкция ограды приемом замета (заплота) состояла из прясел. Такое прясло представляло собой два вертикально врытых в землю столба, в каждом из которых со стороны другого столба выбирали паз. В эти пазы вставляли затесанные и пригнанные «пальца» горизонтально уложенных бревен, которые клали одно на другое до нужной высоты. Такая ограда иногда называлась также лежачим тыном[48].

Забор должен был надежно защищать усадьбу не только от случайных нежелательных посетителей, но и от нередких в те времена преднамеренных нападений. Заплот и частокол в целом отвечали этим требованиям.

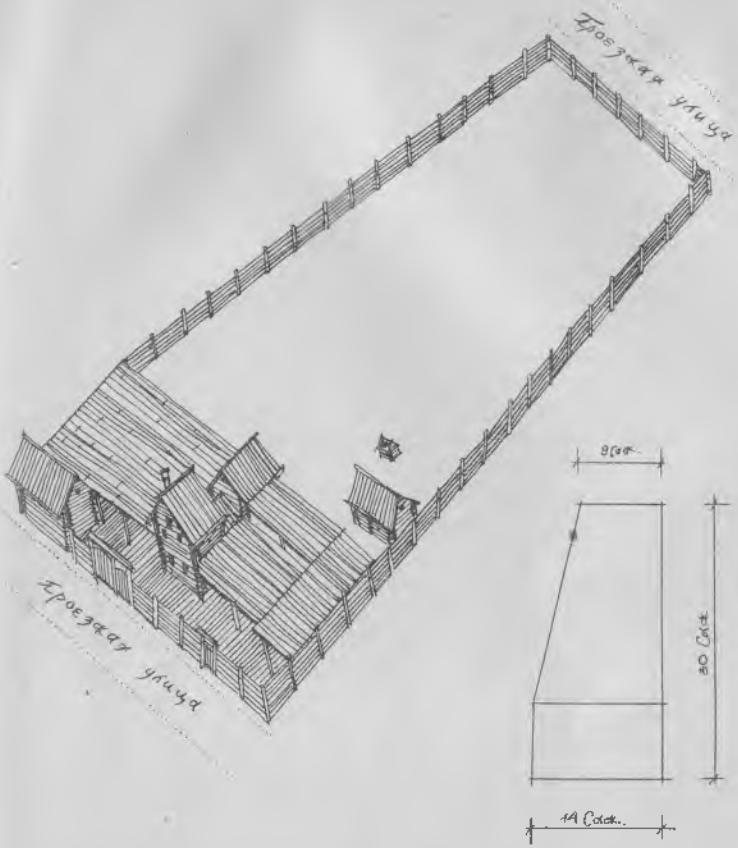


Рис. 5. Усадьба вдовы томского сына боярского Манойла Гречанинова. (См.: ЦГАДА. СП. кн. 1452, л. 328 – 328об.) Реконструкция архитектора А. Ю. Майничевой.

Во двор городской усадьбы входили через ворота. Как правило, ворота были ориентированы на проезжую улицу, переулок или заулок, т. е. ответвление от улицы. Иногда ворота делались с калиткой как, например, в усадьбе томского жителя Петра Иванова Каменщика. В ограждениях некоторых усадеб кроме основных делались еще и маленькие воротца. Они упоминаются, например, в нарымском документе середины XVII в.: «...во двор шел с человеком... в маленькие ворота». Небольшая потайная калитка была в усадьбе нарымского попа («...была у попа калитка заделана для попова с братию воровства...»). Ворота или калитки могли находиться со

стороны огорода. В одной из челобитных читаем: «...закрался... с огороду в задние воротца в полдень...»[49] К сожалению, письменные источники не позволяют выявить конструктивные особенности ворот.

Как показывают материалы городов европейской части России, в частности Москвы, жилые помещения горожан преимущественно находились внутри дворов[50]. Общепринято мнение, что таким же образом располагались жилые постройки и в сибирских городах. Однако изучение источников XVII в. показало, что подобное положение построек в усадебных комплексах городов Сибири вовсе не являлось обязательным. Существуют документальные материалы, из которых следует, что жилые помещения усадьбы могли выходить окнами и на проезжие улицы. Например, в усадьбе томича Ивана Тихонова Сажина, расположенной в Нижнем посаде «под бугром на песку», «против избных окон» находилась проезжая улица[51].

Такое расположение жилых построек можно было наблюдать и в Сургуте, где из следственного дела 1699 г. известны факты, касающиеся планировки усадьбы. В источнике читаем: «...а учинились они к нему Афоньке в дом ночию и почали стукать под окном, что б их пустить в избу, потому что де он Афонька... до прихода их спал, а двор его Афоньки... был на запоре»[52]. То, что многие избы сибирских горожан выходили окнами на улицу, подтверждает и челобитная томского казачьего сына И. Березкина, поданная им в 1681 г. В этом документе И. Березкин жалуется на пешего казака С. Симонова: «...пришел он, Степан, ко мне, сироте твоему, под окошко к моему дворенку, и учал он, Степан, женишку мою бесчестить великою непотребною бранью, а неведомо за что. И в то же время вышел я, сирота твой, на улицу из своего дворенка...»[53]

Данные по двадцати томским жилым комплексам также предполагают в ряде случаев расположение построек в усадьбах с выходом окон непосредственно на городскую улицу. Так, около самых ворот находились жилые строения во дворе казачьего сына Ивана Лебедева, жившего в «крайних улицах по реке Ушайке» (см. рис. 4). Напротив избы, по другую сторону от ворот, стояла клеть. Таким образом, и изба, и клеть помещались на одной прямой с воротами, по обе стороны от них. Резонно предположить, что окнами эти постройки выходили на улицу. Поблизости от ворот находилась изба и в усадьбе томского отставного пешего казака Кор-

нила Лапина, проживавшего в части Томска, именуемой «от Жирова колодези в посаде». В его дворе подле ворот располагались «изба малая да клеть»[54].

Разумеется, приведенные примеры ни в коем случае не исключают возможности нахождения жилых помещений внутри двора усадьбы или выхода на улицу глухих стен изб. К ряду жилых комплексов сибирских городов XVII в. вполне может подойти выражение «мой двор — моя крепость». И действительно, огороженные «в заплот» мощными бревнами, а подчас глухими стенами жилых или хозяйственных построек, дворы иногда представляли собой нечто вроде маленьких крепостей. Двор нередко использовался как оборонительный пункт. В источниках XVII в. часто встречаются сюжеты, когда дворы выдерживали осаду злоумышленников. Подобным образом в середине XVII в. использовали жилой комплекс нарымские служилые люди: «...и мы от них заперлись на дворишке в хоромях»,— говорилось в источнике[55]. В этот же период в Нарыме, во время конфликта воеводы с оппозиционно настроенными горожанами, последние заперлись от людей воеводы во дворе. И «...по дворишку нашему стрелял и хоромы и сени и ворота испробил во многих местах...»— писали нарымчане в своей челобитной. Далее из документа следует, что двор выдержал осаду и достать смутьянов воеводским приспешникам так и не удалось[56].

В последних случаях окна жилых построек явно не выходили на улицу, иначе «испробитые окна» непременно фигурировали бы в подробном описании челобитчиков.

На самом дворе, или «дворовом месте», нередко мощеном, а подчас и крытом (что зависело от имущественного положения дворовладельца), располагались жилые и хозяйственные постройки. При этом количество жилых строений зависело от достатка горожанина. У представителей семьи томских детей боярских Гречаниновых во дворе находились «горница черная на жилом подклете», по сути двухэтажное здание, «против нее другая горница на мшаннике», а подле ворот, на углу, стояла клеть[57].

В большинстве дворов горожан все-таки была одна жилая двух- или трехкамерная постройка, чаще всего изба с сенями и клеть. В сибирских источниках можно встретить большое количество описаний подобного рода: «избенка с сеньми» или «изба, против нее клеть, меж ими сени». Такой тип жилища являлся самым распрост-

раненным в XVII в., но не единственным. Из числа имеющихся в нашем распоряжении данных по городским жилым комплексам Томска наиболее часто встречаются: «изба, против нее клеть, меж ими сени», «изба с сеньми», «избенка с сеньми ветхая». Есть примеры, когда усадьба включала в себя помимо основной избы и так называемую «малую» избу. Томский конный казак Иван Аргунов продал свой двор, в котором кроме «избы с клетью и сеньми» позади клети находилась еще и «изба малая, а позади той избы огород»[58].

Подробное описание избы снисейского посадского человека на начало XVIII в. приводит Н. Н. Оглоблин: «Изба новая, мерою 3 сажени без аршина, у той избы одно окно колодное, 4 окна волоковые, у той же избы двери на крюках железные, да в той же избе печь кирпичная, перед избой сенишка, драньем огорожено»[59]. К сожалению, по Западной Сибири таких подробных описаний в научном обороте пока нет; явно недостает данных и в архивных источниках. Трех-, четырехсаженные избы зафиксированы в описаниях дворов Усть-Ницынской слободы Тюменского уезда. «4-х сажень клеть наземная сосновая» была у Игнатия Воронина; «изба трех сажень, лес сосновый»— у тюменского посадского Сидора Иванова[60]. Видимо, трех-, четырехсаженная изба-клеть была наиболее распространена.

Что касается отопления помещений, то, по всей вероятности, в XVII в. имели место как курные, «черные» избы, так и избы с выведенными дымоходами, т. е. «белые». Последние принадлежали обычно служилой верхушке, администрации, торгово-промышленным деятелям — другими словами, достаточно обеспеченной части горожан. Основная масса жителей имела курные избы, где дым выходил из помещения через специальные дымники, или «дымные окна». В Кузнецке в 1673 г. злоумышленники проникли в дом конного казака Федора Максимова через отверстие, проделанное для выхода дыма: «...а вошли де они в избу трубою, дымным окном...»[61]

У зажиточных горожан, в том числе, естественно, и в воеводских хоромах, делали обычно кирпичную выводную трубу. Например, на томском воеводском дворе в 1689 г. была «складена новая печь и труба против печи казенка... а робили они и сделали кирпичную печь и выводную трубу и казенку на-готову»[62].

Кроме отапливаемых жилых помещений, о количестве которых дают представление книги сбора «подым-

ных денег» с горожан, во многих усадьбах были и холодные жилые постройки, используемые главным образом в летний период. Такие неотапливаемые помещения именовались в источниках горницами и строились зачастую на высоком подклете.

К хозяйственным и вспомогательным постройкам в пределах усадьбы можно отнести клети, иногда на подклетах, которые летом служили жильем, а зимой использовались как кладовые. В клети кузнецкого пашенного крестьянина Обросима Горбунова находилось: «...в сумке обмет соболий да три соболя, три круга льну, тюк холсту хрящу, шесть мотков прядена неводного сурового, три мотка малых обметных мытого прядена». Иногда внутри клети делали полати, о чем свидетельствует запись: «в клетишке на полатях»[63]. Клеть могла являться составной частью трехкамерной связи, а могла служить и самостоятельной постройкой. В некоторых усадьбах строилось по нескольку клетей для разных надобностей.

Усадебный комплекс располагал различного рода хозяйственными постройками. В усадьбах томичей можно выделить такие хозяйственные строения: амбары хлебные, амбары рубленые с перерубом, сараи крытые, сараи крытые и мощеные, скотские избы с сеньми, овины со всяким строением и поскотиной, погреба с напогребицей, погреба, находившиеся под клетью, бани, в том числе и с предбанником, и др. В одном из дворовладений Томска описан амбар для хранения хлебных запасов — «амбар рубленный с перерубом, покрыт дранью, замок немецкий». Амбары и сараи могли находиться как на территории двора усадьбы (например, в огороде), так и за ее пределами. Но гораздо чаще они являлись частью хозяйственного комплекса — «амбар да овин, кругом поскотина» или «овин со всяким строением и поскотиной»[64].

Несмотря на наличие во всех сибирских городах общественных бань, большинство горожан имели свои собственные бани, которые входили в систему усадебного комплекса. Об этом свидетельствуют такие налоговые документы, как «банные книги». Томичи на протяжении XVII в. постоянно подавали в Сибирский приказ прошения о разрешении им постройки новых бань взамен сгоревших или пришедших в негодность. Известно, что в 1705 г. в Нарымском уезде у жителей было 43 бани, в Кетском уезде 35 бань, в Иркутском — 942 бани. Из томских фискальных документов и челобитных вид-

но, что практически все население города к XVIII в. имело собственные бани. В 1630—1631 гг. томичи писали в Москву жалобу на воеводу П. Пронского, в числе прочих притеснений обвиняя его в том, что он «...отнял у всех людей дворовые их бани и отдал татарам» под жилые помещения[65].

Бани в усадьбах иногда располагались прямо во дворах, как, например, у томского пушкаря Осипа Борисова, который «...продал... дворовое свое и огородное место... а на том дворовом месте строена баня с предбанником...». Однако гораздо чаще бани ставились в огороде. Это делалось прежде всего в целях противопожарной безопасности. Запись «в огороде баня с предбанником» наиболее типична для документов изучаемого периода[66].

Значительно реже баня примыкала к жилой постройке. Обычно это практиковалось в «воеводских хоромах», где баня (в таких случаях чаще употреблялся термин «мыльня») встраивалась в систему жилого комплекса. Подобное расположение бани встречалось и в усадьбах зажиточных горожан. Так, в Томске у вдовы Аграфены Микитиной во дворе были построены «изба с сеньми и клеть с банею»[67].

Вынос бани за пределы усадебного комплекса не типичен. В этих случаях баня, как правило, строилась на берегу реки. Так, баня томского конного казака Ивана Аргунова находилась на берегу Томи, «позади двора к берегу» [68]. Бани на берегу реки можно увидеть и в современной деревне.

Как отмечалось выше, большую часть приусадебных площадей занимало «огородное место». Здесь помимо самого огорода могли размещаться и хозяйственные постройки — сараи, амбары, бани; часто именно в огороде устраивались колодцы. Иногда колодцы были рассчитаны на пользование нескольких живших по соседству семей, как это практиковалось в усадьбе казачьего сына Ивана Лебедева в Томске (см. рис. 4). Его колодец располагался в огороде и использовался «вобще с Иваном Старковым и вдовой Анфимьей, дворы которых находились справа и слева от участка Ивана Лебедева[69]. Здесь же, в усадьбе И. Лебедева, позади огорода имелось «амбарное место», предназначенное под хозяйственную постройку, размером 3×1,5 сажени. В огороде у томича, конного казака Белоусова кроме бани с предбанником также находился хлебный амбар (рис. 6)[70].

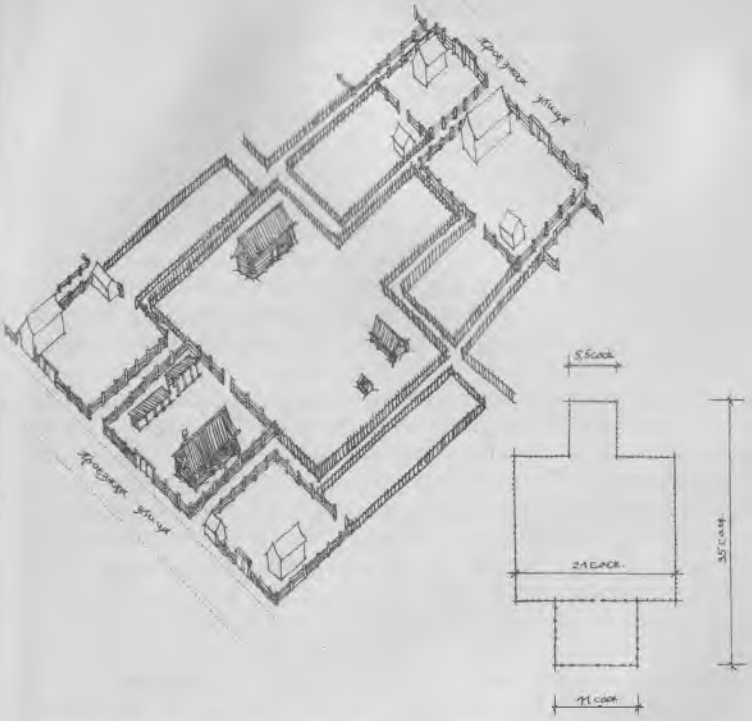


Рис. 6. Усадьба томских казачьих детей Белоусовых. Томск, Нижний посад. 1706 г.
(См.: ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 318 – 318об.) Реконструкция архитектора А. Ю. Майничевой.

Необходимой принадлежностью усадьбы являлся погреб — устройство для хранения продуктов при определенном температурном режиме. Раскопки на территории европейской части России показали, что на Руси издавна наряду с «теплым» (без льда) погребом существовал ледник. В сибирских источниках при описании городских усадеб также упоминаются погреба. Погреб с напогребицею (надстройкой) или без нее мог располагаться во дворе как самостоятельное сооружение (например, «позади сеней — погреб», но чаще в сибирской усадьбе встречаются погреба «под клетью» («...да клеть же ветхая, под ней погреб»). В данном случае роль напогребицы выполняла клеть[71].

Набор хозяйственных построек варьировал и в конечном счете зависел от имущественного положения горожанина, от размеров его хозяйства.

В XVIII в. в сибирских городах проживало немало ремесленников и людей, занимающихся торгово-предпринимательской деятельностью. К сожалению, источники не позволяют в полной мере составить представление о их рабочих помещениях. Зачастую ремесленники, специализирующиеся на обработке однородного сырья, селились неподалеку или даже по соседству друг от друга. Вполне естественно, что ремесленники, связанные такими промыслами, как мыльный, мясной, свечной, кожевенный, т. е. требующими помещений для заготовки и обработки сырья и определенного технологического процесса, сопряженного с загрязнением окружающей среды, выносили свои производственные помещения к черте города или же сами их усадьбы с жилыми и подсобными строениями располагались на окраине. Изба тобольского горшечника, например, находилась на краю Тобольска «в пустом овраге». Это было скорее чисто производственное помещение, а не жилой комплекс. Половина этой «горшечной избы» была вкопана в землю. В овраг, рядом с которым находилась «горшечная изба», «весь Тобольск сбрасывает скотский и человеческий навоз и мертвый скот»[72]. Место, где проживал сам горшечник, не указано.

В Тюмени в начале XVIII в., судя по плану города, кожевенные избы были вынесены к самой окраине, к так называемому бояраку. Это было место, в сторону которого город не рос. В «боярак», как и в описанный тобольский овраг, горожане сбрасывали бытовые отходы; сюда же, видимо, шли и отходы от кожевенного производства. Сами тюменские кожевники проживали в различных районах города, но их кожевни сосредотачивались в одном определенном месте.

Изучение сибирских городских построек на основании источников XVII — начала XVIII в. дает возможность выявить ряд различий и аналогий с постройками подобного типа в европейской части страны и сделать выводы о возможных заимствованиях и отличиях в этой сфере материальной культуры.

Прежде всего отметим, что выделить какой-то особый сибирский тип жилища, сложившийся в Западной Сибири к началу XVIII в., невозможно. Жилым комплексам на этой территории были присущи многие характерные черты построек различных областей европейской части государства.

В городах Европейской России в течение XVI—XVII вв. наметился переход к трехкамерной связи [73].

В западно-сибирском городе к концу XVII — началу XVIII в. трехкамерные постройки также становятся преобладающими. Из тобольской росписи домов 1640 г. видно, что они в основном были двух типов: это двухкамерная связь («двор стрельца... а в нем хором изба да против избы сени в одну сторону») и трехкамерная постройка (на дворе софийского пономаря стояли хоромы: «изба, против избы клеть, да промеж избы и клети сенишка»). Из 22 томских жилых строений, относительно которых мы располагаем достоверной информацией, 16 состояли из трех помещений, укладывающихся в схему: изба — сени — клеть; изба — клеть — сени[74].

В городах европейской части страны намечалась тенденция расположения жилого дома ближе к улице[75]. Города Сибири знали много примеров, когда жилые избы выходили окнами на улицу. Во дворах сибирских горожан также можно отметить свободную планировку, присущую и исконно русским городам.

Ограды в усадьбах сибиряков имели вид заплота (замета) или частокола. Подобные же конструкции ограждений можно найти как на севере Европейской России, так в центральных и более южных областях[76].

В Сибири, как и на территории европейской части страны, наряду с курными, «черными», избами встречались и «белые» избы с выведенными дымоходами. Аналогии прослеживаются и в покрытии кровли тесом и драньем; в устройстве мощеных дворов, характерных для русской боярской усадьбы и довольно часто встречаемых в жилой застройке зажиточных сибирских горожан.

Что касается хозяйственных построек, то в сибирской усадьбе мы видим все основные их типы: амбары, сараи, бани, погреба, овины, сенники, конюшки и т. п.

Но если высотностью помещений отличался Русский Север, то в Сибири, как и на юге и в центре страны, подклеты сооружались в домах зажиточных горожан[77]. При обилии лесных ресурсов это вряд ли можно объяснить иначе как влиянием именно центрально- и южнорусских традиций. Отсутствием домов на высоких подклетах, в холодном климате заменявших погреба, объясняется и широкое распространение погребов в усадьбах сибиряков. Поэтому представляется несколько необоснованным мнение, что в Сибири погреба были относительно редки[78].

Северной строительной традиции было присуще наличие большого количества внутриусадебных построек.

В XVII в. в Новгороде во дворах горожан насчитывалось до 8—9 построек. В Москве в среднем на двор приходилось 6 построек. В Воронеже значительно меньше — около 3—4[79]. В сибирской городской усадьбе построек было еще меньше. Из 22 томских усадеб по четыре строения имели 4 двора, по три — 6 дворов, по две — 8, и из одного помещения состояли 4 усадьбы[80]. В среднем на двор в Томске приходилось чуть более двух строений, что в общем типично для небольших средне- и южно-русских городов и существенно отличается от поморских. Между тем леса в Сибири хватало.

Все это дает основание усомниться в доминирующем влиянии северной традиции в организации жилых комплексов в Западной Сибири, во всяком случае в Томско-Кузнецком регионе. Описание углицкой усадьбы XVII в., принадлежавшей вдове посадского человека, где находились трехкамерная изба (изба—клеть—сени), погреб с напогребицею, баня с предбанником, огород с расположенным там колодцем[81], гораздо больше соответствует типовому или усредненному представлению об усадьбе рядового сибирского горожанина, чем подобное же описание любой усадьбы жителя поморских городов. Новгородский шапочник, продавая свой двор, отмечал, что его «горница на подызбице (на подклете. — *А. Л.*), да сени на подъсенье, да клеть на подклете, да вверху сенница, да в предсенье чуланец, да байна (баня.— *А. Л.*), да мшанник — в одной связи под одной кровлей»[82]. Следует отметить, что для сибирских построек не характерно и большинство названий, принятых на Русском Севере. В наших источниках не встречаются термины «подъизбица», «чулан», «избушечка», «байна». Между тем можно найти почти полное совпадение в описаниях усадьбы томичей казачьих детей Солдатовых, имевших «избу с сеньми и клетью, погреб с напогребицею и овин со всяким строением»[83], с недвижимостью жителя Воронежа Ивана Сенчишкина, в хозяйстве которого были «изба да клеть, да погребица, да баня», а также гумно[84].

Аналогии с северной строительной традицией скорее можно проследить при возведении в сибирских городах воеводских хором, а также в построенных с оглядкой на них жилых помещениях именитых горожан, выполненных на высоких подклетах. Впрочем, подобным же образом выглядели дома в боярских усадьбах и в Центральной России.

В целом же городские усадьбы Сибири XVII — начала XVIII в. решительно демонстрировали преемственность типов и форм жилых и хозяйственных построек для всех территорий, на которых складывалось ядро Русского государства.

ГОСУДАРЕВЫ ПОСТРОЙКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Дома феодальной знати и вообще богатых людей не имели существенных территориальных отличий. И на севере, и на юге России это были большие рубленные из дерева постройки, всегда из нескольких срубов, а по высоте — в несколько этажей. Комнаты, находившиеся в разных этажах, служили как для личного обихода, так и для парадных приемов, пиров и увеселений. В XVI—XVII вв. на строительстве богатых хором все больше сказывается социальная дифференциация общества, дома знати все сильнее отличаются от усадеб и домов средних слоев и тем более бедных горожан[85]. Большие и малые города Сибири управлялись назначенными из Москвы воеводами, возглавлявшими не только военную, но и гражданскую администрацию города. Двор воеводы находился обязательно в защищенном крепостными стенами «городе». Здесь же, поблизости, располагались приказная или съезжая изба (впоследствии воеводская канцелярия), помещения для хранения казны, военных припасов, винный погреб, соляные амбары и другие постройки административного и хозяйственного назначения. В «городе» непременно находились аманатский двор (XVII в.) и острог для содержания колодников или тюрьма. Названия построек со временем менялись, но суть оставалась прежней. Так, в XVII в. место, где содержались военные запасы, именовалось «зелейным погребом», «оружейным амбаром», позднее его стали называть «артиллерийским сараем». Центр укрепленного «города» украшал собор, вблизи стояли усадьбы представителей духовенства и администрации.

С ростом городов в их структуре происходили существенные изменения, но воеводский двор и административные постройки и к середине XVIII в. в сибирских городах по-прежнему находились внутри городских стен.

В Туринске в XVII в. воеводский двор, судя по изображениям современников[86], состоял из трех построек, обнесенных оградой, прясла которой были сделаны как

тыном, так и заплотом. Находившееся внутри двора трехкамерное жилище — связь — имело одну крышу. Во втором этаже дома с высоким подклетом были проделаны оконные проемы; помещение имело и третий этаж — чердак, а возвышающаяся над кровлей дымница позволяет судить о том, что дом отапливался по-белому. Слева от трехкамерного здания располагалась небольшая постройка. От этой постройки тянулся тын до высокого здания, над которым также имелась дымница. Все строения имели значительную крутизну кровли.

В Пелыме, судя по ремезовским рисункам, воеводские хоромы включали в себя также большое трехчастное строение и небольшую постройку с дымницей. Трехкамерный дом стоял на высоких подклетах, в левом подклете имелись два дверных проема. Здание изображено со стороны двора, поэтому на рисунке показан основной вход в постройку — крыльцо у сеней и вымостка около крыльца. Левая часть трехкамерного помещения выше других — в три этажа. Последний этаж опоясывала галерея — гульбище. Все верхние этажи имели дымники, следовательно, они отапливались.

«Служебная чертежная книга Сибири», выполненная Ремезовым, дает стабильное число построек, входящих в комплекс воеводского двора. Это прежде всего дом-связь, отдельно стоящие повалуша, или горница на подклете, и несколько подсобных помещений. Такой набор построек был наиболее типичен для первой половины XVII в., хотя количество и тип их могли варьировать.

В 1667 г. в Томске был сооружен «новый воеводский двор, а на том дворе сделана горница с комнатою новые, да третья горница куплена...»[87]. Таким образом, в Томске воеводская усадьба насчитывала тогда три жилых помещения. В Кузнецком остроге в 1640 г. воеводский двор состоял из избы на подклете, горницы и клети[88].

В Нарыме в середине XVII в. был «строен воеводский двор, а хором в нем горница с комнатою большая на жилых подклетах, да повалуша... между повалуши да горницы сени большие да задние сени, да мыльня, да поварня большая, да погреб, да ледник с напогребицею, да изба поваренная большая, да конюшня с сараями» (рис. 7). Позднее нарымский воевода поставил на своем дворе «в прибавку светлицу ис красного лесу... и сени с перерубом», чем вызвал недовольство горожан, так как «прибавкой» нарушил установленный канон в организации воеводского двора «за государев счет», что и дало

Рис. 7. Хоромы нарымского воеводы Скобельцына. 40-е гг. XVII вв. (См.: ЦГАДА. СП. д. 212, л. 37.) Реконструкция архитектора А. Ю. Майничевой.

повод жалобщикам в числе других причин недовольства воеводой привести и этот аргумент[89]. Верхние этажи в хоромах нарымского воеводы представляли собой своеобразную «женскую половину»: в доме «...у него живут в верху женки и девки»,— писали про нарымского воеводу челобитчики[90].

Кроме жилых помещений воеводская усадьба включала в себя множество (по сравнению с дворами рядовых горожан) хозяйственных построек — клети различного назначения, поварню, мыльню как правило, встроенную в жилой комплекс, погреба, ледники, конюшни, сараи и пр.

В Томске в 1699 г. на воеводском дворе вновь отстраивались избы на подклетах, поварни и ледники. В этих работах наряду с плотниками принимали участие и кирпичники, клавшие в помещениях печи[91].

Как правило, жилые постройки воеводского двора были соединены между собой, так что из помещения в помещение можно было попасть, не выходя на улицу. Нарымский воевода, например, имел в своих хоромах «... сени и переходы»[92].

Надо заметить, что XVII век был временем весьма оживленного строительства. Зачастую воеводы отступали от признанных норм в организации своих хором, снабжая их дополнительными помещениями. Для воеводской усадьбы характерно наличие в жилых домах высоких подклетов и обилие хозяйственных построек.

Территория внутри городских стен являлась центром официальной жизни города на протяжении всего XVII в. и оставалась таковой и в начале XVIII в. Именно здесь совершались разного рода церемонии, местом которых были соборная церковь, воеводская приказная или съезжая изба и площадь перед ними. В «городе» происходили торжественные смены воевод, обставленные, однако, менее пышно, чем в европейской части страны[93]. Вообще же в приказной или съезжей избе решались все деловые, административные и политические вопросы. В городах такого ранга, как Томск, в приказной избе происходили дипломатические приемы, встречи и проводы послов, т. е. в конечном счете делалась политика государства.

Существует описание приказной избы г. Балахны. Там это административное помещение представляло собой большой двухкамерный дом с площадью почти 80 м²[94]. Можно лишь предполагать, что сибирские приказные избы отличались от постройки в Балахне разве что размерами. Документальные материалы по Сибири интересующего нас периода не дают возможности представить конструктивные особенности административных помещений. Известно только, что томская съезжая изба в первой половине XVII в. имела просторные сени. Именно здесь, в сенях, происходили торжественные встречи послов во время дипломатических приемов[95]. Кроме того, это помещение располагало и большим количеством окон, так как есть свидетельства неоднократной починки в течение года окончин в приказной избе[96].

Съезжая изба была местом, где вершился воеводский суд, куда шли с челобитными и известами горожане. Внутри острога, в непосредственной близости от съезжей избы, находилось и тюремное помещение. Вероятно, поэтому и сама тюрьма позднее стала именоваться в про-

сторечии острогом[97]. В Томске в середине XVII в. было даже две тюрьмы — источник указывает на это вполне определенно, называя в списках тюремных сидельцев сидящих в одной тюрьме и «в другой», причем в одном тюремном помещении одновременно содержалось девять человек, в другом — четыре. Здесь же, на территории «города», располагался и аманатский двор[98]. При тюрьмах состояли сторожа и «тюремные воротники».

В столице Сибири, Тобольске, за острожными стенами находились в начале XVIII в. приказная палата, приказная изба, судебня, расспросный двор, земляная тюрьма[99]. В томской съезжей избе судебные разбирательства велись в «судном столе», но было ли для этого выделено отдельное помещение, выяснить пока не представилось возможным[100].

Сохранилось скупое описание туруханской судной избы 1655 г. Из этого описания следует, что в помещении судной избы висели иконы. Когда туда привели уличенного в неприглядных делах Ивашку Толстоухова, тот «в избе де... иконам не перекрестился». Помещение туруханской судной избы делила решетка; здесь же, в избе, находился кроме целовальника и избного сторожа и колодник[101].

Нередкие в сибирских городах пожары приводили к тому, что дорогостоящие административные и хозяйственные помещения многократно отстраивались вновь. Поэтому правительство было заинтересовано в развитии каменного строительства. После сильного пожара на Верхотурье в 1701 г. было предписано «строить каменные строения, всякие нужные здания, соборную церковь и городовые башни, и воеводские ж житья по самой нужде, и гостин двор, и у того ж гостина двора у ворот таможню...»[102].

Так или иначе, каменное строительство постепенно внедрялось в практику сибирских городов. В Томске в 1707 г. на территории «города» были сооружены «4 палаты кладовые мерою в длину 18 сажень, а в вышину до сводов 5 аршин, а ширина стен 1,5 аршин. А своды у тех палат кирпичные, покрыты те палаты сверх сводов тесом в две тесины» (рис. 8)[103]. Подобного рода помещения ранее были только в столичном Тобольске. В XVIII в. каменное строительство в Сибири получает все большее распространение[104].

В XVIII в. часть хозяйственных зданий рассредотачивается из центра городов на окраины, в места новой застройки. Так, туринский воевода в 1702 г. в своей отписке в Москву сообщал, что «... в прошлых годах, из-

Рис. 8. Первое каменное строение г. Томска. Кладовые палаты. 1706 г. (См.: ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 264.) Реконструкция архитектора А. Ю. Сидоровой.

стари, в Туринску построены... государевы хлебные амбары в тесноте близ соборной церкви и жилых дворов, а пристойно, государь... те амбары перенесть ниже ямской слободы к Николаевскому монастырю, и поставить возле большую проезжую дорогу, и от гумен будет недолече, и для грузки в Тобольский отпуск близ Туры реки»[105].

В Томске в 40-е гг. XVIII в. казенные соляные амбары были отнесены от торгового и административного центра на берег Томи, к пристани[106].

ТОРГОВЫЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

К казенным постройкам хозяйственного назначения следует отнести и государевы поварни и мельницы. С первых лет освоения Сибири в крае начало развиваться хлебопашество. В первое время сибирские города снабжались привозным хлебом, но по мере сельскохозяйственного освоения территории в крае были созданы условия для существования товарного хозяйства на основе хлебопашества. В связи с этим появилась потребность в строительстве мельниц. К концу XVII в. в Тобольском уезде насчитывалось 975 мельниц, а в начале XVIII в. в Тюменском уезде было 120, в Томском — 95 мельниц[107]. Подавляющее большинство мельниц принадлежало частным лицам и находилось за пределами города на пашенных заимках. В городах находились «государевы» казенные мельницы.

Сохранился документ о неудачной постройке в Енисейске в 1628 г. «государевой» водяной мельницы присланным из Тобольска мельничным мастером литвином Гаврилой Прудниковым. Прудников строил мельницу три месяца, «делал без крепостей, не по-русски, на сваях, слани слал мало и обрубов у пруда не рубил». Мельница просуществовала недолго и была снесена «сплошной водой». Тогда местный воевода выбрал мастера из «гуляющих людей», который поставил бы новую мельницу «с русского обычая». Это должна была быть привычная прочная не свайная конструкция, которая могла бы противостоять большой воде при таянии снегов[108].

В Томске «государева» колесчатая мельница стояла на р. Ушайке. На ней мололи «в перемену» три жернова. Работать одновременно они не могли из-за невысокого уровня воды. Жернова были размерами в 2, 1,5 и 1,25 аршина. Производительность казенной мельницы достигала 3000 пуд. в год, а разница в оплате при помоле позволяет предположить, что качество помола на государственной мельнице было выше, чем на частных. Мельница не работала в полную мощность, так как «... в Ушайке в летнее время вода малая, а зимой от морозов вымерзает, а весной... все годы плотину размывает и портит... и от того той мельнице бывает простой в год месяца по два и по три»[109].

Вот как выглядела томская городская мельница в середине XVII в. после весеннего половодья: «На подгородной мельнице всякие мельничные снасти и заводу и амбар старый худ, впредь к новой мельнице не годится, изба поверх амбара худа ж, два колеса водяные худы и впредь к новой мельнице не годятся, а третье колесо новое и впредь годится, а сухие колеса все добрые и впредь... годятся, трое жерновы и снасти железные, веретена и жабки и шипы все добры к новой мельнице годятся, ковш и лари к новой мельнице годятся. Под железною снастью и под каменною деревянная снасть худа... молот железный годен, два каменя новые недруженные. А иного заводу нет никакого, все давешнею водой заломало»[110].

Таким образом, при мельнице был амбар с пристроенной сверху избой; у мельницы были три водяные колеса и так называемые «сухие колеса», три жернова, различные железные и деревянные снасти. Для муки стояли лари и ковши. Обслуживали государственную мельницу мельник и мельничный засыпщик. В 1703 г.

на томской подгородной мельнице работали в этих должностях Яков Юзныш и Иван Дубыня, по происхождению белорусы или украинцы (черкасы)[111]. Позднее в Томске насчитывалось уже несколько казенных мельниц, во всяком случае больше одной, так как документы 1707 г. указывают на верхнюю подгороднюю мельницу, следовательно, была и нижняя. На плане города 1748 г. на р. Ушайке обозначены «казенные мельницы»[112]. Для нужд «государевой мельницы» у горожан постоянно покупали рыбий жир и говяжье сало, используемые для смазки мельничных колес[113]. Приобретали у томичей и всяческую оснастку; например, у пешего казака Якова Голящихина были куплены «жерновы шестерики, пуд железа на веретено и на всякие мельничные починки, 10 фунтов укладу на мельничные снасти». Кроме того, для мельничного обихода постоянно необходим был деготь. Эксплуатация мельницы требовала определенных расходов, в среднем в год ее содержание обходилось более чем в 8 руб.[114].

К казенным производственным помещениям, обязательным для любого сибирского города, следует отнести поварни и кузницы. В каждом городе существовал штат состоящих на «государевой» службе кузнецов, бронников, часовщиков. К сожалению, не представляется возможным составить представление об их рабочих помещениях. Но имеется краткое описание обихода крестьянской кузницы, относящееся к 1679 г., которое в какой-то мере дает представление о том, что же там находилось: «... в... той кузнице двадцать ведер трески железной, да молот большой, да клюку железную, да запон кузнишной, и что было в кузнице деревянного заводу...» Надо полагать, что казенные городские кузницы отличались большим размахом.

Винная поварня в Томске в начале XVIII в. была построена на территории, со всех сторон окруженной водами Ушайки, в непосредственной близости от мельниц. Сведений о характере этого помещения не сохранилось. Зато мы имеем описание государевой винокурни в Верхотурье 1703 г. Она представляла собой целый комплекс сооружений: «плотина рубленая мерою 26 саж. Винокурня в высоком огороженном заплоте, крытая, длиною 25 саж. Поперек 6 саж. и с углами, да на углу прирубленная баня мерою пол трети сажени». При винокурне имелся подвал длиной 10 и шириной 5 саженей. Подвал имел самостоятельный выход. По другую сторону от винокурни располагалась хозяйственная постройка для

хранения солода — «мшенник солодовенный» 20×6 саженей. На территории винокурни располагались кирпичные сараи, было сложено 96 саженей дров. Среди обихода винокурни перечислены наиболее ценные металлические предметы: стояк железный с метками, сковородка медная обжигальная, насос железный. В помещении винокурни находились два образа — Спаса и Казанской Богородицы; в винокуренном подвале висела икона Одигитрии[115].

Самым оживленным местом города был торг. Здесь стояли нехитрые помещения — лавки, шалаши. Над ними возвышались церкви, названные во имя святых — покровителей торговли, каковыми на Руси считались Николай Мирликийский и Параскева Пятница. На торгу располагались и укрепленные торговые дворы приезжих купцов, как русских, так и иноземных. Посадскому устройству городов в XVI—XVII вв. был присущ тип торгового или гостиного двора, который представлял собой нечто вроде гостиницы для приезжих купцов, состоящей на содержании города. Такой двор составлял с городским торгом одно целое, хотя и был огорожен самостоятельным забором и запирался на ночь.

С развитием торговли и торговые помещения русских городов становились все более дифференцированными. Лавки представляли собой уже стационарные постройки, образовывавшие ряды, где продавались сходные товары или же торговали купцы, приехавшие из одних и тех же мест (что также обусловливало сходство ассортимента). Лавочные места и сами лавки принадлежали только горожанам, приезжие крестьяне торговыми помещениями владеть не могли и продавали свой товар «с возов и с стругов». Из стационарных построек на торгу следует отметить еще амбары для хранения товаров. Источники упоминают и менее значительные торговые постройки — шалаши, полки, ступы, предназначенные для мелкой ручной торговли[116].

В Белоозере гостиный двор стоял на торгу рядом с таможней. Белоозерская переписная книга перечисляет следующие постройки: «на дворе две избы, меж ними сени, три амбара, где кладут товары, а на нем живет дворник»[117].

В XVI—XVII вв. во всяком более или менее значительном торговом русском городе на торгу находился государев таможенный двор, куда приезжие купцы обязаны были являться со своими товарами, прежде чем начинать торговлю. Иногда таможенная изба ставилась

прямо на гостином дворе. В 1652 г. в г. Короче был построен гостиный двор «для приезду русских торговых людей и литовских купцов... а на дворе изба с сенями, да против сеней амбар... да у ворот изба таможенная, да ворота створчатые, а двор огорожен дубовыми пластины»[118]. В таможенных дворах хранились меры и веса. Таможенная служба следила, чтобы на торгу не продавались запретные товары. Для торговли лошадьми в крупных городах устанавливалась особая площадка, нередко она располагалась на краю торговой площади. Постепенно на торг перемещались и некоторые казенные амбары. Торг со временем становился также и сосредоточием управления посадом, здесь ставилась земская изба[119].

О том, что представлял собой торг небольшого среднерусского города Балахны, можно судить по описанию 1674—1676 гг. На торговой площади, расположенной около укрепленных стен, стояли две таможенные избы и земская изба, в подклете которой помещались три лавки и особый «подруб» — склад горшков. Неподалеку находилась еще и маленькая изба, где сидели площадные подьячие. На торгу располагались сенной шалаш, харчевенные избы, амбар и сусленная изба и было оставлено место под торговую баню. В пяти торговых рядах насчитывалось 134 лавки и 13 полков[120].

В XVI—XVII вв. в России строили большие гостиные дворы, представлявшие собой замкнутый четырехугольник с башнями по углам и над воротами. Наружу выходили глухие стены, а размещавшиеся по периметру здания торговые и складские помещения были обращены дверьми и окнами во внутренний двор, где могла производиться мелочная торговля. Впоследствии, в XVIII—XIX вв., гостиные дворы ориентируют наружу, так как главной задачей становилось привлечение покупателей, а оборонительные функции отходили в прошлое[121].

В Сибири в организации торгов прослеживаются те же принципы, что и в городах европейской части страны. Уже в 1601 г. в Тобольске был построен первый гостиный двор. В 1624 г. на нем имелись «горница на подклете... изба плоская и 29 лавок», в которых располагались со своими товарами приезжие купцы. После пожара 1629 г. гостиный двор в Тобольске вновь отстроился и к 1640 г. уже имел более 80 лавок. В 1671 г. тоболяки строят второй гостиный двор под горой, состоящий из простой деревянной избы «с сеньми» длиной в 4,5 саже-

ни и высотою в 17 рядов бревен. В 1772 г. на этом дворе насчитывалось 190 лавок[122].

Чтобы застраховаться от неизбежных губительных пожаров, в Тобольске в 1704—1706 гг. строится двухэтажный каменный гостиный двор с четырьмя башнями и двумя воротами. Он имел вид настоящей крепости и размеры 50×40 саженей. Одни ворота выходили к Никольскому взвозу, другие на торговую площадь. Над западными воротами находилась часовня, а над восточными — таможня, занимавшая три светлицы с переднею. На южной стороне верхнего этажа располагалось 16 лавок и столько же на северной. На южной стороне нижнего этажа было 18 лавок, на северной — 17. Под лавками нижнего этажа находилось 27 каменных погребов. Всего же на новом каменном гостином дворе имелось 67 лавок, 3 светлицы с передней и 27 погребов. По своим размерам Тобольский каменный гостиный двор только на треть был меньше московского, имевшего 166 торговых помещений. Помимо перечисленных, в Тобольске был еще и «калмыцкий двор», построенный, по-видимому, в конце XVI или начале XVII в.[123]

В Верхотурье к 1703 г. также имелся каменный гостиный двор. Он находился в прямом соседстве с базаром. Здесь же, неподалеку, находилась таможня. Описание верхотурского гостиного двора очень живописно: «От базару идучи на гостин двор от ворот по правой стороне шесть анбаров затворами на базар... от базару с угла в длину к реке сделано три лавки без перегородов и без потолков... лавки стоят лицом на улицу к прежней Воскресенской церкви... Да на гостином же дворе от наличных пяти лавок, что лицом на базар, зделано пять лавок на одном окладе, меж ими длиный поперечник кирпичный, а лицом те лавки на гостиный двор, наличные стены на гостиный двор, высотой в аршин... На гостин двор идучи на левой стороне складено возле ворот два анбара...» По оставленной описи легко представить этот уголок Верхотурья. На берегу реки, неподалеку от бывшего острога с его прежней Алексеевской башней, располагался целый торговый комплекс — гостиный двор со всеми своими помещениями, базар, таможенная изба. Здесь же, поблизости, находилась Покровская церковь. К реке спускался ручей, а к ручью тянулись два рва[124].

В Томске к 1796 г. была построена новая таможня, тогда как старая стояла «на базаре позади рядов». К этому времени в Томске функционировали по край-

ней мере два базара, один, так называемый верхний, находился непосредственно в остроге и со временем, видимо, все больше терял свое доминирующее значение, второй — «подгородный нижний базар», напротив, становился центром торговой жизни города[125]. На нижнем базаре были оборудованы лавки и лавочные места, а также полки для продажи рыбы, мяса, масла, хлеба и прочих товаров. Многие, если не все, томские торговцы и предприниматели имели свои лавки. Помещения лавок, видимо, не были достаточно основательными или плохо охранялись, так как известно, что лавка богатого томского промышленника мыловара Ивана Мыльникова не раз служила соблазном для местных разбойников[126].

Посетивший Томск в 1734 г. И. Г. Гмелин отметил наличие в городе большого гостиного двора с 45 лавками, в которых он увидел заграничные товары по ценам, соответствующим петербургским. В Томске в это время постоянно действовал базар, куда за покупками ежедневно с 9 до 12 часов дня приходили горожане. Отмечая оживленную торговлю в Томске, Гмелин писал: «Кажется, что почти весь город торгует»[127]. Г. Ф. Миллер в этом же году отмечал, что в Томске «учреждена довольно хорошая торговля, для которой в нижнем городе, ниже Ушайки, построен, наконец, большой продолговатый четырехугольный гостиный двор, в котором имеется 50 лавок»[128].

В каждом населенном пункте, более или менее значимом, имелись заведения, где бойко торговали спиртными напитками. «В каждом большом городе,— писал Флетчер,— устроен кабак, или питейный дом... С них царь получает оброк». Доход от кабаков составлял весьма существенную статью поступлений в царскую казну. Само название «кабак» употреблялось больше в быту, в официальных же документах со второй половины XVII в., когда «питейное дело» целиком сосредоточилось в руках государства и обслуживалось выборными людьми, чаще употреблялся термин «кружечный двор».

Верхотурский кружечный двор в 1703 г. представлял собой «избу на погребе, в ней две казенки, двери у избы и у казенок на крючках железных». Среди обихода винокурни перечислены бочонок емкостью в пять ведер, латунное ведро. На остальные детали обстановки автор документа, к сожалению, не счел нужным обратить внимание[129].

Кружечные дворы находились в ведении кабацких целовальников из посадских людей во главе с кабацким

головой. Они несли материальную ответственность за кружечный двор и поступления откупных сумм. Должность эта считалась выгодной, и занимали ее чаще зажиточные горожане. Кабаки были государственной монополией; корчемство, содержание частных кабаков, строго преследовалось[130]. Сибирские документы часто содержат разного рода обвинения «в корчемстве». Иногда они были ложными, но, по-видимому, обвинить недруга в том, что он «корчму держит», было проще и весомее всего.

Кабак обычно находился на торгу или возле него и представлял собой типичную городскую усадьбу, снабженную некоторыми постройками специального назначения. Так, в Великих Луках кабак состоял из трехкамерной избы — горницы, сеней с чуланом и клети. Под сенями находился подвал, во дворе — ледник с сушилом наверху. Отдельно стояли поварни и кружечная изба, где и производилась продажа[131]. В с. Слободском Нижегородского уезда в 1634 г. кабак выглядел так: «... а на кабаке хором — изба питущая, а в ней образ Пречистые Богородицы Казанские, пятилистовая на золоте, в избе стол дубовый. Другая изба полутретьи сажени, ветчана (ветхая. *А. Л.*), а в ней зимой стоит питье, да в ней же два короба, да лукошко, а в них хмелю по скаске кабацких целовальников двенадцать четей. Погреб дубовый полутретьи сажени, а на погребе амбар, одна стена трех саженей, а другие стены полутретьи сажени... да в амбаре и в погребу... яндова деревянная четверть ведра, ковш деревянный... бадья да шайка с носом... воронка винная же, стенная, невелика»[132].

К сожалению, источники не позволяют привести столь же подробное описание подобных заведений в Сибири. Остается только предполагать, что по основным параметрам они не слишком отличались от аналогичных по назначению построек в европейской части государства.

Кроме кружечных дворов, в Сибири в XVII в. в городах имелись квасные и харчевенные избы. В Томске в 1706 г. пеший казак Павел Серебрянников продал свою харчевенную избу присыльному человеку Луке Аверкиеву сыну Пирожника (тоболяку). Эта харчевенная изба с местом представляла собой усадьбу, вероятно недостроенную, так как при покупке не указано наличие других помещений. Изба находилась на людном месте, на базаре, позади рядов; поблизости располагались табач-

ная изба и старая таможня[133]. Здесь же, неподалеку, находилась и торговая баня.

Казенные бани, подобно кабакам, также представляли государственную монополию. Они предназначались в основном для приезжих, поскольку горожане, как правило, имели собственные бани. Однако не исключено, что в летнее время, когда из-за боязни пожаров запрещалось топить домашние бани и печи, местные жители пользовались общественной баней. Подобно кабакам, казенные бани отдавались на откуп. В 1640 г. тобольские и березовские служилые люди взяли на откуп бани за 20 руб. в год. Из условий пользования следует, что эти бани были по существу чем-то вроде постоялых дворов. Откупщикам разрешалось поставить три бани в разных местах Тобольского уезда и держать их три года. Очевидно, в торговой бане можно было остановиться на ночлег, поставить лошадей, помыться и закусить. Следовательно, торговая баня имела не только «мыльное» помещение, но и другие вспомогательные постройки. В отличие от кабаков в банях были запрещены хмельные напитки и азартные игры, что, впрочем, далеко не всегда соблюдалось.

По использованию общественных бань сибирские города мало отличались от городов европейской части страны. Кроме упомянутых уже Березова и Сургута, есть сведения о наличии подобных заведений в Туринске, где в 1620 г. были «... банщики в дву банях два человека». В документах 1626—1627 гг. по Верхотурью встречаются состоящие на жалованье «банные дровосеки и водолей». В Сургуте в 1656/57 г. в смете расходов фигурируют деньги, отпущенные государевой бане на веники и на дрова и на каменья»[134].

В торговой бане, судя по дошедшим до нас рисункам XVII в., были довольно благоустроенные раздевальня и предбанник. Посетителя снабжали веником и шайками. В банях работали мойщики, а некоторые посетители приходили мыться со своими слугами. В парной русской бани устраивалась печь-каменка, раскаленные камни которой поливались водой и даже квасом. Был здесь и полок, обычно в несколько ступенек, для парения, стояла бадья с холодной водой. Помещения в общественной бане были, разумеется, гораздо более просторными, чем в домашних мыльнях, так как были рассчитаны на десяток-другой посетителей[135].

В одной из Верхотурских грамот 1600 г. указывается, что «поставили на Верхотурье... без указу стрельцы

и казаки многие бани и парются у них в тех банях приезжие и тутошние всякие люди и емлют от бани по деньги с человека... оброку в юнь не платят»[136]. Верхотурской администрации предлагалось в связи с этим построить торговые бани, завести в них веники и организовать сбор денег с торговых бань в пользу казны.

В некоторых городах отмечается наличие мужских и женских казенных бань. В Томске в 1631 г. предполагалось поставить «государевы две бани, мужская да женская»[137]. Имеется описание томской торговой бани, находившейся в состоянии ремонта к концу 50-х гг. XVII в. «Да в торговой бане строения — каменица да полки, а ларь водяной, чан течет, у дверей цепь железная, да в бане ж шаек, да перед баню клетка — веники кладут, да предсенье покрыто, а баня не покрыта. Да колодец с журавцом и с цепнею, да у бани дров сосновых с сажень, да три осленди по пяти сажень»[138]. Здесь в наличии все присущие русской бане принадлежности — веники с шайками, печь-каменка (каменица), полки для парения, ларь и чан, используемые для холодной воды. Сама же баня состояла из клети, где хранились веники, предсенья и помещения для мытья, т. е. являла собой трехчастную постройку. Рядом находился колодец-журавель, снабженный ведром с цепью. Во дворе бани лежали сложенные в штабеля высотой до 2 м сосновные дрова, здесь же находились еще не нарубленные дрова-осленди. Именно такой представляется торговая баня сибирского города XVII в.

Значение общественных бань в жизни городов со временем возрастало. Первоначально казенные бани обслуживали преимущественно людей приезжих и выполняли функции, сходные с заезжим двором. Впоследствии ими широко стали пользоваться средние и низшие слои горожан.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Город, городское население, городской образ жизни играют важную роль в развитии этнических процессов. Их роль даже в прошлом была весьма велика. Являясь центрами торговли и промышленности, административного и политического управления, культурной и религиозной жизни, города становились и центрами консолидации нации[1]. Горожане имели обычно более сложный этнический и социальный состав, чем окрестное населе-

ние. Полиэтничность накладывала отпечаток на культуру и быт городов, которые являлись как бы огромными ускорителями, где интенсивно шли процессы взаимовлияния и сближения[2]. «Город,— писал К. Маркс,— уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность»[3].

В городах образовывался сложный конгломерат с преобладанием того этнического ядра, из которого вырос город. Для этнических процессов большое значение имели состав первопоселенцев и уровень их этнокультурного развития. Каждая группа переселенцев, оказавшись слабее основного ядра населения, сравнительно быстро усваивала наиболее значимые элементы материальной и духовной культуры — язык, нравы, обычаи, зачастую этническое самосознание — и в конце концов полностью растворялась в нем, а в дальнейшем, при появлении новых групп переселенцев, участвовала вместе с первоначальным ядром в их ассимиляции. При этом темп и характер ассимиляции зависели от того, какая социальная группа доминировала среди новопоселенцев и как они расселялись — компактно или дисперсно[4].

Однако первоначальное население города не всегда составляла та народность, на территории расселения которой возникал город. Именно так шел процесс формирования сибирских городов в XVII в., когда русские горожане поселялись среди коренного населения. Надо отметить, что и сам состав первопоселенцев сибирских городов — служилых, гулящих, промышленных людей, ссыльных — на протяжении всего XVII в. был в этническом и этнокультурном отношениях далеко не однородным. Среди них были выходцы из достаточно удаленных друг от друга областей Русского государства — центра России, Юга, Поволжья, Предуралья, значительная часть из Поморья. Все они являлись носителями различных хозяйственных и культурных традиций. Кроме того, определенную часть населения составляли направленные на службу в Сибирь, а также сосланные «иноземцы» — представители западных и южных окраин государства или стран Европы. Среди них встречались белорусы, украинцы (черкасы), литовцы, поляки, а порой и греки, немцы, шведы и пр. Наконец, этот пестрый контингент первопоселенцев оказывался среди коренно-

го населения Сибири, также неоднородного по своему этническому составу.

В XVII в. процент нерусского населения в составе служилых гарнизонов сибирских городов, считая и «юртовских татар», как правило, не превышал половины. В самом крупном сибирском городе — Тобольске — во второй четверти XVII в. этот процент колебался в различные годы от 34,1 до 56,6 [5]. Можно с уверенностью сказать, что в большинстве городов Западной Сибири треть или около трети состава гарнизонов формировались из «иноземцев», среди которых преобладали служилые татары[6]. Комплектование особых «литовских» сотен проводилось, однако, крайне непоследовательно: в их состав нередко уже с самого начала входили не только «иноземцы». Позднее смешение происходило еще более интенсивно, к величайшему неудовольствию «литвы»* и «черкас». Весьма красноречивы полные данные «литовских списков», встречающиеся в окладных книгах. В Тюмени в состав гарнизона входили «литва, немцы и черкасы, и новокрещенные татаровья, и черемисы, и литовского списку конные казаки», в Таре — «литва, и черкасы, и немцы, и новокрещенные, и русские люди»[7].

Как правило, о численности групп, составляющих литовские списки», по источникам судить сложно, ибо большинство «иноземцев» имело или получало со временем русские имена или прозвища, а национальность их указывалась далеко не всегда. Порой «иноземное» происхождение служилого человека выясняется совершенно случайно, например по сохранившейся собственноручной записи, сделанной латинскими буквами[8].

Численность гарнизонов и соотношение среди служилых собственно русских и «иноземцев» не оставались неизменными ввиду имевших место в отдельные годы значительных разовых перемещений служилых. Служилым людям сибирских городов довольно часто приходилось менять места жительства. Известно, что в 1638 г. в тарский гарнизон было доставлено около 100 «иноземцев» — поляков и литовцев. Много насчитывалось в Таре и служилых юртовских татар: в 1626 г.— 57 чел., в 1691 г. — 65 чел., в 1701 г. — 84 чел[9].

---

* Официально «литвой» называли отдельные подразделения конных казаков, комплектовавшиеся из числа военнопленных и добровольных перебежчиков. Однако на протяжении XVII в. и тем более в начале XVIII столетия состав литовских списов не соответствовал своему первоначальному определению.

В комплектовании томского гарнизона значительное место занимали служилые люди из числа местного тюркоязычного населения, а также и других народов Сибири. Пополнялся контингент казачества и за счет перевода и ссылки белорусов, черкас, поляков, литовцев, а позднее шведов, немцев и т. п. На протяжении всего XVII в. от 10 до 20 % служилого населения в Томске составляла «служилая литва», в основном выходцы из Речи Посполитой[10]. В 1633 г. в Томск прибыло 150 чел. «литвы», всего же ссыльных «иноземцев» к 1634 г. насчитывалось здесь около 200 чел. Около сотни представителей «литвы» было в томском гарнизоне в 1667/68 г. В 1680 г. среди служилых томичей можно отыскать 16 выходцев из Польши, 7 греков, 3 немца. В это же время сюда в качестве пленных было прислано 56 поляков и 4 немца. Иноземцы с запада составляли в 1680 г. порядка 10 % от всего служилого населения города[11]. Если же учитывать состоявших на службе татар, а также незначительный, но постоянный приток «новокрещенов» из других коренных народов Сибири, то получим долю, как раз близкую к трети гарнизона.

В 1627 г. томские татары и чатские мурзы* составляли около трети служилого населения города, совместно же с «литвой» доля «иноземцев» доходила до 36,8 %[12]. В 1637 г. только находящихся на государственном жаловании томских татар и чатских мурз было 20,5 % от числа служилых, к 1646 г. их численность еще увеличилась (до 28 %). В 1672 г. «государево хлебное и денежное жалованье» получали 106 томских татар и чатских мурз, т. е. около 11 % всех служилых людей[13]. Это соотношение менялось в соответствии с колебаниями численности томского гарнизона, которая зависела от военной и дипломатической обстановки, от присылки партий служилых из Тобольска, в том числе и пленных с дальнейшим поверстанием их на службу. Несмотря на значительный разброс данных во времени, количество служилых из числа тюркоязычных жителей Томского уезда колебалось мало, тогда как их соотношение, удельный вес в составе гарнизона имели тенденцию к сокращению.

В сметном списке Томска за 1627 г. на государственной службе значилось 50 томских татар «да чатских и телеутских мурз 70 человек», в 1634 г.— 93 чел., в

* Под томскими татарами источники подразумевают еуштинцев, жителей бассейна р. Томи; под чатскими мурзами — томских чатов.

1637 г.— 172, в 1642 г.— 106, в 1699 г.— 82 чел., что в процентном отношении соответственно составляло 33,2 %, 16,7, 20, 11 и 9 % от общего числа служилых людей[14].

На протяжении всего XVII в. телеуты, или «белые калмаки», поодиночке и целыми группами переходили в русское подданство. Принимали русское подданство и представители телеутской знати, стараясь обеспечить себе на государственной службе высокое положение, большие оклады и другие привилегии, которые компенсировали бы им потерю права на эксплуатацию своих соплеменников. В Томске в 1663/64 г. добровольно вошла в состав Русского государства группа белых калмаков 30 человек с женами и детьми. В феврале 1665 г. был зачислен в казаки «калмак» Ивашко Васильев. К этому времени в Томске уже служили его дядья и братья. Поступившие на службу «подгородные калмаки» проживали также близ Кузнецка. В Таре «выезжих телеутов» было не меньше, чем в Кузнецке и Томске[15].

Принявшие русское подданство «калмаки» несли ямскую повинность, играли роль посыльных между городами, служили проводниками в походах, разведчиками во время военных действий, толмачами, а также принимали участие в строительстве городов и острогов наряду с основным контингентом служилых[16].

Ссыльные иноземцы, попадая в города такого ранга, как Томск, в дальнейшем распределялись по населенным пунктам своего разряда. В 1641 г. томские воеводы направили из Томска в Кузнецк ссыльного поляка Яна Шварца, черкасов Ивана Бидаря, Д. Губенко, Т. Момота, К. Уманского, Т. Худоленко и др.[17] Таким образом, волею администрации ссыльные могли оказаться не только в таких крупных городах Сибири, как Тобольск, Тюмень, Томск, но и в местах весьма отдаленных. Например, в Нарыме в 1633 г. находились «турецкие сидельцы», в 1646 г. здесь же проживал «иноземец немчин» Дул, а документы 1662—1667 гг. отмечают наличие в Нарыме девяти литовцев, польского иезуита, черкаса, запорожского казака и даже ссыльной цыганки[18]. Кроме того, в Нарыме в этот же период проживало 10 новокрещенных селькупов. Даже в с. Парабельском Нарымского уезда в начале XVIII в. находились четверо «шведских пленников». Всего же в этом крупном селе насчитывалось 43 двора, в том числе дворы остяков, телеутов, ишимских татар и монголов[19].

Такой неоднородный этнический состав не мог не накладывать своеобразный отпечаток на уклад жизни, хозяйствование, быт и духовную жизнь первопоселенцев. Полиэтничная среда способствовала выработке определенной терпимости и уважения к иной культуре. В суровых сибирских условиях, в отдалении от центра государства, а порой и от крупных сибирских городов носители различных этнокультурных традиций подчас в прямом смысле бок о бок осваивали малообжитой край.

Контингент «иноземцев» в своем большинстве все же оседал в городах, поступая в сословие служилых, причем само положение «иноземцев» в общей массе служилых людей, по крайней мере номинально, носило отличительный характер[20] — на них составлялись отдельные списки при получении государева жалованья, при сборе налогов и т. д. И хотя юридически «иноземцы» не выделялись из общей массы служилых, их социальный статус, неформальное отношение к ним все же были особыми. В первую очередь это относится к лицам западного происхождения — белорусам, полякам, литовцам, немцам. Уроженцы западно-русских земель, Литвы и Польши, как правило, входили в состав служилой администрации, пополняли ряды детей боярских, реже — средних слоев служилого сословия — конных казаков, так как хорошо знали военное дело и были грамотны.

В 1648 г. два «литвина» были сосланы в Томск в пашенные крестьяне. В крестьянах они «проходили» 5 лет, обрабатывая пашню «наймучи ярыжных», и объясняли свое нежелание самостоятельно заниматься сельским хозяйством тем, что им «пашенное дело не за обычай, люди де они были на Литве служилые»[21]. Как правило, попытки заставить «литву» заниматься хлебопашеством не увенчивались успехом. В 1627 г. на Тару был сослан в крестьяне Никита Верховиня «с товарищи», судя по фамилии, белорус или украинец. Несмотря на то, что вновь присланным была дана подмога и зерно «взаймы», Н. Верховиня не стал крестьянствовать и дважды пытался бежать, мотивируя побеги тем, что «пашенная работа им не за обычай»[22]. Аналогичной формулировкой оправдывали свои побеги из Кузнецкого острога в 1626—1628 гг. «кузнецкие беглецы», ядро которых составляли семь опальных черкас[23].

Впрочем, случаи определения «литвы» в крестьяне были довольно редки. Сибирская администрация ценила военные навыки и достаточно высокий культурный уро-

вень этих ссыльных. О степени грамотности белорусов, поляков, литовцев, украинцев, греков наглядно свидетельствуют челобитные и ряд других документов, к которым «прикладывались руки», т. е. личные подписи горожан. Оставляли свои автографы и свидетели при составлении той или иной бумаги. Служилые из «иноземного списка», их дети и родственники зачастую ставили росписи и за неграмотных горожан[24]. В этом плане интересен целый клан томичей, греков по происхождению, Гречаниновых, представители которого состояли исключительно из детей боярских. За исключением основателя династии Манойлы Гречанина, за которого (возможно из-за преклонных лет или увечья) расписывались «по его веленью», все его многочисленные дети, в том числе и родившиеся в Томске, а внуки были не просто грамотными, но хорошо образованными для своего времени людьми. Выходит, что Манойла Грек, попав в сибирский город, смог дать своим потомкам очень приличное образование. Степан и Калина Гречанины состояли на дипломатической службе, Иван Гречанин участвовал в военных операциях, возглавляя сводный отряд из томских и кузнецких казаков. Он же являлся автором отписок в Москву, в Сибирский приказ, о положении дел в Ачинском и Мелесском острогах. Федор Манойлов Гречанин в конце XVII в. был послан для разведки и выплавки серебряной руды на р. Кыштак. Находился на административной должности и Михайло Гречанин. Петр Яковлев Гречанин (правнук Манойлы) в 20-х г. XVIII в. провел в Сосновском стане Томского уезда первую подушную перепись[25].

Этот пример можно считать достаточно типичным — в своем большинстве служилые «литовского списка» занимали в гарнизонах сибирских городов командные должности и являлись ближайшими помощниками воеводской администрации.

Ряды служилого сословия на протяжении всего XVII в. пополнялись и за счет представителей коренных народов Сибири. Поверстанные в службу «новокрещены» часто выполняли обязанности переводчиков-толмачей как в городах, так и в военных походах и дипломатических миссиях. Небезынтересно проследить судьбы некоторых «новокрещенов», сумевших достичь определенного социального положения, равнявшего их и с русской служилой верхушкой, и с «литвой». Известны случаи, когда новокрещенные татары, калмаки (телеуты), представители других народов, населявших Сибирь, за-

нимали высокие посты и активно участвовали в административной жизни сибирских городов. Например, красноярский сын боярский Иван Архипов Айканов, крещеный киргиз, происходивший из княжеского рода Айкановых, пользовался авторитетом и играл заметную роль в жизни Красноярска[26].

Примечательна карьера и томского сына боярского Луки Васильева, участника многих посольств в 30—40-е гг. к Алтын-хану. Начало его деятельности относится к первому десятилетию XVII в. В это время он упоминается в документах как переводчик (толмач) «новокрещен». В 1619 г. Васильев в составе посольства сопровождал из Москвы в Томск калмацких посланников. В последующие годы ни одно посольство в земли Алтын-хана не обходилось без Луки Васильева, который затем фигурировал уже в чине сына боярского. Так «новокрещен» Васильев стал известным для своего времени дипломатом в Сибири, принимая самое непосредственное участие в политических и административных мероприятиях[27].

Таким образом, в сибирских городах «иноземцы» в подавляющем большинстве пополняли ряды государевых служилых людей, которых, в свою очередь, можно подразделить на рядовых казаков и высшие чины — детей боярских. «Иноземцы», и особенно «служилая литва», вливались в социальную группу, представители которой выполняли сходные по содержанию и социальной значимости обязанности, имели в основном сходный уровень грамотности, условий быта, социальных связей. Они имели возможность развивать и реализовывать свои способности, активно участвовать в городской жизни, отстаивать интересы своей социальной группы. Но если для русского населения того времени была более характерна традиция устной передачи информации, то для значительной части «служилой литвы» — письменной. Именно это совпадение культурных традиций и потребностей формирующегося в городах Сибири административного аппарата,— а служба детей боярских все более становилась не столько военной, сколько административной,— зачастую и выдвигало «иноземцев» на первые роли[28].

При столь пестром составе первопоселенцев в Сибири естественно возникала проблема взаимной адаптации представителей разных этнических культур. Межэтнические контакты, взаимовлияние групп этносов выражали способ их существования и являлись неотъемлемым

свойством их бытия. Это был естественный исторический процесс обмена деятельностью и ее результатами. Межэтническое взаимодействие осуществлялось по разным поводам, в различных сферах и находило многообразные формы, виды и способы выражения и проявления. Сама структура общества обусловливала существование как группового, так и индивидуально-личностного общения. Реализуясь в групповом и индивидуальном поведении, межэтническое контактирование охватывало практически все сферы культуры и быта. В существенной мере изменение этнических свойств под влиянием процессов общения совершалось на личностном уровне. При этом достаточно условно формы общения можно подразделить на предметно-функциональные и эмоционально-экспрессивные[29].

В первую очередь следует обратить внимание на взаимоотношения представителей различных этнокультурных традиций в деловой или производственной сферах. Для сибирского города XVII — начала XVIII в. это прежде всего вовлечение населения, преимущественно служилых, в военно-административные мероприятия, в экономические отношения, главным образом в торговлю и организацию промышленного производства в его ранних формах.

Немаловажную роль в межэтническом контактировании играло соседство как в широком смысле (мы имеем в виду зоны межэтнических контактов), так и в более узком (например, соседство по улице, по сельскохозяйственным угодьям и т. п.).

Межэтнические контакты осуществлялись и путем биологического смешения населения. Ассимилятивные процессы в Сибири имели ограниченное распространение и не были характерны для взаимодействия русского этноса с коренными народами края. Это необходимо подчеркнуть, поскольку в прошлом веке А. П. Щаповым была выдвинута и областниками подхвачена теория интенсивного смешения старожильческого русского населения с аборигенами, приведшего якобы, к формированию в крае особого этноса. Современная этнографическая наука отвергла эту концепцию, не только выявив устойчивость русских культурных традиций в Сибири, но и показав, что в антропологическом типе русских сибиряков вклад коренных народностей не превышает, как правило, 3—10 % возможных предков, даже без учета приспособительных вариаций. Более того, и в отношении коренных народов Сибири отмечается, что ре-

шительный переход к консолидационным процессам, приведший к формированию таких крупных народов, как якутский и бурятский, а также менее многочисленных народностей, произошел именно в XVII в., очевидно, не без воздействия контактов с русскими переселенцами[30].

Существовал и целый ряд различных житейских ситуаций, в результате которых тот или иной индивид вступал в межэтнические контакты. Такие ситуации хорошо прослеживаются по челобитным, отпискам, судебным документам.

Как уже подчеркивалось, представители «служилой литвы», как правило, занимали ответственные военно-административные посты; следовательно, и их общение с различными группами населения, а также отдельными людьми было более интенсивным, чем, скажем, у рядового горожанина, замкнутого в общении на определенном круге лиц. Постоянно задействованные на «государевой службе» русские казаки, «литва», служилые татары возвращались из далеких походов в города, обогащенные опытом общения с аборигенами, видели в них уже не «диких», малопонятных людей, но порой серьезных противников и ловких дипломатов.

Можно привести множество примеров совместного вовлечения в XVII в. русских и «иноземцев» в военно-административные мероприятия. Достаточно вспомнить, что в Томском уезде Сосновский и Уртамский остроги ставились силами служилых людей при непосредственном участии томских сынов боярских уроженцев Речи Посполитой Ю. Ядловского и Ю. Соболевского[31]. Неоднократно отправлялся с отрядом казаков на Телецкое озеро в 30—40-е гг. XVII в. сын боярский «томский иноземец» П. Собанский[32]. Томские же «литвины» Самсон Навацкий и Михаил Яроцкий в 1644 г. были отправлены во главе отряда служилых в ясачные волости для сбора ясака и охраны подданных русского царя от набегов киргизских феодалов[33]. Г. Ф. Миллер приводит интересный документ 1635 г. о военных действиях томичей и кузнечан, во время которых авангардный отряд возглавлял отличавшийся храбростью «томский поляк» Осип Михайлевский[34].

В военной и политической истории Сибири XVII в. хорошо известны имена Я. Тухачевского, А. Дубенского, П. Хмелевского, Б. Аршинского и многих других выходцев из западно-русских земель, Белоруссии, Литвы, Польши[35].

Одной из важных сторон административной деятельности служилых людей были дипломатические сношения с коренными народами Сибири и сопредельных территорий. Следует сказать, что положение посланников становилось подчас нелегким. Царское правительство в своей политике по отношению к народностям Сибири исходило из максималистских установок, требуя либо полного подчинения, либо признания формулы: «быти под нашею царского величества высокою рукою и нашем царьском милостивом повеленье и послушанье...»[36]. Подобные требования вызывали естественные возражения со стороны правителей местных народов. В таких условиях необходима была гибкая дипломатия, основанная во многом на установлении личных взаимоотношений с родоплеменной верхушкой, так как у народностей Сибири и Центральной Азии еще не сложились развитые социально-политические структуры. Подтверждением этому могут служить просьбы Алтын-хана и его приближенных «прислати в послах» Якова (Тухачевского) или Степана Гречанина. Бывший смоленский дворянин Я. Тухачевский и выходец из Греции томский сын боярский Степан Гречанин умели проявлять гибкость в достижении своих целей, считались с этническими традициями и нормами народов, к которым они были посланы с дипломатическими миссиями[37].

Сохранились многочисленные сведения о посольствах, в состав которых входили как русские, так и «иноземцы». Упомянутый выше томский сын боярский степан Гречанин был в 1637 и 1659 гг. послом у Алтын-хана, он же в 1647 г. устанавливал дипломатические отношения с ойротами[38]. Томский «литвин» сын боярский Петр Собанский в 1637 и 1639 гг. принимал участие во встрече в Томске послов Алтын-хана и Мерген-Деги, а в 1646 г. сам посетил князя белых калмаков Коку Абакова. Таким образом, на протяжении всего XVII в. во многих политических миссиях наряду с русскими послами, такими как Василий Старков, Петр и Семен Лавровы, участвовали и представители «литовского списка» — кроме указанных выше, Николай Мархлинский, Павел Рыхлевский и др.

Надо заметить, что в дипломатических миссиях участвовали различные слои служилого населения — от детей боярских, в том числе «служилой литвы», до низших слоев казачества. Например, томский пеший казак Кирюшка Пролубщиков в 1638 г. находился в качестве кашевара в посольской группе сына бо-

ярского Степана Неверова, отправлявшейся с визитом к ламе[39].

Непременными членами посольских групп были переводчики. При этом «толмачить» могли как русские, так и «новокрещены» из коренных народов Сибири. Известны случаи, когда толмачами, в частности татарскими, были служилые «литовского списка». Так, толмачом в городки сибирских татар был назначен литвин Гришка Михайлов[40]. «Литвин» П. Костелецкий в 1629 г. жаловался: «...емлют меня, холопа вашего, и в посылки частые, потому что татарский язык умею...»[41] В 30-е гг. XVII в. в Томске «толмачил мунгальским языком» служилый человек Федька Федоров. Он переводил не только разговорную речь, но и письма Алтын-хана. В 1639 г. Ф. Федоров вместе с послами Алтын-хана поехал «для толмачества» в Москву[42].

Следует заметить, что «новокрещена», принявшего православное имя, можно отличить от русского только в случае прямого указания в документе, что встречается не так часто (это в полной мере относится и к крещеным «литвинам», немцам и т. д.). Например, в составе посольства С. Неверова находился толмач приказной избы Микитка Чура, как выяснилось, русский «полонянник», выходец из Джунгарии[43].

Языки сибирских народов, а также ближайших соседей, с которыми русским старожилам так или иначе приходилось вступать в контакты, не являлись неодолимой преградой, не были недоступны. Толмачи ценились, но людей, изъяснявшихся на нескольких языках, было все же достаточно; в конечном счете они всегда отыскивались в среде служилых.

В сибирских городах зачастую на несколько месяцев останавливались представители ответных дипломатических представительств. В 1706 г. в Томске около шести месяцев проживал посланец контайши Марика-Бай со своими людьми. В октябре этого же года в Томске обосновался «колмацкий посланец» Наурб Булдан «с товарищи». Томская администрация отпускала послам денежные средства на питание — «на мясо и на калачи и на хлебы»[44].

Встречи и проводы послов сопровождались определенным этикетом*. В Томске встреча послов Алтын-ха-

---

* Подробно этикет встречи послов приводится в распросных речах посланца мунгальского в Иркутском остроге в 1684 г. См.: Сборник документов по истории Бурятии в XVII в.— Улан-Удэ, 1960.— Вып. 1.— С. 274—282.

на происходила следующим образом: «...пристав Петр Собанский з братом царя Алтыном Дурал-табуном на съезжий двор приехал, а с ним сын его Ясакту на людей его пришли за ним 20 человек. И велели его Дурал-табуна из съезжей избы встретить в сенях сыну боярскому Остафью Харламому да подьячему Федору Редрову, а встретя им говорить речь...»[45]

В съезжей избе посол, став на колени, говорил о том, кто и зачем его послал, а затем спрашивал о здоровье русского царя. «И стольник, и воеводы И. И. Ромодановский с товарищи... про многолетнее здоровье сказывали, а речи говорил диак Анисим Трофимов...

А Дурал-табун, слыша про их государское многолетнее здоровье, челом ударил. И стольник и воеводы князь Иван Иванович с товарищи спросили про здоровье царя Алтыново, а он Дурал-табун, дорогою шел здорово ль?

И Дурал-табун по царя Алтыново здоровье сказал... и дорогой он ехал здорово ж.

И стольник и воеводы... с товарищи спросили с чем его Алтын-царь прислал в Томской и послов своих шлет к великому государю?»

Затем воевода со своим окружением принял от послов письмо. После этого послов наградили «государевым жалованьем» и «велели... вином и медом поить довольно, и напоя допьяна, велели приставу итти с ними на дворы»[46].

В 1639 г. в Томск прибыли послы Алтын-хана «с государевой данью» в сопровождении детей боярских Василия Старкова и Степана Неверова. Официальный прием послов было поручено вести сыну боярскому Степану Александрову и подьячему Михаилу Старкову. Во встрече участвовали «томские служилые казаки на лошадях» и пешие казаки при полном вооружении. После официальной встречи «Алтынову улусному человеку с послом» было предложено сойти с лошадей, а затем, также спешившись, Степан Александров и Михаил Старков обратились к послам с речью, в которой говорили, что им велено по поручению воевод быть у послов «в приставах» и разместить их в Нижнем остроге у Томи-реки. Далее послов информировали о том, сколько им положено выдавать «государева жалованья», а также «чем им сытым быть — лучшим людям 5 человекам по 4 чарки вина, а кашеварам 5 человекам по 3 чарки вина, по ведру с четью меду, по 4 ведра пива всем на день, а мяса покупали яловицы...»[47].

Встречи послов обставлялись со всей торжественностью. Служилым казакам и прочим горожанам вменялось в обязанность присутствовать в «чистом цветном платье». При этом служилые люди были при полном вооружении — с «ружьем, пиками и знамены». Наконец, придя в посольскую избу, послы, сняв шапки, кланялись представителю царской администрации, на которого возлагался официальный прием, и спрашивали о здоровье «великого государя». После ответа следовал вопрос о здоровье правителя государства, откуда прибыли послы. Посланцы отвечали и в свою очередь интересовались здоровьем ведущего официальный прием. Тот отвечал, затем интересовался здоровьем посланцев и тем, как они доехали. Поклонясь, посланцы отвечали. Далее следовал вопрос к послам, для какой цели они приехали. Только после этого начинались собственно политические переговоры, по окончании которых посланцы подносили дары. Приняв подарки, потчевали послов «вином горячим и сбитнем и пивом», а затем провожали также в торжественной обстановке, при стечении народа[48].

Вот как описывает документ 1620 г. отправку из Томска очередного «иноземческого» посольства: «...отпустили Алтына царя в Мунгальские земли и киргизских послов из Томского города в их земли, дав им твой государев корм и подводы и служилых людей конных, десятника Андрюшку Губу, да с ним казаков 20 человек в провожатых до киргизского рубежа...» Возвратившись в Томск, десятник Андрей Губа дал отчет в том, что «...де они Алтына царя в Мунгальские земли и киргизских послов Тархан Лобу с товарищи до киргизского рубежа проводили здорово»[49].

Обмен дипломатическими представительствами не только имел большое значение для нормализации военно-политической обстановки, но и способствовал тесным контактам с малознакомыми, а подчас и вовсе неизвестными народами. При этом, с одной стороны, «иноземная литва», «новокрещены толмачи», находясь в составе посольских делегаций, порой длительное время тесно (в прямом смысле слова, учитывая условия иных политических миссий) контактировали с русскими членами посольской группы. С другой стороны, происходил контакт всех участников посольства с теми народами, среди которых они оказывались, и обоюдное знакомство с укладом жизни, обычаями и нравами, традициями и верованиями. В дальнейшем сведения о незнакомых землях распространялись среди сибиряков, расширяя их круго-

зор, раздвигая привычные географические рамки. И без того полиэтничная городская среда постоянно подпитывалась информацией о других народах, тогда как участники посольств своим поведением формировали стереотипы восприятия русских у аборигенного населения[50]. В свою очередь, пребывание иноземных посланцев в сибирских городах способствовало обратному процессу.

В Москву в центральные органы управления направлялись различного рода отписки о состоянии взаимоотношений с коренными народами. В подобных акциях принимали участие дети боярские сибирских городов, в том числе, «литва». В 1637 г. томский сын боярский поляк П. Рыхлевский подавал в Москве в Приказ Казанского дворца отписку о результатах посольства к Алтын-хану. В другой раз, будучи в Москве с соболиной казной, П. Рыхлевский докладывал в Сибирском приказе о состоянии торговли и о томских ценах. В 1636—1637 гг. в Москве в Сибирском приказе томский сын боярский, бывший шляхтич Матиас Ходзинский отчитывался о томских ценах и описывал положение, создавшееся в торговле с ойротами[51]. Составление подобных документов требовало знания политической и экономической обстановки, определенных навыков и, несомненно, высокого уровня грамотности.

Среди различных категорий писцов, таможенных и письменных голов наряду с русскими также был значительный процент «служилой литвы». В Енисейске, например, в середине XVII в. таможенным головой был некий «литвин» Л. Боровский, а скандально известный сын боярский Сава Француженин, брабантец по происхождению, одно время состоял в Красноярске писцом[52].

Сибирь в XVII в. испытывала потребность в разработке полезных ископаемых, поиском и добычей которых совместно с русскими занимались преимущественно «иноземцы», имевшие опыт подобной работы. В этой связи еще раз стоит упомянуть представителя томской династии Гречаниновых (Гречанинов) Спиридона Манойлова Гречанинова, знакомого с присланным из Москвы в Сибирь по царскому указу для добычи серебра греком Александром Левадианом. В 1696 г. Спиридон Манойлов с братом Федором были для выплавки руды на р. Кыштат, а на следующий год С. Манойлов отправился в Москву с отпиской, чертежами и образцами серебряной руды для отчета о своих изысканиях. Вместе с греками Манойловыми в «прииске руды» принимали

участие «литвин» сын боярский Степан Тупальский и русские служилые люди[53]. В середине XVII в. в Тобольске работы по розыску селитры вел «селитренин, ссыльный человек Тимошка Украинец»[54]. Весьма своеобразной оказалась причина перевода тобольского «черкашенина» Р. Ширкова из «литовского списка» в пушкари (с прежнем окладом): «Потому что он селитреной мастер и в походы на колмацких людей посылать его не доведетца для того только: возьмут ево колмацкие люди в полон жива, и, сведав за ним селитерное мастерство, заставят у себя делать селитру, и в том у них чают под государевы городы промыслу»[55].

В разработке и поисках полезных ископаемых участвовали и коренные народы Сибири. На Верхотурье в 1634 г. в «июле месяце... пришли с Чусовой дороги с заставы и от таможенного сбору верхотурской стрелец Мишка Кирлин да с ним, Мишкою, пришел на Верхотурье с Чусовой же Котчиковых юрт ясашный вагулятин Баймуратко Кутабердиев и принесли с собой мелкого камени, а чает в том камени руды какой...»[56].

В результате совместных поисковых предприятий, конечно же, происходил обмен не только определенными профессиональными навыками и техническими приемами, но и поведенческими установками и различного рода информацией среди участников поисков, носителей подчас совсем несходных этнокультурных традиций.

Одной из форм межэтнического общения с древнейших времен была и остается по сей день торговля. В прошлом же торговля являлась ведущим компонентом межэтнического контактирования. Кроме контингента русских купцов из Центральной России, Поморья, Поволжья и других регионов государства, для сибирских городов XVII в. было привычным пребывание в них торговцев из Средней Азии, местного коренного населения, представителей народов порубежных областей, не входящих в состав России. Целыми караванами прибывали среднеазиатские купцы в Тару, откуда, разбиваясь на группы, разъезжались по сибирским городам. По данным таможенных документов, с 1672 по 1700 г. в Тару приходило девять таких караванов, и хотя в роли импортеров китайских товаров выступали казанские и сибирские татары, а также юртовские бухарцы*, главенст-

* Тюркоязычное население Западной Сибири, обладавшее основами самоуправления.

вующее место в торговле восточно-азиатскими товарами занимало среднеазиатское купечество[57].

Бухарские купцы*, прибыв в сибирские города, обзаводились торговыми помещениями и длительное время, иногда по нескольку лет, вели торговлю с местным населением. Таможенные книги отмечают значительное количество приезжих торговцев-бухарцев. В 1646 г. в Томске 13 бухарцев принесли присягу царю Алексею Михайловичу, «по своей вере целовали куран». В 1681 г. Томск с китайскими товарами посетили бухарские купцы Мурашко Бакиев и мулла Чалм Баянов[58], пришедшие из «черных калмаков»**. В Томске бухарцы обзаводились дворами и торговыми лавками, принимали русское подданство и на какое-то время вливались в состав городского населения[59].

Особенно интенсивно шла торговля сибирских горожан с коренным населением Сибири — татарами, «белыми и черными калмаками», монголами, киргизами, остяками, причем если в начале века преобладала торговля пушниной, то позднее основными товарами в торговом обмене с этими народами стали рогатый скот и лошади[60]. В той или иной степени в торговлю было вовлечено все население сибирских городов, однако имелись отдельные лица, как правило из служилой среды, которые специализировались на деятельности подобного рода постоянно, заключая сделки с аборигенным населением. Конный казак Фома Пестрядинов в 1668—1669 гг. был обложен налогом «с калмацкого торга», а томский толмач Василий Канаев в течение ряда лет занимался скупкой пушнины у «калмаков», часто ездил с привозными и местными товарами в «калмацкие земли». Пятидесятник Федор Рудаков в 50-е гг. XVII в. специализировался на скупке «калмацкой» пушнины и рогатого скота «у мунгал», а несколько позднее, в 60-е гг., привозил из «мунгальских земель» коней и овчины[61].

На томском рынке регулярно осуществлялся торговый обмен с тюркоязычными народами, населявшими Томский уезд и обозначенными в источниках XVII в. общим названием «татары». В основном эти народы по-

---

* Среди так называемых бухарцев были представители разных народов Средней Азии, но большинство составляли узбеки. См.: *Чемитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монгол и России в XVII—XVIII вв.— М., 1978.— С. 46.

** Черными калмаками называли айротов, в отличие от «белых» — телеутов.

ставляли такие товары, как скот, хмель, рыба. Таможенные документы 1671—1672 гг. поименно называют татар — продавцов рогатого скота. В книге за 1689—1690 гг. описаны случаи продажи чатскими, еуштинскими и просто «ясашными» (по определению источника) татарами рыбы и хмеля[62].

Ежегодно к Томску приходили калмаки, монголы, киргизы, чтобы продать или обменять свои товары на привезенный из-за Урала «русский товар» или предметы местного промышленного производства. К середине XVII в. Томск стал одним из основных пунктов и русско-ойратской торговли. Имелось специальное место, предназначенное для ойратского торга[63]. Эта торговля была выгодна и необходима как горожанам, так и коренному населению Сибири. Весной 1636 г. «...приходили калмаки под Томский город с торгом трижды с лошадьми, а лошади были недороги: служилого коня меняли на товар рублев в 5 и в 6, а пашенную лошадь рубли в 2 и в полтретья и в три рубли... а меняют лошадь на товар: на кожи красные яловичьи и на сукна, и на котлы...»[64].

Родоплеменная знать была заинтересована в том, чтобы «...и с скотом и со всяким своим товаром улусных своих людей под Томский город присылать торговать». В 1647 г. невестка князца «черных калмаков» Шира-Урма «ясак собрала, а имала де лошадьми, и те де лошади прислала под Томской торговать, и чтоб над холопем твоим велеть дать им торг. И мы, холопи твои, велели им дать торг повольней. И те черные калмаки лошади в Томском испродали»,— повествует документ этого периода[65].

Попытки администрации установить монополию на торговлю с коренными народами Сибири вызывали сопротивление и недовольство горожан. Когда в 30-е гг. XVII в. томский воевода П. Пронский попытался ввести ограничения на торговлю с «калмаками», это послужило поводом к челобитной, в которой помимо прочих притеснений, чинимых воеводой, на первое место выдвигались меры по ограничению торговли:«... и черные же и белые калмаки и контайшины люди учали было к Томскому городу приходить с торгом и лошадьми по-прежнему... а которые люди князя Петрова ведома съездят на колмацкое торговище для своей нужды купить лошадей или платьишка... по его князя велению тех людей с калмацкого торговища был ослопы... тех людей метал в тюрьму и промаможье на них правил...»[66]

Как видно из текста челобитной, «калмацкое торговище» находилось неподалеку от города, за Томью. Кроме того, в Томск постоянно приезжали «калмацкие» купцы и длительное время жили в городе, пока не распродавали свои товары. Примечательно, что зачастую купцы совмещали свои торговые дела с дипломатическими поручениями. Ойраты часто практиковали отправку с посольством купцов. Например, посол «белых калмаков», что пришел в Томск «с посольством и торгом», немалое время проживал «за Томью рекою во дворе у жилецкого человека у Сидорка Плешивого и после посольства тот посол учал торговать мягкой ряхлядью». К этому послу-купцу постоянно наведывались горожане за пушниной[67].

К сфере деловых межэтнических контактов можно отнести и совместное владение недвижимой собственностью, совместное промышленное производство. В эту деятельность были вовлечены как русские горожане, так и представители коренного населения и «служилая литва». Томский конный казак иноземного списка Ян Валентов, судя по имени так и не принявший православия, владел совместно с томским посадским человеком Осипом Тарасовым мельницей-колотовкой на земле, принадлежащей конному казаку Тимофею Поламошному. Другой томский служилый иноземного списка Федор Ратнов совместно с казачьим сыном Алексеем Мельниковым также на паях содержал мельницу-колотовку[68]. Впрочем, здесь возможны и родственные связи, со стороны жен, например.

В плане межэтнических отношений интересны некоторые долговые и кабальные записи. Так, подгородные татары Тегильдиевых юрт «...ясаул Каутан Ишпердеев, Саизарак Чатышев, Куртеш Анесов поступились... в Томску томскому конному казаку Родиону Константинову сыну Губину за долговые свои деньги за 1 рубль вотчинным своим местом, четвертой долей острова на Томи реке против зимних юрт...». Из другой долговой записи следует, что чатский подводный татарин Сумаш Бургаев «занял у приезжего бухаретина Гурбана Ишметова 20 рублей в долг для уплаты своих долгов, дав на себя жилую запись»[69].

В ходе реализации ясачной политики не только служилые люди постоянно посещали ясачные волости, но и представители коренных народов подолгу проживали среди горожан, получая на «корм» деньги из казны. Только в июле 1706 г. в Томске находились князцы Ме-

Рис. 9. Сбор ясака. Миниатюра из Ремезовской летописи.

лесской, Тупальской, Крюковской, Сургутской, Малой Бальгульской, Щенацкой и Большой Чубаровской волостей со своими людьми, причем их «свиты» иной раз достигали 18 чел.[70]

Таким образом, в сибирских городах в XVII в. кроме основной массы русских горожан проживали представители «служилой литвы» — белорусы, украинцы, поляки, литовцы, греки; подолгу останавливались среднеазиатские купцы, дипломатические представительства пограничных районов, князцы ясачных волостей; подходили к городам с товарами представители коренного населения региона.

Полиэтничность сибирских городов образовывала объективную основу для межэтнического общения, где сферами активных контактов оказывались места торговли, совместной работы, улица и т. п. Здесь немаловаж-

ную роль играло соседство. Для такого города, как Томск, невозможно выделить сколько-нибудь существенные гнезда расселения по этническому признаку, исключая компактные группы нового населения (бухарские и татарские юрты), хотя материал для такого исследования имеется[71]. Тем не менее документы XVII — начала XVIII в. ни о каком размежевании по этническому принципу судить не позволяют. Известны случаи, когда родичи селились рядом (например, служилые Гречанины жили в одном районе)[72].

Вполне естественно, что были случаи, когда горожане одного социального уровня и этнической принадлежности проживали рядом, однако такое соседство, как правило, не было устойчивым. Из купчих известно, что переселения внутри города в связи с продажей дворов были явлением распространенным. Так, иноземного списка служилый Яков Игнатьев Загозин проживал в Томске за р. Ушайкой подле монастыря. В непосредственной близости от его двора находились усадьбы детей боярских, шляхтичей по происхождению, Александра Лункеева и Ивана Головина. Но уже в начале XVIII в. Я. Загозин продал свой двор пешему казаку из семьи русских старожилов Томска Илье Шубину и, таким образом, тесное соседство служилой «литвы» распалось[73]. Следовательно, обособление в условиях города по этническим признакам могло иметь место, но выраженной тенденции здесь не заметно. Процесс размывания этнически однородных групп, селившихся в городах, особенно заметен на примере татарских и бухарских юрт.

В фонде Сибирского приказа имеется челобитная томичей, в которой среди множества «бесчинств», чинимых воеводой Петром Пронским, указывается и то, что он в новом остроге размещал татарские юрты и крестьянские дворы вместе. «И вот татаровя черпают из казацких колодцев и кобылятину в тех колодцах мыли и свои татарские посуды в русские колодцы омакали и тех де русских людей осквернили»[74]. Не без основания можно утверждать, что возмущение тесным соседством с татарами было в значительной степени вызвано оппозиционным отношением к воеводе и принудительностью проводимого им мероприятия. Есть достаточно фактов, свидетельствующих о том, что томичи селились в самой непосредственной близости с бухарцами, татарами, имели по соседству с татарами заимки. Во всяком случае, к концу века такое соседство делалось привычным и нико-

го не возмущало, а границы бухарской слободы становились все более условными.

В конце XVII в. в Томске в «Нижнем посаде, в юртах» по соседству с бухарцами проживали русские горожане. Рядом с двором казачьего сына Дмитрия Иванова Ненашева находился двор сына боярского поляка Леонтия Лопушинского, а в пяти саженях от огорода Лопушинского стоял двор сестры бухаретина Т. Маламедина Кошегачи. Далее шли дворы самого Т. Маламедина и его соседа бухаретина Г. Шиметьева. Здесь же, в тесном соседстве с ними, проживал конный казак Евсей Кайгородец, по обе стороны огорода которого располагались бухарские юрты[75]. При покупке и продаже дворов такое соседство никого не смущало и никоим образом не отражалось на продажной цене, например, когда конный казак Иван Иванов Аргунов продавал свой двор на берегу Томи «в юртах» пешему казаку Федору Прокофьеву Калугину[76].

Подобная тенденция селиться «вперемешку» была характерна не только для городского населения, но и для крупных сел, таких как Богородское Томского уезда, где двор «мунгала», отпущенника Середининых, находился в прямом соседстве с двором попа Василия Артамонова[77]. Несомненно, бывший дворовый Середининых был крещен, и это обстоятельство нельзя сбрасывать со счета, но ведь принятие православия, особенно в зрелом возрасте, не влияло на привычки, бытовые поведенческие установки новоиспеченных христиан.

Сибирские города в этом плане ничего оригинального не являли. Как известно, в XV в. в Москве существовали Панские и Мещанские слободы, где жили выходцы из белорусских, литовских и польских городов, а кроме того, были Греческая, Армянская и с конца XVII в. Грузинская слободы. Все эти ареалы компактного проживания этносов со временем оказывались чрезвычайно непрочными. Рано или поздно жители этих слобод утрачивали свой язык, культуру, этнические особенности и сливались с русским населением города, постепенно усваивая привычки и язык русских. Таким образом, в русских городах шел процесс взаимодействия старожильческих и пришлых этнических групп. В дальнейшем город оказывал влияние и на сельских жителей. В Сибири же русское влияние на коренное население распространялось в значительной мере именно через города[78].

Многие служилые в Томске, не получая «хлебного жалованья», владели сельскохозяйственными угодьями,

заимками, обеспечивая себя продуктами питания. Для XVII в. известно множество фактов, когда коренные жители продавали свои «вотчинные места» горожанам. В результате соседство по пашенным заимкам, пастбищам, покосам, рыбным тоням в этническом отношении также не было однородным. Например, в 1706 г. суштинский служилый татарин М. Сайзаков продал свой покос на Бурундуковой протоке томскому пешему казаку М. Кузнецову. Этот покос межевался с одной стороны с родственником М. Сайзакова Т. Сайзаковым, а с другой стороны — с покосом вдовы Микитиной, по третью сторону находились угодья томского толмача Ивана Шумилова[79].

Такое соседство не могло не вести к заимствованию татарами у русских навыков в системе сельскохозяйственного производства. Под влиянием русских распространялись новые приемы полеводства, новые зерновые культуры — овес, рожь, пшеница. В середине XVII в. у томских татар стал практиковаться трехпольный севооборот[80].

Нередки случаи, когда русские и представители коренных народов Сибири совместно владели или арендовали друг у друга землю на тех или иных условиях. Так, томский пеший казак Яков Кузьмин Колмогоров, проживающий в дер. Поламошной, пахал пашню «на заречной стороне на земле въезжего белого калмака Бахтеня Балыкова без крепости по полюбовному договору»[81].

Пашенные заимки томичей располагались и вблизи «калмацких юрт», «калмацких бродов», родовых угодий калмаков, татар. В свою очередь, крещеные калмаки селились на землях Алексеевского мужского монастыря вместе со своими семьями среди массы русского крестьянства[82]. Если коренные народы Сибири заимствовали земледельческую культуру у русских, то русские, в свою очередь, использовали приемы рыбной ловли, охоты, выработанные практикой аборигенов. Например, в одной артели совместно с «выезжими телеутами» зверовали русские охотники Б. Недорезов, А. Сачков, И. Митрофанов, а также, по-видимому, украинцы по происхождению А. Старченко, И. Старченко и др.[83] Таким образом, в условиях соседства и совместной работы происходил непрерывный процесс обмена производственными навыками.

От XVII в. почти не сохранились документы, по которым в полной мере можно было бы судить об этниче-

ской принадлежности вступающих в брак, о межэтнических контактах на уровне семейно-родственных отношений. Вполне понятно, что «иноземцы» западного происхождения (белорусы, черкасы, поляки, литовцы, греки), осевшие в сибирских городах, обзаводились хозяйством и семьей, находя жен среди русского или обрусевшего населения. Выявление родственных связей — сложная в источниковедческом плане работа, требующая специального подхода и отдельного исследования. Однако некоторые сведения о родственных отношениях и о заключении браков все же можно выявить по кругу использованных в настоящей работе документов.

Из ряда челобитных становится известно, что принадлежащий к среднему русскому дворянству Иван Леонтьевич Скобельцын, с 1639 г. по 1643 г. нарымский воевода, был женат на татарке. Его шурин (брат жены) Енаклыч Челищев служил в чине татарского головы[84]. Примечательно, что жена воеводы Скобельцына воспитывала своих детей в духе, соответствующем ее этническому самосознанию, взяв им «в мамки» новокрещенку и окружив себя челядью из числа новокрещенов[85].

В. К. Андриевич в своей «Истории Сибири» отмечал, что «женщин в Сибири было очень немного, так что казаки и промышленники сближались обыкновенно с татарками, остячками, тунгусками и вообще с инородками»[86]. Ассимилятивные процессы несомненно имели место в сибирских городах, однако не следует придавать им слишком большое значение и отрицать наличие этнического самосознания в городской среде. Как некоторые иноземцы западного происхождения, будучи на службе у русского царя, тем не менее оставляли за собой свое исконное имя (Бартош Рудковский или Матиаш Ходзинский и др.)[87], так и в семейно-брачных отношениях делались попытки сохранить свою этническую принадлежность. Смешанные браки можно рассматривать, скорее всего, как вынужденные ввиду невозможности найти жену в своей этнической среде. Но и фантастично было бы предположение, что многочисленные потомки присланного в Томск в начале XVII в. грека Манойлы в дальнейшем не подвергались ассимиляции.

Браки между детьми «служилой литвы», по-видимому, были обычны, о чем свидетельствуют тесные родственные отношения среди представителей этой группы городского населения. В конце XVII в. в Томске сын боярский «литвин» во втором поколении Матвей Ржицкий

был племянником сына боярского Василия Зиновьева, также иноземца во втором поколении[88].

Заметными личностями в Томске в XVII в. были дети боярские Былины. Они выполняли различные административные поручения, участвовали в военных операциях, занимались торговлей, имели обширные пашенные угодья вдоль Оби. И только из документа, относящегося к 1703 г., становится известно, что Былины — татары. Этим документом является «Дело о выдаче татарину сыну боярскому Андрею Былину выписи и чертежа на землю его жены в Шегарской волости...». Сам Андрей Былин, сын сына боярского Ивана Былина и внук сына боярского Андрея Былина, к началу XVIII в. был женат на крещеной татарке Анне (урожденной Есагач). Ближайшие родственники его жены — родная сестра Бикчем и тетка — оставались некрещенными. В приданое Андрей Былин получил часть родовых угодий своего тестя, о закреплении которых за собой он и ходатайствовал в челобитной[89]. Следовательно, несмотря на то что Андрей Былин являлся представителем третьего поколения городской служилой верхушки, он женился на шегарской татарке, был хорошо осведомлен о положении дел ее родственников, с которыми поддерживал тесные контакты, хотя эти родственники и были иноверцами. Подобные семьи выступали как бы соединительным звеном между носителями русской и иных культурно-этнических традиций[90]. Можно говорить о некоем синтезе этих традиций, возникавшем не в последнюю очередь благодаря семейно-брачным связям.

Нельзя обойти вниманием наличие в хозяйствах горожан и сельских жителей дворовых людей, преимущественно из числа коренного населения Сибири. Сфера применения холопского труда в Сибири в XVII — начале XVIII в. была весьма широкой из-за вполне объяснимой нехватки рабочих рук при освоении обширных территорий и, по сути, наличия людских ресурсов в результате захвата пленных («ясыря») при многочисленных приграничных конфликтах. Холопы, или «дворовые люди», как их называли источники, заняты были прежде всего в сельском хозяйстве, обрабатывали пашни на заимках. В городах, в зажиточных семьях, особенно служилой верхушки, домашняя челядь состояла из приобретенных посредством купли-продажи или добровольного закабаления холопов, в большинстве своем из числа коренного населения Сибири. В Томске «дворовыми людьми» являлись преимущественно крещеные «кал-

маки», а порой остяки, монголы, киргизы, сибирские татары[91].

К заурядным явлениям можно отнести случаи, когда дворовыми работниками оказывались малолетние дети в возрасте 3—5 лет, а то и младше. В 1703 г. среди 154 чел. дворовых из числа коренных народов региона, проживающих на пашенных заимках томичей, 30 % составляли дети в возрасте от 1 года до 12 лет включительно[92]. В бездетных семьях (в семьях без наследников) такие работники — «вскормленники» — по существу, зачастую усыновлялись и впоследствии отпускались на волю, именуясь в дальнейшем «отпущенниками». При переписи томского посадского населения 1700 г. зафиксирован некий Юдка Чагин, у которого не было своих детей мужского пола, а был «только купленный детина калмацкие породы Афонька 9 лет»[93].

Томский конный казак Тихон Великосельский имел лишь одного сына (по-видимому, позднего ребенка в семье) 9 лет, с ним же проживал его «вскормленник калмацкого рода» Митька Тихонов 20 лет[94].

Известны примеры, когда такие «вскормленники и отпущенники» впоследствии вели самостоятельное хозяйство, становились полноправными членами общества.

Став вольными, бывшие холопы-«новокрещены» селились в городах, ставя свои дворы среди усадеб прочих горожан. В Томске в начале XVIII в. отпущенник казака Чускаева жил своим двором в крайних улицах по р. Ушайке в непосредственном соседстве с детьми боярскими П. Неверовым, А. Степновым, сотником Балахниным, вдовой Чускаевой (возможно, воспитавшей его). Бывшие холопы Иван Калмак и Григорий-отпущенник проживали среди русских томичей «в городе за гостиным двором», т. е. в самом центре[95].

Тесное соседство и контакты в различных сферах деятельности с коренными народами Сибири приводили к обоюдному усвоению не только этнокультурных традиций, но и языка. Многие русские знали и, уж во всяком случае, понимали язык аборигенного населения. Во время томских волнений 1648 г. один из представителей оппозиции официальным властям, пашенный крестьянин Максим Зеркальцев, предлагал своим сторонникам покинуть Томск и добраться до Нарыма, утверждая при этом, что они будут сыты, так как он знает остяцкий язык[96]. В 60-е гг. XVII в. в «городовых остяцких толмачах» в Томске служил Максим Тупылев, представитель разветвленной томской старожильческой семьи Тупыле-

вых[97]. Хорошо владел языками аборигенного населения томский конный казак Корнила Капустин, переведенный по «государевой грамоте» в городовые толмачи. Он неоднократно включался в состав различных посольских представительств в телеутские земли. Капустин также происходил из семьи русских томских старожилов[98]. В ранге переводчика ездил в киргизские земли казанский татарин Енсырака Ягучеев. Любопытно, что язык местного коренного населения усваивали и выходцы из западных окраин государства и Речи Посполитой. Выше уже приводились подобные примеры. Еще одно подтверждение — в 1611 г. в должности толмача при походе к еуштинским татарам состоял «литвин» Григорий Михайлов[99].

Надо заметить, что тесное общение сибиряков со «служилой литвой» также способствовало усвоению слов и понятий, присущих данной группе населения. Это особенно справедливо по отношению к представителям административно-военной верхушки. Мангазейский воевода Андрей Федорович Палицын свободно говорил по-польски. В документе XVII в. отражен эпизод, когда во время пирушки А. Палицын «вопил» своему племяннику «по-литовски». А. Палицын не только владел разговорным польским языком, но и вел на нем переписку с поляком по происхождению Павлом Хмелевским. Даже в официальных отписках мангазейский воевода зачастую употреблял польские слова. При этом известно, что сам Андрей Палицын происходил из слоев новгородского служилого дворянства, в его русском происхождении не приходится сомневаться[100].

При феодальном способе производства из всех этнических связей наиболее сильной и определяющей была языковая связь. Являясь основным коммуникативным средством, язык в то же время выполнял и весьма существенные сигнификативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенной группе[101]. Зачастую люди осознавали себя принадлежащими к той или иной этнической общности по языковому признаку: каков язык, такова и национальность[102]. В Сибири XVII в. ситуация складывалась по-иному. Здесь этническое самосознание было в большей степени связано с осознанием государственной и религиозной принадлежности. Языковая коммуникация в Сибири начиная с XVII в. поддерживалась благодаря билингвизму значительной части населения. Существование в XVII в. среди населения Сибири людей (исклю-

чая специальный институт толмачества), знающих два, а иногда и более двух языков и функционально применяющих их, можно отнести к элементам зарождения новых отношений. Поскольку интегрирующие и дифференцирующие свойства языка представляют диалектическое единство, то зарождение в XVII в. в полиэтнической сибирской среде двуязычия выступало, с одной стороны, как средство этнокультурного сближения, с другой же — консолидационных процессов народностей Сибири[103].

То, что общение людей, принадлежащих к различным этническим общностям, осуществлялось по самым различным поводам без посредства толмачей, доказывают многочисленные свидетельства источников. Богатейший материал здесь представляют судебные документы, в частности и о деятельности «иноземцев» вне производственных и служебных сфер. При этом конфликтные ситуации могли возникать как среди представителей одной этнической группы, так и в результате межэтнических контактов.

На основе томского судебного делопроизводства можно проследить отношения, возникавшие в среде горожан. Из источников середины XVII в. известно, что томский сын боярский «иноземного» происхождения Алексей Доцеев подавал иск на томского жителя Фому Пестрядинова, на котором «искал бесчестья своего», а также на пешего казака Фому Лязгу, якобы не вернувшего ему 15 руб. Видимо, А. Доцеев был достаточно одиозной фигурой в Томске, так как на него был сделан словесный извет, уличавший А. Доцеева в краже[104]. «Иноземца» Якова Бранцева обвиняла «в своем бесчестье и бесчестье дочери своей» томская вдова Аксиньица. Конный «литвин» И. Краснопольский затеял судебное разбирательство с «литвинами» А. Коломынцем и М. Яковлевым. Последнее дело отражает конфликтную ситуацию, возникшую в среде представителей служилой «литвы». Оказались в подобных ситуациях и представители коренного населения Сибири. Так, крещеный чатский татарин Ивашка предъявлял иск торговому человеку Степану Иванову. Новокрещен Тимошка Леонтьев возбуждал дело против конного казака Сергея Алексеева, а «бухаретин» Отбыза — против казака Андрея Оловянишникова. Шегарский татарин Тюменка предъявлял иск казанскому татарину Айтуганке, «бухаретин» же Азек Мирадеш не поладил с казанским татарином Битейкой. В свою очередь, русские горожане заводили

судебные разбирательства с лицами аборигенного происхождения. Конные казаки Петр Вершинин и Денис Пролубщиков «искали» на чатских татарах Елбачеве и Албаеве 150 руб. денег[105]. Этот пример достаточно красноречив, ведь такую сумму можно было задолжать только в результате тесных деловых связей.

Конфликты чаще всего возникали на почве неуплаты денежных долгов или в результате нанесения различного рода оскорблений — «бесчестья». Иногда в основе обвинения лежал донос, причем не всегда обоснованный. Так, чатский татарин Тынавка Анбаев подал извет на томского конного казака Осипа Капканщикова, обвиняя его в «отравном деле»[106]. Любопытные челобитные поступали в томскую съезжую избу от чатских мурз и томских татар на толмача Карнилу Капустина, который обвинялся в искажении их подписей (знамен) на документах[107].

Все эти и подобные им ситуации возникали на почве сибирского города и рождались в результате общения, в рамках которого происходил процесс реализации личности.

Полиэтнический состав населения сибирских городов хорошо прослеживается по документам, отражающим массовые коллективные акции горожан. В Томске в 60-е гг. XVII в. при проведении сыска против томского воеводы П. Пронского на съезжий двор предполагалось собрать всех жителей, в том числе приезжих торговых и промышленных людей — «...вымичи и вычегжан и Соливычегодской и Туринского и Еренского городков и чатских и томских мурз и юртовских и всяких татар...[108].

В период конфликтных ситуаций, которые нередко возникали в среде, близкой к воеводскому окружению, жители города и окрестностей собирались все вместе без какого-либо деления по этнической принадлежности. Так, в Тобольске во время конфликта воеводы Темкина-Ростовского с сыном боярским Савой Францужениным, объявившим на воеводу «государево слово и дело», от церкви, из которой вышел воевода со своей свитой, до самой съезжей избы выстроились «многие русские люди и татаровя и бухарцы». Пытаясь выяснить отношения с Савой Францужениным, тобольский воевода апеллировал к населению, собирая «того дни всяких толбольских русских людей и татар и бухарцев с площади и из дворов и из слобод и из юрт в город»[109]. Действия воеводы не встретили поддержки со стороны его окружения, где

резонно остерегались, как бы при большом скоплении людей в городе «не учинилось дурна». Видимо, воеводская администрация знала об оппозиционных настроениях различных слоев населения и боялась, что при тесном общении вся эта социально и этнически разнородная масса может повернуться против воеводской власти.

Любопытную сценку, разыгравшуюся в день пасхи на улице Кузнецка, рисует источник 1672 г. В этот праздничный день на одной из улиц города разбуянились казаки братья Бородины. При этом присутствовали кузнечане — новокрещен Биченко, Шумилко Тузовский и приезжие бухарцы Иричек и Саткул. Новокрещен Биченко взял под уздцы лошадь разбушевавшегося Макарки Бородина и отвел прочь от двора Никиты Любки, против которого были направлены действия расходившихся братьев. Несколько позже здесь же, на улице, оказался конный казак Ишкула со своей семьей. Этот единичный, выхваченный из жизни города пример дает достаточно убедительное представление об этническом составе Кузнецка 70-х гг. XVII в., ведь участниками приведенного эпизода были русские, «новокрещены»* Биченко и Ишкула, житель города Тузовский, судя по фамилии, западного происхождения, и, наконец, приезжие бухарцы[110].

Постоянное общение с людьми, принадлежащими к различным этническим и этнокультурным традициям, способствовало распространению среди сибиряков, и особенно горожан, привычки к восприятию иных этнических культурных норм, выработке уважения к их носителям. При этом, однако, сохранялось чувство «дистанции», осознавалось содержательное различие культур, что в конечном счете вело к развитию консолидационно-этнического процесса[111].

Надо отметить, что царское правительство, его местная администрация и православная церковь в целом проводили линию на обособление русского и коренного населения края и противопоставление русским «служилой литвы». На протяжении всего XVII в. тобольские архиепископы, а затем и митрополиты упорно добивались создания в столице Сибири особых районов расселения русских и татар, красочно описывая в своих слезных челобитных на царское имя непоправимый вред, чинимый православным соседством и тесным общением

* Примечательно, что «новокрещены» названы в документе своими исконными именами, а не теми, что получили при принятии христианства.

с язычниками[112]. Однако подобные настроения не находили отклика среди населения. Сам уклад жизни сибиряков, включавший в себя постоянные поездки представителей служилого сословия, результатом которых являлось расширение кругозора, постоянное контактирование с коренными жителями края, полиэтничная среда сибирских городов способствовали атмосфере веротерпимости. Даже среди административной верхушки, олицетворявшей государственную власть, можно выявить подтверждения этому. Известно, что нарымский воевода И. Скобельцын знал остяцкий язык и по его велению брата некоего новокрещена, «усопшего остяка некрещенного», отнесли в церковь и «... отпевать попу велел силою и уложил у храма»[113].

[illegible] является биография одного из детей боярских Андрея Буяновск[illegible] службы которого в Кузнецке к 1678 г. насчитывал 15 [illegible]. Шляхтич Калишского воеводства, попавший в плен под Витебском, был привезен в Казань, а затем в Уржум, где прожил 14 лет. По истечении этого времени А. Буяновский оказался в Москве, но «на размен не похотел идти к польскому королю» и, поверставшись в служилое сословие, поехал в Сибирь[114]. Именно таким, много повидавшим, подолгу жившим в разных областях Русского государства, в том числе и в столице, предстает основной контингент «служилой литвы». И, думается, именно в этом следует искать истоки скорой адаптации «литвы» к сибирским условиям, деятельного участия этой категории служилых в жизни городов. Обладая (еще на местах, где прошла основная часть их жизни до приезда в Сибирь) богатым опытом общения с представителями различных этнокультурных, языковых и расовых групп, белорусы, «черкаса», «литва» и пр. переносили традиционные для них установки и на коренное сибирское население. Это способствовало установлению отношений взаимопонимания, осознанию особенностей культуры сибирских народов. В этом же направлении действовал механизм включения в среду служилых выходцев из аборигенного населения, служивших как бы связующим звеном в установлении продуктивного общения с тюрко-, монголо-, угроязычным и прочим коренным населением. Вырабатывались социально обусловленные психологические установки на восприятие коренного населения как культурной общности, с которой не только возможен, но и желателен контакт в хозяйственной, бытовой, социальной сферах. Выработка установок на

межэтническое восприятие и общение происходила по крайней мере независимо, если не вопреки идеологическому воздействию правительства и церкви, выражавших интересы господствующего класса феодалов-землевладельцев. Установление психологического «климата» в межэтническом общении было делом самого народа[115].

В XVII в. были заложены основы продуктивного и обоюдополезного обмена культурными ценностями между параллельно и взаимосвязанно развивавшимися общностями Сибири, и, несомненно, важную роль в этом играла городская среда.

СЕМЕЙНЫЙ СТРОЙ И БРАЧНЫЕ ГРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Интерес к истории семьи объясняется той важной ролью, которую она играла в воспроизводстве жизни, воспитании новых поколений, формировании социального и индивидуального сознания, межпоколенной передаче характерных черт этноса. Как неотъемлемая часть общественной системы, семья испытывала постоянное воздействие со стороны общества. Интенсивность и вариабельность этого воздействия на отдельных исторических этапах в определенных специфических условиях имели свои особенности. Пристального внимания заслуживают семейно-брачные отношения полиэтничных регионов, к которым в полной мере относится Сибирь. Вопросы, связанные с исследованием семейного строя сибиряков на разных этапах русской колонизации, являются частью общей проблемы создания в Сибири постоянного русского населения. В ходе их решения можно составить картину не только процесса заселения и его интенсивности, но и развития форм трудовой деятельности у различных социальных групп переселенцев в отдельных регионах края, что в конечном счете находится в прямой зависимости с проблемами хозяйственного освоения Сибири[1].

Основные виды источников для изучения семьи XVII — начала XVIII в.— дозорные и переписные книги — располагают материалом лишь о мужском составе населения. Поэтому реконструировать состав семьи этого периода можно лишь с некоей долей условности. Что же касается семейного быта, отношений, царящих в семьях, то здесь приходится иметь дело с отрывочными

данными, собранными по крупицам из документов самого различного назначения.

До последнего времени исследования по истории семьи у восточных славян вообще, и у русских в частности, ограничивались обычно проблемами крестьянской семьи и почти не затрагивали горожан[2]. Между тем семья городских жителей, сложившаяся, безусловно, на основе сельской семьи, развивалась иными темпами и имела свои особенности[3]. Иное дело в Сибири. Сибирские города и остроги были первичны по отношению к деревне, следовательно, и городская семья во многом формировала сельскую, а не наоборот, как это было в европейской части государства. Несомненно, процесс заселения Сибири носил сложный, многоплановый характер, но роль городов оставалась ведущей в экономическом, социальном и культурном развитии.

Нет сомнения в необходимости изучать семьи горожан-сибиряков на ранних этапах колонизации Сибири, на стадии становления города как торгово-промышленного центра, тесно связанного с сельскохозяйственной округой, и, наконец, на этапе отделения города от деревни. Поскольку настоящая работа базируется на источниках преимущественно середины XVII — начала XVIII столетий, то объектом исследования становится период, когда западно-сибирский город, являясь средоточием торговли и промышленности, был неразрывно связан с сельскохозяйственным производством, принимавшим все более товарный характер. Именно в это время не всегда удается четко провести грань между сельским и городским жителем, не всегда официальный юридический статус соответствует реальному роду занятий сибиряков. Нередко горожане имели пашенные заимки в уезде, многие из которых являлись крупными производящими хозяйствами. Эти моменты не могли не отразиться на семейном строе и укладе семьи. Все эти вопросы не могут решаться однозначно для сибирских городов, многие из которых имели свои специфические особенности, продиктованные ходом исторического развития. Были, однако, и общие закономерности в становлении городской семьи, присущие, в частности, и западносибирскому городу.

Представляется крайне интересным сопоставление имеющегося сибирского материала о семье с данными по европейской части страны, откуда на протяжении XVII в. и позднее шел поток переселенцев за Урал. Та-

кое сравнение можно провести, выделяя преобладающие типы семей и рассматривая их количественный состав.

Еще раз подчеркнем, что источники лишены сведений о полном составе семей и их анализ для XVII в. может выявить лишь тенденцию, а не абсолютные показатели. Представляется также неправомерным и малорезультативным говорить о средней численности семей вне зависимости от сложившихся семейных структур, хотя подобные данные и интерпретируются рядом авторов[4].

Уже при первоначальном ознакомлении с сибирскими источниками становится очевидным наличие как больших неразделенных, так и малых, нуклеарных, семей. Исходя из материалов, относящихся ко второй половине XVII — первому десятилетию XVIII в., можно заметить, что неразделенные семьи встречались среди представителей всех слоев населения. Доля таких семей в общей массе сравнительно невелика. В 1703 и 1705 гг. среди отмеченных в документах 1199 семей неразделенные семьи составляли немногим более трети (34 %), остальные были малыми[5]. Это соответствие, как нам удалось выявить, сохранялось внутри различных социальных групп.

Таблица 1

*Соотношение больших неразделенных и малых семей жителей г. Томска и Томского уезда в 1703, 1705 гг., %**

Тип семьи	Дети боярские	Неверстанные дети боярские	Конные казаки	Пешие казаки	Казачьи дети	Посадские (город)	Посадские (уезд)
Большая неразделенная	39	44	43	40	27	32	29
Малая	61	56	57	60	73	68	71
Всего, %	100	100	100	100	100	100	100

* Составлено по: ЦГАДА, СП, кн. 1279, 1371.

В табл. 1 показано процентное соотношение больших и малых семей томичей, проживавших как в самом городе, так и на пашенных заимках в уезде. Сразу же можно заметить, что у служилого населения, обеспеченного земельными угодьями (а именно такие служилые вошли в приведенную таблицу), процент больших семей, как правило, выше, нежели у малоземельных казачьих детей и посадских. Это положение подтверждается и источником 1667/68 г., где среди 149 служилых го-

рожан-томичей на долю больших семей пришлось лишь 18 %[6]. Таким образом, неразделенные семьи сохранялись преимущественно там, где имелось производящее хозяйство, сопряженное с затратами значительных человеческих ресурсов. Именно наличие пахотной земли, сенокосных угодий, рыбных тоней, мельниц, различных промыслов создавало условия для консервации больших семей. Но подобные семьи не были однообразны по своей структуре. Здесь мы видим и семьи, построенные по принципу иерархической лестницы на основе прямого родства, и семьи братские, когда на одной усадьбе проживали несколько братьев со своими семьями или женатые братья с младшими холостыми братьями.

Большинство больших неразделенных семей, состоящих из взрослых сыновей с отцом, которому юридически принадлежало право владения усадьбой и угодьями, насчитывало три поколения. Иными словами, в этом случае женатые сыновья жили под отцовским кровом и работали на отцовской земле. Такие семьи встречались чаще среди старожильческого служилого населения: детей боярских, конных и пеших казаков. У посадских города и уезда, а также многочисленной категории казачьих детей многопоколенные семьи во главе с отцом — «патриархом» семейства — бытовали как исключения, среди же сравнительно молодого контингента «неверстанных детей боярских» таких семей не было вовсе.

Из более тысячи (1014) томских семей, учтенных переписной книгой 1703 г. владельцев пашенных и прочих угодий, большие неразделенные семьи, включающие наряду с неженатыми одного и более женатых сыновей с детьми мужского пола, составляли 11,2 %, причем из 114 таких семей 40 % приходилось на долю пеших казаков, около 30 % — конного казачества. Семей же, состоящих из двух и более женатых сыновей и братьев с наследниками по мужской линии, по данным источника 1703 г., едва наберется около 3 % к общему числу[7].

Кажется целесообразным на отдельных примерах более подробно показать, что же представляла собой большая неразделенная семья томичей.

Три поколения насчитывала семья сына боярского Павла Алексеева Мурашко. Глава семьи — «родом Польской земли», в качестве пленного был сослан в Казань, не пожелал «идти на размен» и по челобитью был оставлен служить в Сибири. Усадьба П. Мурашко была

расположена за р. Ушайкой и среди прочих построек включала две отапливаемые избы. Кроме того, П. Мурашко имел в уезде 15 дес. пахотной земли. К моменту переписи 1703 г. вместе с ним проживали его женатый сын Стефан с двумя малолетними сыновьями и младший, семнадцатилетний сын Федор[8].

Неразделенная трехпоколенная семья была у томского старожила конного каза́ка Маркела Федорова Колмогорова, жившего со своим многочисленным семейством из 13 душ муж. пола на пашенной заимке. Семья Колмогоровых обрабатывала 30 дес. и заготовляла на зиму до 200 копен сена. На заимке под отцовским кровом жили пять сыновей. Старший, Федор, по-видимому, был верстан в конные казаки и имел троих уже взрослых, но неженатых сыновей. Второй по старшинству сын также жил семейством с двумя достаточно взрослыми сыновьями. У третьего сына, Афанасия, сыновья были в возрасте 12 и 13 лет. Четвертый сын имел детей более младшего возраста. На отцовской усадьбе жил и пятый, холостой сын Константин. Надо заметить, что за верстанным в службу Федором Маркеловым Колмогоровым в городе числился двор, поэтому его можно считать в определенной мере независимым от отца[9].

Томские старожилы, служилые люди Чускаевы, известны еще по документам начала XVII в. Это были представители типичной зажиточной казачьей семьи, скопившей состояние на торговле. К 1703 г. пеший казак Борис Иванов Чускаев жил в Томске «в крайних улицах по реке Ушайке» на обширной усадьбе с тремя отапливаемыми помещениями. В семью Б.Чускаева входили женатые сыновья, у одного из них, Григория, был двухлетний сын. Кроме женатых сыновей с отцом жили и их холостые братья, Иван Меньшой 20 лет и Степан 13 лет. Помимо двора в городе Борис Чускаев владел пашенной заимкой «промеж речек Ушаек» общей площадью 60 дес., где 14 дес. отводилось под пахоту. Ежегодно семья Чускаевых заготавливала по 100 копен сена[10].

Примером многочисленной неразделенной трехпоколенной отцовской семьи может служить и семья томского посадского, представителя старожильческой фамилии Большениновых, отмечаемых источниками с 1626 г. На рубеже XVI и XVII вв. у посадского Григория Большенинова в семье насчитывалось пять сыновей, старший из которых, 35-летний Иван, имел двух малолетних сыно-

вей. Возраст остальных братьев Большениновых равнялся соответственно 30, 20, 17 и 12 годам[11].

Здесь представлены наиболее типичные трехпоколенные отцовские неразделенные семьи с невыделившимися женатыми и уже достаточно взрослыми холостыми сыновьями. Как правило, подобные семьи томичей складывались у представителей старожильческих фамилий, имевших определенный достаток и владевших сельскохозяйственными угодьями или промыслом. Однако наличие средств в таких семьях было все же ограниченно и не позволяло широко пользоваться трудом дворовых работников, а также применять наемную рабочую силу. Ведение хозяйства требовало определенного количества рабочих рук, но ограниченность возможностей для привлечения работников со стороны создавала условия существования семей подобного рода.

На основании наших источников трудно судить о реальной власти и авторитете главы в семьях с иерархической структурой. Налицо лишь факт юридического закрепления за главой семьи права на владение усадьбой или городским двором, земельными и прочими угодьями и всем недвижимым имуществом. В семьях служилых глава и его один или несколько взрослых сыновей получали денежное жалованье. Однако гораздо чаще именно глава являлся единственным верстанным в службу членом семьи, при этом сыновья, живущие с отцом под одним кровом, даже женатые, не причислялись ни к одной из социально значимых групп населения. Лишь выделившись в самостоятельных дворохозяев, они начинали фигурировать в документах как «казачьи дети». Таким образом, живя с отцом, сыновья, по сути, не имели юридически выраженного официального статуса. Это относится как к представителям служилого сословия, так и к посадским и другим категориям населения и красноречиво говорит об определенной зависимости от главы семьи неотделившихся сыновей. В том строго стратифицированном обществе, каким была феодальная Россия XVII — начала XVIII в., сыновья, находясь под одним кровом с отцом, как бы выключались из данной социальной системы. Перед государством и его органами власти они не являлись ни собственниками, ни налогоплательщиками. Самостоятельной единицей, личностью, включенной в систему социально-экономической структуры и ответственной перед государством, сын становился, только отделившись от отца и поселившись «своим двором».

Что же происходило в семьях такого рода в связи с потерей главы? Транслировался ли устоявшийся тип семейных отношений и структуры на вновь создаваемую, вернее, на создаваемую в новых условиях семью или трансформировался в семьи качественно другие — братские и нуклеарные? Думается, что происходило и то, и другое при доминирующей тенденции к выделению малых семей в самостоятельные хозяйства.

Братская семья известна как одна из форм большесемейной организации, построенной на модели родовой общины, где решающая роль в распоряжении имуществом принадлежит братьям. Характерно, что именно братья обычно выступают в качестве основных распорядителей недвижимости. Таким образом, власть в такой семье принадлежит не одному лицу — «патриарху», а группе братьев[12].

В Сибири братской семье отводилась значительная роль. На первых порах освоения края значимость братских семей должна была быть — да это и подтверждают источники — несомненно выше, чем в период интенсивного развития сибирского хлебопашества. Переселенец, оказавшись по тем или иным причинам в Сибири (добровольная колонизация, ссылка, государева служба и т. п.), обзаводился семьей, хозяйством, а затем мог «выписать» родственников, т. е. добивался разрешения у властей перевезти в Сибирь родню. В основном это касалось братьев и племянников. Затем они селились на одной усадьбе и сообща вели хозяйство. Это был один из путей создания братской семьи.

В фондах Сибирского приказа нет недостатка в челобитных с просьбами о перемещении родственников за Урал. Так, кузнецкий конный казак Терентий Семенов ходатайствовал о разрешении перевезти из Устюга Великого не только свою жену с сыном, но и родного брата с его семьей. Енисейский казачий десятник Ф. Елизаров Казанец намеревался «взять в Сибирь» сына своего брата, и т. п.[13] Освоение труднодоступных участков под пахоту, обзаведение хозяйством — все это на первых порах способствовало появлению и сохранению больших братских семей среди новопоселенцев колонизуемого региона.

Братские семьи могли возникнуть и в связи с распадом (например, в случае смерти главы) большой неразделенной семьи иерархической структуры. В этой ситуации, исходя из материальных возможностей, количества реальных кормильцев и иждивенцев, оставшаяся без

«патриарха» семья могла трансформироваться в братскую. Отношения между братьями строились прежде всего на праве владения собственностью. В качестве одного из примеров можно привести томских братьев Митяевых, сыновей конного казака Дениса Митяева, числящегося в списках служилых с середины XVII в. К 1703 г. в томском уезде обосновались его сыновья. Семья пешего казака Василия Денисова Митяева представляла собой неразделенную братскую семью и насчитывала семь душ муж. пола: самого Василия с двумя сыновьями в возрасте 10 и 8 лет, его женатого брата Якова с шестилетним сыном и женатого брата Ивана с сыном 4 лет. Братья имели усадьбу в Запорожском стане, в дер. Губиной, где располагали угодьями «длиннику одна верста, поперечь — тож». Они обрабатывали под пахоту 9 дес. и заготавливали по 100 копен сена. Этой землей живущие совместно братья Митяевы владели сообща с поселившимся отдельно, по-видимому, старшим (судя по возрасту его детей) братом Григорием Денисовым Митяевым. Он был записан в документах как «казачий сын». С общих с братьями угодий Григорий Митяев заготавливал также по 100 копен сена и распахивал для своих нужд 4,5 дес. земли. Таким образом, после смерти конного казака Дениса Митяева один из его сыновей выделился в самостоятельного дворохозяина, а трое составили неразделенную братскую семью, живя на одной усадьбе со своими женами и детьми. Земля считалась общей собственностью братьев, хотя, по сути, каждая семья — малая, Григория, и неразделенная братская, Василия, Якова и Ивана,— обрабатывала оговоренное в документах количество пашни и заготавливала определенное количество сена для содержания скота[14].

Другим образцом братской семьи могут служить томичи Турунтаевы. Земельные угодья этой семьи, в составе которой было 9 душ муж. пола, принадлежали, по фискальным документам, двум старшим, верстанным в пешую казачью службу братьям — десятнику Афанасию и рядовому казаку Дмитрию. У Афанасия было трое малолетних сыновей, у Дмитрия — один. С ними же, «не в разделе», проживали родные братья: 25-летний Федор, 20-летний Ульян и 18-летний Савелий. Турунтаевы имели две обширные пашенные заимки, одну неподалеку от города, другую — в основанной их отцом дер. Турунтаевой[15].

Неразделенная братская семья посадких томичей Баженовых насчитывала 8 душ муж. пола. В 1700 г. в од-

ном дворе жили Матвей Баженов (он был записан в посад и являлся налогоплательщиком) с тремя малолетними сыновьями, его женатые братья Гаврила и Андрей и холостой 23-летний брат Михаил[16].

Аналогичной по своей структуре являлась и семья посадского Петра Каличкина. В ее состав входило 7 душ муж. пола, в том числе сам Петр Каличкин, два его сына, женатый 28-летний брат Иван с малолетним сыном и два холостых брата, Григорий, 20 лет, и Илья, 23 лет. Жили братья Каличкины в Томске за р. Ушайкой в «Благовещенской береговой улице в посаде», причем записан в посадские был только Петр, остальные братья не были причислены ни к одной категории населения. И хотя все братья в переписной книге отмечены как члены одной семьи, Иван Каличкин имел отдельную избу, с которой платил соответствующий налог. Не представляется возможным выявить, стояла ли эта изба на общей с братьями усадьбе или примыкала к ней, но расположена она была там же, в Благовещенской улице[17]. Так или иначе, один из женатых братьев Каличкиных выделился в самостоятельного дворохозяина, но по роду занятий, по официальным документам, он составлял с братьями единое целое — был братом посадского человека.

То, что братские семьи существовали как явление в какой-то мере вынужденное, продиктованное экономической необходимостью, связанной с освоением не обжитых в достаточной мере районов, приспособлением к новым условиям, можно проследить по источникам на примерах старожильческих семей с более высокой материальной обеспеченностью, чем, скажем, у семей казаков или посадских «средней руки». Дети представителей служилой верхушки, зажиточных слоев, получив от отца или приобретя каким-либо другим способом землю, имели больше возможностей еще при жизни отца повертаться, как правило, также в высшие слои служилого сословия. Практически они не нуждались в совместном проживании.

Выводы о преобладании того или иного типа семьи, ее структуре, сделанные на основании только одного источника, зачастую не оправдывают себя. Например, по данным переписной книги томских дворовладельцев, трое сыновей сына боярского, урожденного шляхтича Петра Жуковского в 1705 г. проживали в Томске на территории Воскресенского прихода на общей усадьбе с тремя отапливаемыми помещениями. Два брата — Ва-

силий и Роман — были определены в «дети боярские», третий, Андрей, в эти годы фигурировал в документах как «неверстанный» сын боярский. Но это не была неразделенная братская семья. Другой источник позволяет прояснить, что старший, Василий Жуковский, жил в городе, в его семье рос 10-летний сын. Василий не имел пашенных земель, но у него была мельница на р. Томи под городом, рядом с которой располагались его сенные покосы, а принадлежавшие ему рыбные тони находились неподалеку от с. Богородского. У Василия Жуковского был дворовый работник, 50-летний «калмак», который жил на мельнице и содержал ее. Второй брат, Роман Жуковский, имел усадьбу в с. Богородском, на которой работал его дворовый «калмак» с семьей. Пашня в хозяйстве Романа не обрабатывалась, использовались лишь сенокосные угодья. Третий брат Жуковских, Андрей, имел пашенную заимку в дер. Поздняковой на р. Оби, где и жил вместе с младшим, холостым 25-летним братом Федором. Его угодья насчитывали «длинника 4 версты, поперечнику 3 версты»[18].

Таким образом, становится ясно, что кроме совместной усадьбы в городе каждый из братьев Жуковских имел самостоятельные владения в уезде. Там «хозяйничали» их холопы — дворовые люди. Конечно же, материально обеспеченную, относящуюся к представителям служилой верхушки семью Жуковских нельзя считать типичной для основной массы томского населения.

Следует отметить еще один способ образования и существования братских семей, когда, потеряв отца, главу семьи, старший сын (или сыновья) брал на себя заботу о младших. Такое положение могло сохраняться до женитьбы младших братьев и выделения их в самостоятельных хозяев. Стабильность подобных семей зависела от целого ряда условий. Этой же структуре соответствовала семья томского пешего казака Алексея Белобородова, с которым жили «не в разделе» родные братья в возрасте 25, 15 и 9 лет. Аналогичная ситуация сложилась в семье конного казака Андрея Савельева сына Рожнева. Вместе с ним на заимке проживали братья: 20-летний Григорий, 18-летний Григорий же Меньшой и 15-летний Иван. Из другого источника становится известно, что отец их, отставной конный казак Савелий Рожнев, хотя и не числился в составе семьи, находился в это время в добром здравии, имел мельницу поблизости от заимки своих сыновей, где и работал и, по-видимому, там же,

при мельнице, и жил[19]. В этом случае отец, каков бы ни был его авторитет, не являлся уже официальным главой семьи, передав свои полномочия повзрослевшему, как это было принято, в «его место» старшему сыну, теперь официальному налогоплательщику.

Нам кажется, что типы семей сибиряков не укладываются в жесткие рамки. На страницах документов приходится встречаться с множеством вариантов семейных отношений. В составе семей могут оказаться и племянники, и шурины, и зятья, и другие родственники[20]. Не представляется целесообразным выделять вслед за рядом авторов такие частные случаи, а тем более пытаться втиснуть их в рамки какой-то разветвленной структуры. Большие неразделенные семьи следует, на наш взгляд, рассматривать как отцовские и братские.

Включение в состав семей родственников, подчас дальних, обусловливалось двумя факторами: во-первых, необходимостью увеличения семьи для реализации хозяйственных задач и, во-вторых, осознанием родства и свойства. Таким образом, семья поддерживала на стабильном уровне свою дееспособность за счет людей, которые в сознании членов этой семьи являлись родственниками или хотя бы свойственниками.

Естественно предположить, что главой семьи, в том числе состоящей из нескольких братьев, являлся тот ее представитель, за которым записывались двор, заимка или другое владение. Как правило, среди братьев это был старший по возрасту или социальному положению. Примеры другого рода не типичны. Нельзя не согласиться с авторами, отмечающими присущий братской семье демократизм, определяемый тем, что все вопросы, связанные с жизнью семьи, решались путем согласования, а не сугубо индивидуально[21].

При выделении братьев из большой семьи в самостоятельных дворовладельцев зачастую сохранялась общая собственность на пахотную землю или какую-либо другую недвижимость (мельницы, рыбные тони, лесные угодья, сенокосы и т. п.). Для источников XVII— начала XVIII в. при определении владений характерна формулировка «вопче без разделу». Распространенными можно считать записи такого рода: «...а владеет он вопче без разделу с братом своим...» или «...а владеет той своей пашенной заимкой по крепости... вобче с братьями своими... да племянником своим...»[22]. Братские семьи, распадаясь на нуклеарные, как правило, в течение какого-то периода еще владели недвижимостью со-

вместно. Однако существующая в неразделенной братской семье практика наследования от брата к брату и практика совладений постепенно претерпевала изменения, связанные с распадом таких семей. Тогда неизбежно назревали конфликты, вызванные в конечном счете развитием товарных отношений в сельском хозяйстве. Ибо земля теперь не только обеспечивала потребности семьи, но и приносила прибыль.

Подобная ситуация возникла в зажиточной томской семье Середининых. Конный казак Терентий Серединин успешно занимался торговлей и промыслами, владел многочисленными пашенными займками, сенными покосами, рыбными тонями и мельницами вместе со своим родным братом Федором, также конным казаком, и двоюродным — Иваном, сыном боярским. После смерти Терентия Серединина его вдова отстаивала права на единоличное владение частью угодий для своего девятилетнего сына, утверждая, что Иван Серединин «...писал в сказке своей, будто он владеет во всем с ними в землях и в мельницах, и в сенных покосах, и в рыбных тонях половиною, и то де он писал напрасно, потому что в крепостях наших имя его не написано, а купил де те земли и строил мельницы из своих пожитков муж ее Терентий Серединин...»[23].

Распад братских совладений в результате подобных распрей между родственниками приводил к упадку больших производящих хозяйств. И если во второй половине XVII столетия Серединины располагали крупными капиталами и недвижимостью, то к середине XVIII в. они уже не значились среди известных в Томске купцов или промышленников. Таким образом, братскую семью можно рассматривать как один из способов концентрации средств производства и капиталов. Именно на основе собственности неразделенных братских семей часто вырастали крупные торговые и промышленные предприятия.

Большие братские семьи редко сохраняли свою структуру на протяжении нескольких поколений. Как правило, подобные семьи, как и неразделенные патриархальные, трансформировались в малые, нуклеарные. Именно таких семей в Сибири в изучаемый период было подавляющее большинство.

По данным документа 1667/68 г., у 149 томских горожан-служилых преобладали нуклеарные семьи — их было 82 % к общему числу. На долю братских семей приходилось 16,7 %, и только 1,3 % — на долю нераз-

деленных патриархальных семей[24]. Выделение в городе малой семьи раньше, чем в уезде, вполне обоснованно, поскольку горожане были менее связаны с сельскохозяйственным производством. Часть служилых получала хлебное жалованье.

И по данным 1703—1705 гг., малая семья преобладала и в городе, и в уезде, но уже не так заметно, как в 60-е гг. Это объясняется тем, что, во-первых, из источника 1705 г. невозможно выделить горожан, не связанных с обработкой пашни в уезде (кроме посадских), а во-вторых, тем, что в начале XVIII в. все большее число населения данного региона переориентировалось в своей деятельности. На смену пушным, хмелевым, рыбным промыслам пришло хлебопашество, ибо хлеб становился предметом купли-продажи. Пашенные хозяйства, производящие товарный хлеб, требовали применения наемного или подневольного труда либо наличия больших неразделенных семей. Самой приемлемой формой такой семьи была семья братская.

В таблице 1 показано соотношение различных типов семей, бытовавших в Томске и уезде в 1705 г. среди разных категорий населения. При несомненном преобладании малой семьи видно, что сколько-нибудь значительное число больших патриархальных семей можно отметить лишь у служилых, располагавших пахотными землями. В их число входили и старожилы — основатели ряда деревень, названных их фамилиями[25]. Среди «неверстанного», неслужилого населения при преобладании малой семьи определенная доля оставалась за семьями братскими.

Выводы, сделанные на томских материалах, подтверждаются и тобольскими источниками XVII в. Переписная книга семей посадских тобольчан за 1698 г. содержит сведения о 305 семьях. Из них 20 % составляли семьи братские, около 3 % — большие патриархальные, остальные являлись малыми[26]. Неразделенные братские семьи тобольских посадских были тесно связаны с товарным производством или торговлей. Так, М. А. Пытин имел двор в Тобольске, где кроме него и двух его малолетних сыновей жили его брат и два взрослых (30 и 40 лет) племянника. Вся эта семья промышляла «кузнечной работой». Кузнечным же промыслом занимался и живший совместно с братьями посадский Г. О. Рогалев[27]. Братские семьи отмечены у кожевников Деревниных, Остафьевых, Костромитиных, чеботаря Бутрюкова, специализирующихся на продаже мяса Корякиных,

Першиных и др.[28] И все же 70 % тобольчан жили малыми семьями.

Доминирующее положение нуклеарной семьи в Западной Сибири отмечено Н. А. Миненко. Изучая документы 1701 г., она пришла к выводу, что основной формой производственной и общественной жизни в таких городах как Тара, Туринск, Тюмень являлись малые семьи[29]. Соотношение больших неразделенных и малых семей у кузнецких служилых людей составляло 1:4,5[30].

То же в общем соотношение сохранялось и для крестьянской среды. У туринских уездных крестьян малые семьи в 1701 г. составили около 70 % от общего числа, у тюменских — 84 % (1719 г.), у верхотурских монастырских крестьян — 34,5 % (1710 г.), у томских — около 90 % (1703 г.)[31].

Преобладание малых семей настолько заметно, что те или иные нюансы, связанные с определением самой малой семьи, не влияют сколько-нибудь существенно на выводы в целом.

Несколько иные тенденции прослеживались в Восточной Сибири, хотя структура семей Енисейского уезда во второй половине XVII в. показывает, что и здесь господствующей формой семьи, особенно в 60—70-е гг., была малая, состоящая из одной супружеской пары и детей. Однако семьи русских поселенцев Енисейского уезда довольно быстро превращались в патриархальные многопоколенные. Имелись и братские семьи[32]. Чем был вызван этот процесс и был ли он характерен только для данного региона, судить сложно, так как обобщающие работы по материалам Восточной Сибири отсутствуют.

Нам трудно согласиться с мнением В. А. Александрова о сохранении в Сибири традиций больших семей, принесенных переселенцами с Русского Севера. Материалы по исследованию семейного строя северных областей Русского государства не подтверждают наличия подобных традиций. Во всяком случае, в XVII в. они были уже в достаточной степени размыты и трансформированы. По данным конца XVII — начала XVIII в., у вологодских крестьян преобладала малая семья, состоящая из супругов с неженатыми детьми. В последней четверти XVII в. такие семьи составляли 80,3 %. Возрастала доля неразделенных братских семей. Сравнительный материал по Кевролю, Мезени, Двине показывает, что структура и численность крестьянского двора, характерная для Вологодчины, может считаться более или менее типичной для всего северного региона[33]. У посадского на-

селения Балахны в конце XVII в., как выявил М. Г. Рабинович, превалировала малая семья[34]. Неразделенные братские семьи существовали там, как правило, в связи с совместным производством, что мы уже и видели у посадских сибирских городов. Таким образом, преобладание нуклеарных семей среди населения Западной Сибири выражало общую тенденцию, характерную и для европейской части государства.

На выделение малых семей у горожан могла влиять и политика правительства, заинтересованного в увеличении количества тяглового населения. Естественно, должна была существовать экономическая основа для возможного отпочкования малых семей. В дальнейшем, в связи с развитием торговли, промышленности и товарного сельскохозяйственного производства, появлялись причины, приводящие зачастую к возрождению больших патриархальных и неразделенных братских семей.

Исследуя семейный строй, ряд авторов[35] прибегает к разделению семей по числу поколений. Наличие в литературе таких данных делает возможным сравнение нашего материала с выводами, сделанными для других регионов страны (табл. 2).

Таблица 2

Число поколений в семьях томичей (1703 г.)

Категория томского населения	Всего семей	Семьи		
		однопоколенные	двухпоколенные	трехпоколенные
Дети боярские	55	18	30	7
Неверстанные дети боярские	18	10	8	0
Подьячие	8	1	7	0
Духовенство	7	1	6	0
Иноземного списка конные казаки	9	1	5	3
Конные казаки	188	36	115	37
Отставные конные казаки	23	3	13	7
Пешие казаки	272	54	168	50
Отставные пешие казаки	6	2	4	0
Пушкари, бронник, толмач	7	0	6	1
Казачьи дети	430	129	285	16
Посадские	100	26	63	11
Всего...	1123	281	710	132

Разделение томичей, живущих как в городе, так и в уезде, на семьи с разным числом поколений дает следующий результат: среди 1123 семей в 1703 г. двухпоколенных насчитывалось 63 %, однопоколенных — 25 %,

трехпоколенных — 12 %[36]. Сразу же следует оговорить эти показатели. Поскольку в источниках представлено только мужское население, то процент однопоколенных семей несколько завышается. Показатели же по трехпоколенным, а особенно по двухпоколенным семьям, наоборот, занижаются. Однако доля последних настолько доминирует по всем группам населения, что в преобладании двухпоколенной семьи сомневаться не приходится.

Удельный вес семей, различаемых по числу поколений, разнился для отдельных категорий населения. И зачастую за равными вроде бы количественными показателями стоят неоднозначные по сути проявления социально-экономических отношений. Так, например, однопоколенные семьи встречались часто как у «детей боярских», так и у «неверстанных детей боярских». Это были качественно разные семьи. У детей боярских это, как правило, «остаток» от патриархальной семьи, образовавшийся в результате отделения поверстанных в службу детей. Сыновья в данном случае жили уже самостоятельно на своих усадьбах. Это справедливо и для семей отставных конных и пеших казаков, среди которых доля однопоколенных семей также значительна.

У прослойки «неверстанных детей боярских» однопоколенные семьи в большинстве своем «молодые», не успевшие обзавестись наследниками. В определенной степени то же можно сказать и о категории населения, именуемой «казачьими детьми». Разница здесь заключается в имущественном и социальном положении, а также территориальном размещении. «Неверстанные дети боярские» формировались из сыновей высшего слоя служилого сословия и в большинстве своем являлись городскими жителями. Прослойка «казачьих детей» складывалась из не имевших возможности поверстаться в службу сыновей многодетных конных и пеших казаков. В дальнейшем из представителей этого слоя населения в городе формировались разночинцы, а в уезде — крестьяне. К началу XVIII в. среди «казачьих детей» было немало малоземельных или вовсе безземельных, «кормившихся работою»[37]. Нередко встречались холостяки, живущие с малолетними братьями и приобщавшие их к тому или иному ремеслу.

Трехпоколенные семьи преобладали среди старожилов и представляли собой большие патриархальные семьи. Подавляющее же большинство семей были двухпоколенными; среди них наряду с нуклеарными встречались и неразделенные братские.

Господствующее положение двухпоколенной семьи можно рассматривать как явление, характерное для центральных и северных областей России и Западной Сибири, причем такие семьи доминировали не только в городах, но и в крестьянской среде. К концу XVIII в. малые двухпоколенные семьи в Тобольском округе охватывали более 56 % всего количества крестьянских семей[38].

Е. Н. Бакланова, исследуя крестьянский двор Русского Севера конца XVII — начала XVIII в., выявила подавляющее большинство двухпоколенных семей прямого родства[39]. Изучая города центра России, М. Г. Рабинович также пришел к выводу, что в интересующее нас время семьи горожан насчитывали в основном (до 2/3) два поколения[40].

Разделение семей по числу поколений (отцы — дети, отцы — дети — внуки, братья — дети, братья — дети — внуки и т. д.) помогает составить представление о наличии неразделенных семей и о возрастном составе семей в целом. Семьи томичей к началу XVIII в. представляются сравнительно молодыми и относительно немногочисленными*. Наряду с бытованием многопоколенных семей двухпоколенная семья, без сомнения, преобладала. Среди братских неразделенных семей семьи, состоящие из трех поколений, встречаются крайне редко.

Родственники, в первую очередь родные и двоюродные братья, предпочитали по возможности жить рядом. Это справедливо и для горожан, и особенно для населения уезда. Широко известно, что деревни часто формировались из представителей одной фамилии. По соседству располагались заимки братьев, племянников, дядьев[41].

---

* Не акцентируя внимания на средних показателях по количественному составу семей, отметим, что среднее число мужчин в семьях служилых томичей в 1667/68 г. составляло 2,5 душ муж. пола, что в общем соответствует данным А. С. Лаппо-Данилевского (2,36; 2,59), В. Е. Водарского (2,6—2,8), М. Г. Рабиновича (3,7). Последний автор, чьи показатели по Балахне несколько выше, утверждает, что в одном дворе в обход налоговой политики государства могло селиться несколько семей. Вычисление средних показателей такого рода кажется нам малоубедительным без учета лиц женского пола, а именно этим и грешат почти все источники изучаемого периода. (См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве от времени Смуты до эпохи преобразований.— Спб., 1890.— С. 516—517; *Водарский Я. Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России.— М., 1966.— С. 276—277; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— М., 1978.— С. 180—182; *ЦГАДА*, СП, оп. 5, д. 154, л. 1—23 об.)

Впрочем, родственники не теряли контактов, даже если проживали далеко друг от друга. Родственные связи были достаточно крепки. В Кузнецке в 1686 г. казачьи дети в приказной избе «били челом словесно», чтобы «отпустить их в Томской по обещанию помолиться и с родичи повидаться». Просьба была удовлетворена, и казачьи дети отпущены в Томск сроком на месяц. К нарымскому воеводе в 40-х гг. XVII в. приезжал из-за Урала его брат[42]. В документах можно отыскать достаточно примеров, когда, несмотря на трудности пути и громадные расстояния, родственники навещали друг друга. Служилые люди для этих целей использовали служебные поездки в другие города, будь то Сибирь или европейская часть страны.

Родственные связи реально воплощались в совладении недвижимостью, в совместных капиталах. Среди представителей одной фамилии или родственников по другим линиям существовала своеобразная кооперация вокруг средств производства. Такие семейные объединения были вызваны к жизни социально-экономическими предпосылками. При этом «коллективной» собственность являлась лишь по отношению к членам такого семейного объединения, но не к социальному организму в целом. Обособленной эта собственность была ничуть не меньше, чем собственность одного лица[43].

Нельзя согласиться с наличием главы в рамках подобной структуры. Со смертью одного из ее членов (брат, дядя, племянник), за которым была записана вся собственность или часть ее, ничего не менялось. Объединение семей продолжало существовать в рамках той же схемы.

З. Я. Бояршинова, исходя из сведений источника, который неоднократно используется и в нашей работе, отмечала наличие в Томске коллективного землевладения как зародыша сельской или деревенской общины. Предпосылки для такого совладения З. Я. Бояршинова видела в перенесении северных, поморских традиций на сибирскую почву, а также в трудоемкости индивидуального хозяйства в условиях необжитой территории[44]. Родственным связям в данном случае не придавалось решающее значение. Между тем формальные записи о количестве общих владений среди родственников, в том числе двоюродных братьев, не всегда отражали действительное положение вещей.

Среди томских детей боярских и представителей воеводской администрации совладения братьев, племянников и дядьев составляли 30 % от всех земельных владе-

ний, принадлежавших этим категориям населения. Среди конного казачества такой процент был несколько выше — до 38; у пеших казаков процент родственных совладений равнялся 28, у многочисленной категории казачьих детей — 25[45]. При этом, естественно, учитывались только родичи по мужской линии, доля которых для всех категорий служилого населения в такого рода объединениях составляла около трети. Если допустить, что родственные связи по женской линии составляли такой же или близкий к этому процент, то получается, что доля родственных совладений недвижимостью могла достигать 60 %.

К сожалению, источники не всегда позволяют определить дальних родственников, а по составу фамилий не во всех случаях можно судить о родственных связях даже по мужской линии. Например, казачьи дети Поповы являлись родными братьями (источники дважды утверждают это) с Иваном и Гаврилой Иглыбаевыми (Яглыбаевыми)[46]. Братом пешего казака К. Л. Толмачева назван конный казак А. Рожнов, конного казака Л. Сергеева — конный же казак И. Колмогоров[47]. Подобных фактов в документах можно отыскать немало. Поэтому число родственников-совладельцев нельзя считать завышенным, скорее наоборот.

Члены семейного «клана», как правило, поддерживали друг друга в разного рода начинаниях, а в конфликтных ситуациях выступали «единым фронтом». Это хорошо прослеживается по подписям под коллективными челобитными. Представители одной фамилии обычно подписывали какую-либо жалобу «своим основным составом»[48]. Томский подьячий Григорий Лаврентьев обвинял дворянина московского списка Осипа Качанова в том, что тот «научил племянников своих родных... бранить его и бесчестить». Кстати, О. Качанов и Гр. Лаврентьев состояли в отдаленном родстве[49].

Надо заметить, что рядовые горожане сильнее ощущали зависимость от семейного клана, тогда как в кругах, близких к администрации, и среди торгово-промышленной верхушки скорее намечалось разложение семейно-родственных отношений. Из-за претензий на владение собственностью и амбиций, связанных с продвижением по служебной лестнице, родственники подчас оказывались в противостоящих группировках. Как правило, одна из них выражала интересы воеводского окружения, другая — оппозиции. Томичи двоюродные братья дети боярские Петр и Григорий Лаврентьевы

принадлежали как раз к таким противостоящим силам. Подьячий приказной избы Григорий Лаврентьев находился среди сторонников воеводы Петрово-Соловово, а Петр Лаврентьев — в числе его противников. Во время одной из ссор Петр обвинил своего двоюродного брата-подьячего в «воровстве», в том, что он вместе с О. Качановым, еще одним родственником, «...по книгам брали заочно оклады служилых людей»[50]. В этой ситуации интересы служилого «класса» оказались для Петра Лаврентьева выше родственных, хотя подоплеку сложившихся между братьями отношений вряд ли когда-нибудь удастся выяснить. Все же подобные конфликты были присущи в большей мере определенному слою, далекому от забот рядового горожанина. И вполне понятно, что в Сибирском приказе накапливались дела, затрагивающие интересы администрации, тогда как жизнь простого горожанина оставалась в тени.

К сожалению, крайне скудны сведения о браках между представителями различных семей. Между тем они были бы чрезвычайно важны, в частности для понимания принципов и функционирования семейных или родственных объединений, возникавших при ведении общего хозяйства. Данные о заключении браков совершенно необходимы для воссоздания картины размывания довольно сплоченной в XVII в. прослойки служилых. Именно такой процесс утраты сословных привилегий наглядно иллюстрирует пример заключения брака томского неверстанного сына боярского известной фамилии Боровских с дочерью пашенного крестьянина[51]. Известен и другой случай, когда вдова служилого человека, имевшая четырех сыновей, вторично вышла замуж за Уртамского крестьянина дер. Весниной. Не приходится сомневаться, что ее дети остались впоследствии на земле отчима, фактически прервав отношения с городом, и стали земледельцами. Несомненно, что типичным было заключение браков в своей среде. Лишь косвенные данные, в большинстве своем касающиеся совладений, позволяют судить о брачных отношениях. В частности, это касается тех случаев, когда пользовались угодьями или обрабатывали пашню совместно с братьями жены. Так, пеший казак К. Я. Кисилев пахал на земле «шурьев свои» казачьих детей Своровских, состоящих в родстве такого же рода с казачьими детьми Смокотниными[52].

Население сибирских городов пополнялось в основном за счет притока «новых сил». Но нельзя при этом

сбрасывать со счетов и естественный прирост. Составить представление о приросте населения можно по ряду параметров. Одним из них является увеличение поколений семьи за определенный отрезок времени. На ряде примеров томских семей такой прирост можно определить как 1:3, 1:4. При этом учитываются только дворовладельцы, горожане и жители уезда. Другой параметр — это влияние смертности на естественный прирост. С этим связана и проблема «выживаемости». Уникальная по своим данным переписная книга служилых 1667 г. содержит записи, где отмечены томские служилые люди с указанием возраста детей, что позволяет проследить судьбы ряда представителей семей служилых на протяжении длительного времени.

Так, у конного казака Канаева в 1667 г. было шесть сыновей. Известно, что в дальнейшем пятеро из них обзавелись семьями. К 1703 г. они были в возрасте от 46 до 56 лет [53].

В семье служилого Т. Згибнева в 1667 г. источник отмечает четырех сыновей. Двое из них достигли к 1703 г. 58 и 61 года. Кроме того, в документах встречаются потомки третьего сына Згибнева[54].

Четыре сына было в семье сына боярского Василия Бубенного. Все они легко отыскиваются в переписи 1703 г. К этому времени им было от 42 до 56 лет[55].

В семье сына боярского Романа Старкова росли два сына, в 1667 г. Семену было 10 лет, Григорию — 13. К 1703 г. Григорию Романову Старкову, сыну боярскому, было около 50 лет. Он имел трех сыновей-подростков. Младший сын Романа Старкова, Семен Романович, в 1703 г. в возрасте 22 лет был поверстан в дети боярские. Исполняя поручения воеводской администрации, он подыскивал пригодные к пахоте земли в Томском уезде. У брата же Романа Старкова, татарского головы Василия Старкова, по документам 1667 г. значился 8-летний сын Зиновий, которого также 36 лет спустя можно отыскать в списках детей боярских[56].

В семье конного казака Амоса Голящихина в 1667 г. было три сына. Старший, Андрей, в 1703 г. достиг 56 лет и проживал в уезде со своими сыновьями. Второму сыну Амоса Голящихина в это время было около 49 лет, он имел сыновей и внуков. У брата Амоса Голящихина, десятника Пронки, в 1667 г. был 20-летний сын Дмитрий, которому спустя 36 лет также нашлось место в источниках[57].

Из приведенных примеров, которые можно было бы продолжить, видно, что большинство томичей доживало до солидного, и уж во всяком случае брачного, возраста. Видимо, процент детской смертности в старожильческих семьях был относительно невелик. Разумеется, речь идет о семьях с утвердившимся социальным статусом, экономической основой для ведения хозяйства и разветвленной сетью родственников. Последнее являлось немаловажным фактором, так как известны случаи, когда осиротевшие по тем или иным причинам дети воспитывались у родичей. Например, в семье томского конного казака Ивана Астраханцева воспитывался племянник, 15-летний Лучка Романов сын Субботин, а в семье конного казака Якова Булгакова рос его брат, семилетний Сенька Романов, сын Субботин. По-видимому, здесь имела место ситуация, когда осиротевшие дети попали к родственникам по материнской линии, скорее всего сестрам умершей матери. Так или иначе, родичи помогали вырастить детей из многодетных или потерявших кормильца семей. Из документов более позднего времени следует, что Лука Субботин в дальнейшем проживал в Томске своим двором[58].

О воспитании детей в семьях сибиряков известно ничтожно мало. Есть все основания полагать, что воспитание в семьях горожан среднего достатка, а тем более малообеспеченных было трудовым.

Напомним, что сибиряки росли в среде, чуждой этническим предрассудкам. Например, в доме у нарымского воеводы И. Скобельцына жила «новокрещенка», по-видимому остячка, Анна Еремиха. Она была мамкой его детей. У рядовых горожан и тем более жителей уезда, на заимках которых жили со своими детьми и работали дворовые из числа коренных народов Сибири, ни о каком обособлении не могло быть и речи. Случалось, что «дворовых работников» покупали чуть ли не во младенческом возрасте, а потом усыновляли, и впоследствии они именовались вскормленниками. Росли эти дети рядом с хозяйскими сыновьями и дочерьми. По материалам переписи 1703 г., у томичей на их пашенных заимках проживало 154 дворовых работника из числа коренных народов Сибири. Около половины из них были в возрасте до 18 лет, треть — до 12 лет. Здесь не учтены члены семей дворовых людей[59]. Нельзя всерьез полагать, что малолетние «работники» несли ощутимую хозяйственную нагрузку. Практически они воспитывались вместе с детьми своих хозяев.

При постоянной занятости по службе и длительных отлучках служилых домашняя работа и воспитание детей ложились на плечи женщин. Поэтому следует особо остановиться на их роли в жизни семьи и общества в целом. Материалы по этому вопросу отыскиваются по крупицам в разного рода документах, и обнаруживается немало примеров, когда женщины играли отнюдь не подчиненную роль. В целом можно говорить об относительной самостоятельности сибирячек.

С. Б. Бахрушин, описывая конфликт между мангазейскими воеводами А. Палицыным и Г. Кокоревым, отметил, что жена мангазейского воеводы Г. Кокорева Мария Семеновна была женщиной незаурядной, пользовавшейся властью и огромным влиянием на мужа. Это влияние корыстолюбивой Марии Семеновны было столь велико, что приписывалось ведовству. По свидетельству врагов Г. Кокорева, последний все делал по наущению своей жены: «...и государевых людей велит побивать Григорию жена его Марья». Мангазейский поп Степан говорил про Марию Семеновну: «...что де захочет, то сделает, хотя от висилицы отоймет». Известно, что по прошению жены Кокорев освобождал из заточения узников. Торговые, служилые и жилецкие люди несли к жене воеводы «последние свои животишки» в надежде на заступничество, «а в съезжую избу не смели и итти не упрося у Григорьевой жены». У окон Марии Семеновны разыгрывались драматические сцены, когда просительницы «беспристанно вопили», прося заступничества. Здесь же, у окна, Марья Кокорева била кнутом провинившихся женок. Мария Семеновна имела свой двор, подобный мужниному, где строго соблюдала заведенный церемониал. Под угрозой расправы жена Кокорева запрещала посадским женам ходить к жене недруга своего мужа А. Палицына. В челобитной на Кокорева прямо указывается, что Мария Семеновна побуждала своего мужа к воинным действиям, посылала самоедским женщинам подарки, чтобы настроить «самоядь» против А. Палицына.

По этому поводу С. В. Бахрушин замечает, что свободное обращение с мужчинами, вмешательство в дела управления, заметная роль в событиях, разыгравшихся в Мангазее,— словом, вся деятельность М. С. Кокоревой коренным образом нарушает наше привычное представление о русской женщине XVII в. как о затворнице в тереме[60].

Была ли Марья Кокорева исключением? Видимо, нет. Конечно, было бы слишком смело утверждать, что женщины являлись активными участницами общественной жизни. Тем не менее множество примеров показывает, что так же неверно представлять женщину XVII в. не выходящей за пределы усадьбы и не имеющей веского слова. В 40-х гг. XVII в. в Нарыме велось следственное дело, из материалов которого вырисовывается облик жены воеводы И. Скобельцына Прасковьи. Практически во всех неблаговидных делах нарымский воевода обвинялся вместе со своей женой: «...и все тое лисицы имал себе Иван Скобельцын и жена его в поминки и за долги...» Воевода «завел корчму немерную, сам и жена его учали вино продавать мешаючи с поливами пивными...». А саму Прасковью Скобельцыну обвиняли в колдовстве[61]. В Томске во время событий 1647—1648 гг. челобитчики рядом с именем воеводы О. Щербатыва упоминали его жену Аграфену[62]. Подобные примеры можно было бы легко продолжить, так что жена Г. Кокорева представляется не исключением из строгих правил, а всего лишь наиболее активной и властной помощницей своего мужа. Вполне вероятно, что на внутрисемейные отношения сибиряков определенным образом влияло присутствие ссыльных иноземцев. Известно, что вместе с семьей в Кузнецк был сослан «литвин» Андрей Бернадский. Он отказывался являться по требованию воеводы в съезжую избу без жены и дочери. Когда же воевода силой велел привести А. Бернадского одного, то жена и дочь ссыльного литвина «...от съезжей избы идучи великим шумом... и всякою позорною бранью и угрожают (воеводе.— *А. Л.*) всякими дурнами делами»[63].

Однако оставим в стороне воеводские нравы и вернемся к среде горожан различных социальных слоев.

В Томске определенным общественным положением пользовалась вдова конного казака, зажиточного торговца и предпринимателя Терентия Серединина Домна Ивановна. После смерти мужа она осталась наследницей обширных сельскохозяйственных угодий, рыбных тоней и двух мельниц. Кроме дома в крайних улицах по р. Ушайке у нее была пашенная заимка с двором и «со всяким строением», где жили дворовые работники. На берегу Чулыма у Середининой была другая заимка, также обслуживавшаяся дворовыми людьми. Всем недвижимым имуществом Домна Ивановна владела совместно с братьями мужа, причем доля ее участия не всегда оговаривалась четко. В ходе переписи 1703 г. возник конф-

ликт. Домна Ивановна «у переписного стола спорила», обвиняя деверя в присвоении им владений покойного брата. Вдова Т. Серединина могла постоять за себя перед администрацией ради интересов своего девятилетнего сына[64].

Источники отражают немало случаев, когда вдовы самостоятельно вели дела и в сельском хозяйстве, и в торговле, и в промыслах. Удельный вес вдовьих дворовладений был в общей массе невелик. К 1705 г. по Томску их насчитывалось чуть более 7 %. Примерно столько же вдовьих усадеб в процентном отношении обнаруживается в 1703 г. и в уезде[65]. Остановимся подробнее на описании отдельных вдовьих хозяйств.

Вдова томского конного казака Леонтия Воронина Дарья Осиповна на своей пашенной заимке с помощью наемных работников распахивала 6 дес. в поле, «в дву потому ж», и заготавливала по 150 копен сена. Учитывая малый состав семьи Ворониной, надо полагать, что излишки сельскохозяйственных продуктов (а они, конечно, были значительными с такой обширной пашни) Дарья Осиповна реализовывала[66].

Вдова промышленного человека Ивана Семенова Шурока, по данным томской таможенной книги «являла продати 12 кож дубленых яловиц своего дела», т.е., потеряв мужа, не оставила начатого им промысла и сама занималась сбытом готовой продукции[67]. Вдовы продавали и покупали дворы, различного рода недвижимость и всевозможные товары. Так, вдова томича Григория Дорохова Федора Давыдовна продала новый рубленный амбар, а вдова томича Андрея Аркашева Арина Семеновна продала свою усадьбу у Томи и купила двор за Ушайкой, по соседству с двором также вдовы Анны Макаровны Поломошной. Вероятно, их связывали родственные отношения, но могла сказаться и близость этого района к женскому монастырю[68]. Малообеспеченные вдовы жили более скромными интересами, но, тем не менее, устраивались в жизни так, что обретали некую самостоятельность. Надо заметить, что во всех сибирских городах при соборных церквях были так называемые «просвирки»— женщины, которые регулярно пекли просвиры, получая за работу по 1 руб. в год. Это занятие было исключительно привилегией вдов[69].

Рассмотрение имущественной стороны семейно-брачных отношений с точки зрения полномочий женщин в праве собственности позволяет не только проследить некоторые стороны имущественных прав женщин, но и

выявить взаимосвязь правового мышления с социальными и экономическими факторами[70]. К сожалению, выявление таких факторов ограничено сведениями источников. Известно, что тобольский казачий сын поступился за свой долг вместе с тещей половиной усадьбы, т. е. теща В. Горохова имела на эту усадьбу такие же права, как и он сам[71].

Незамужние дочери в семьях могли наследовать по завещанию равную с братьями часть имущества. Примером этому является семья томичей Губиных. После смерти отца, Елизария Губина, одного из самых зажиточных горожан, дети Е. Губина Федор и Василий со своей сестрой, девицей Маланьей Елизаровой, в равной степени унаследовали отцовскую усадьбу, которую затем продали за весьма значительную сумму (25 руб.) вдове конного казака Марии Степановне Капканщиковой[72].

Из судебных документов XVII в. видно, что жены томичей, вдовы и незамужние женщины часто обращались к администрации, ища защиты против своих обидчиков. При этом подчас встречаются довольно курьезные ситуации. К сожалению, нет материалов, по которым можно было бы проследить подобные разбирательства от начала до конца и выявить принятые администрацией меры. В ходе изучения описей судных дел создается впечатление, что большинство из них так и оставались нерешенными. Однако сам факт многочисленных обращений женщин в судебные инстанции говорит об определенной социальной позиции женщины. В качестве типичного примера можно привести иск казачьей вдовы Ульяницы на пешего казака Фомку Коломника, который обвинялся «в бою и бесчестье»[73]. Вдова Аксиньица, Митрофанова дочь, подала жалобу на «иноземца» Якова Бранцева, «бесчестившего» (обругавшего) ее. Вдова Ульяница предъявляла иск пятидесятнику конных казаков Федору Свиридову «с товарищи» в том, что ей не вернули 25 алтын[74]. Как видим, сибирячки активно настаивали на уважении своей чести и достоинства, а также имущественных прав. Нередко они являлись участницами уличных сцен, встревали в различного рода события. Так, во время событий 1648 г. в Томске представители оппозиции напали на сторонника воеводы О. Щербатова попа Сидора. На выручку попу прибежали попадья с дочерью, которым также досталось от служилых людей[75]. Горожанки XVII в. никоим образом не соглашались оставаться за пределами жизни города. Бы-

ли случаи, когда женщины затевали драки и ссоры, фиксируемые в документах судного стола. Во время одной из таких драк жена казака Ивана Веригина «поколола» жену литвина Татьянку[76].

Судебные материалы, несомненно, дают некоторое представление о тогдашних нравах. Немало страниц таких документов посвящено фиксации так называемых «блудных дел». Все они сводятся приблизительно к одной и той же формуле: «привод сына боярского Филиппа Болтовского в блудном деле с женкою Федоркою»[77]. Иногда родственники, братья подавали изветы на сбившуюся с пути сестру[78].

В материалах судного стола существовали и записи о побегах жен от мужей. Примером может служить дело о том, «как от пешего казака Гришки Васильева бегала жена». По прочтении таких документов создается впечатление, что подобного рода ситуации никого особенно не шокировали и администрация не спешила доводить их до какого-либо решения. Дело о побеге жены Г. Васильева в течение ряда лет оставалось «невершенным»[79]. В Томске среди «воровских женок» из притона ссыльного Г. Подреза оказались две тоболянки, убежавшие от своих мужей и убежавшая же томская государственная крестьянка[80].

Перечисление вышеописанных фактов не преследует цель показать распущенность нравов сибирского города. Все они не являлись нормой и осуждались обществом. Однако реальная жизнь вырисовывается далекой от установок «Домостроя». В конечном итоге это накладывало отпечаток и на внутрисемейные отношения, и на положение женщины в общественной жизни. Жены служилых людей, помимо выполнения домашних, внутрисемейных обязанностей, жили неразделимой с городом жизнью — принимали участие в производстве, обсуждали возникшие в городе события, а иной раз и сами принимали в них участие, ходили в гости — и не только к женщинам — и сами принимали гостей. Известно, что нарымский подьячий Афанасий позвал к себе на именины «прожиточных людей казатских жен». Нарымский же воевода И. Скобельцын при большом стечении гостей «справлял» именины одной из пяти своих дочерей — Мавры[81].

Определенной свободой, по-видимому, пользовалась женщина и при выборе мужа. Примеры этому можно отыскать даже в более консервативной крестьянской среде. Когда дочь пашенного крестьянина Аграфену

Холдину выдали замуж за бедняка, окружающие советовали ей убежать от мужа, обещая свое содействие. Жена казака Алексея Тихонова, убежденная, что Аграфену выдали замуж «не к месту», сетовала на то, что Аграфена не укрылась у нее: «Для чего... не прибежала, она б ее упрятала»[82]. Такие случаи укрывательства от неугодного замужества, видимо, бытовали, вызывая скорее не протест и осуждение, а сочувствие.

Впоследствии, с установлением более строгой феодальной регламентации в сибирском городе и ограничений, контролируемых общинами в крестьянской среде, ситуация менялась. В процессе социализации и инкультурации представления о должном и недолжном, допустимом и запретном, полезном и вредном и т. п. так или иначе усваивались индивидом. Эти представления внушались и поддерживались социальной средой[83]. В конечном счете Сибирь как вновь осваиваемый край все более теряла специфику, свойственную колонизуемому региону с присущими ему вольностями вследствие меньшей регламентации всех сторон жизни, и все более подчинялась правовым нормам, характерным для государства в целом.

Следует остановиться на таком вопросе, как семейные традиции и трансляция информации от поколения к поколению. При составлении именных книг служилые люди подробно указывали в своих «сказках» места, откуда пришли в Сибирь их предки, а иногда и род занятий или послужной список своих отцов и дедов. Например, конный казак Андрей Соломатов вспоминал, что дед его родом из Соли Камской, конный казак Михаил Томашев рассказывал в своей сказке, что дед его, поляк, попал в Сибирь, где и поверстался в Томске в конную службу. Петр Коломнил считал своего деда выходцем из Москвы.

Томский сын боярский Иван Петров подробно описывал службу своего покойного отца: «...служил по Томскому пятидесятинскую службу и в ясаулах лет с сорок... в киргизской земле и в походе с Яковым Тухачевским убит»[84].

В 1707 г. томский сын боярский Андрей Былин подал в Сибирский приказ челобитную с просьбой вернуть ему панцырь деда, Василия Былина, который тот получил за ратные заслуги[85].

Существование семейных традиций, передача памяти от поколения к поколению способствовали формированию самосознания сибирских старожилов.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

ЗАНЯТИЯ ГОРОЖАН

Для определения характера поселения основным признаком служит соотношение занятий его жителей. Города часто возникают на месте сельскохозяйственного поселения, когда среди его населения начинают преобладать ремесленники и торговцы. В Сибири процесс становления городов был иным. Здесь город, как таковой, зачастую возникал на месте военно-административного центра.

Занятия ремеслами и торговлей и сельскохозяйственная деятельность взаимно не исключали друг друга. Еще с середины прошлого века русские города противопоставлялись западно-европейским, в которых якобы отсутствовало или не имело существенного значения сельскохозяйственное производство. Между тем работы последних лет показали, что западно-европейские горожане не чуждались земледелия. Поселения, из которых состоял Париж, еще в XIV в. носили сельскохозяйственный отпечаток[1]. Покинув деревню и переселившись в город, крестьянин не желал, да и не имел возможности окончательно порвать с привычным ему делом. Непременным признаком городов раннего средневековья было наличие общих выгонов, лесных угодий и пахотной земли. В некоторых случаях сельскохозяйственные угодья располагались в черте самого города. Так, по словам современника, «Майнц был частью заселен, а частью засеян»[2]. Постоянная зависимость горожанина от ремесленного производства и сбыта продукции, от подвоза продовольствия обусловливала необходимость подсобных земледельческих занятий, дающих уверенность в завтрашнем дне. Сельскохозяйственная деятельность была для горожанина существенным подспорьем. Ф. Энгельс отмечал, что ремесленник средневекового города — «до известной степени крестьянин»[3]. На определенном этапе сельское хозяйство в городских условиях становилось разновидностью промыслов[4].

Жители русских феодальных городов также были в известной мере земледельцами. Со временем в европейской части страны городское хлебопашество сокращалось, а огородничество, садоводство и скотоводство, напротив, не только прогрессировали, но и приобретали товарный характер[5].

Наличие городского хлебопашества вовсе не свидетельствует об уклонении города от развития в направлении торгово-промышленного центра. Города Сибири, вынужденные формироваться ускоренными темпами, непременно проходили через эту стадию. Что же до городов, которые в XVII в. называли «непашенными», то они, как правило, так и не развились до уровня торгово-промышленных центров[6]. Сельское хозяйство было первичным и необходимым элементом социально-экономической структуры, над которым и в связи с которым могли развиваться и другие отрасли, превращающие поселение в торгово-промышленный центр округи. Наиболее наглядно эта стадия проявилась в первой половине XVII в. в городах Юго-Западной Сибири, прежде всего в Тюмени.

В 1624 г. Тюмень являлась центром довольно значительного по тогдашним сибирским масштабам хлебопашеского района. Из 520 служилых, посадских крестьян и ямщиков, составлявших население города, 358 чел., или 70 %, имели пашни. Горожане основали десятки деревень в округе. В этот период сосредоточение основных усилий горожан на земледелии проявилось в производстве товарной сельскохозяйственной продукции и как следствие — в слабом участии их в других торгово-промышленных сферах экономики города. Тюменская городская пашня производила хлеба намного больше, чем требовалось населению, и была ориентирована в основном на рынок. Крупнейшим контрагентом тюменского хлеба выступала казна. В таможенных документах отражены значительные ежегодные казенные закупки зерна у тюменцев. Кроме государства хлеб закупали торговые люди и промышленники[7]. Подобные процессы в менее ярко выраженной форме наблюдались и в других сибирских городах.

Основой существования Томска уже в первой половине XVII в. становится земледелие, и не только потребительское, но и связанное с рынком. Согласно таможенным документам, уже в середине 20-х гг. в Томске сложился небольшой хлебный рынок, где продавцами выступали представители самых разных слоев первопоселенцев[8]. Местный хлеб покупали промышленные и торговые люди. Земледелие являлось определенной гарантией существования горожан. Это вынуждало их заводить пашенные заимки и организовывать деревни. В 1703 г., по данным Н. Ф. Емельянова, томичи владели 235 пашенными заимками, обрабатывали 1341 дес. и

заготавливали до 21 тыс. копен сена. Во дворах (в среднем) имелось по 5—6 голов скота. С 1700 по 1703 г., т. е. за три года, в занятия хлебопашеством включилась 41 томская семья[9]. На наш взгляд, эти показатели даже несколько занижены, так как, во-первых, документы не всегда отражали реальную жизнь, тем более что желающие уклониться от уплаты налогов всегда находились, а во-вторых, при имевшем место складничестве на основе родственных или иных отношений учет людей, вовлеченных в сельское хозяйство, затруднителен.

Тюмень и Томск достаточно показательны для рассмотрения значения сельскохозяйственного сектора в жизни сибирских городов XVII в. Если Тюмень, располагавшаяся на плодороднейших в Сибири землях, стала первым очагом земледелия в этом регионе, то в Томске земледелие стало преобладающим занятием несколько позже. В первые десятилетия своего существования Томск развивался более как военно-административный и промыслово-торговый центр, где кроме казаков сосредотачивались промышленники и торговцы пушниной[10].

В Западной Сибири были и такие города, где земледелие так и не получило заметного развития. К ним можно причислить расположенную на севере Мангазею, которая существовала преимущественно как пункт реализации пушнины. Имелись «непашенные» города и в более южных регионах. Так, в Таре в 1641 г. из 200 чел. податных насчитывалось всего 19 пашенных крестьян, а в 1686 г. их осталось 2. Само по себе это еще не показатель, пашню в сибирских городах держали и служилые люди, и представители других категорий населения. Между тем в документах XVII в. не раз упомянуты «худые» тарские пашни. Тому были свои причины. Географическое положение Тары делало ее военно-административным центром, играющим важную роль в становлении системы верхнеиртышских крепостей, опорным пунктом на южных рубежах Сибири. Жители города постоянно, на протяжении века, вели с «калмаками» торговлю лошадьми и рогатым скотом. Близость границы не позволяла активно развивать сельское хозяйство, хотя отрасли, базирующиеся на животноводческом сырье, в Таре получили развитие[11]. Тарский уезд, наряду с северными Березовским, Сургутским, Пелымским, причислялся к непашенным районам[12].

Остановимся подробнее на наиболее типичных городах — аграрных центрах: Тюмени и Томске. Про-

цессы, происходящие в них, были во многом сходны, с той разницей, что в Тюмени они проявились много раньше, к началу XVII в., а в Томске лишь к концу столетия, с учетом изменений, происшедших за это время в политической и экономической жизни региона.

Одним из определяющих факторов системы землепользования в районе Тюмени было многоземелье. В 1630 г. «новые ямские охотники» получили в окрестностях города 430 дес. никогда не бывшей в хозяйственном обороте земли. Не менее показательны многочисленные факты перехода с «выпаханных», но еще вполне пригодных для использования земель на новые, никем не занятые[13]. Многоземелье тормозило переход к правильным севооборотам. В первой половине XVII в. в окрестностях Тюмени господствующей системой земледелия была переложная. По данным источников середины столетия, земельный участок под Тюменью состоял из двух частей: распашной и залежной. Распашные земли, в свою очередь, делились на озимое и яровое поля. Парам в этой системе места не оставалось. Продуктивными ежегодно были не две трети пашни, как при трехполье, а вся пашня. К 40-м гг. подгородняя тюменская десятинная пашня была переведена на трехпольный севооборот: лучшие земли у города были уже разобраны и для повышения плодородия почвы приходилось улучшать культуру земледелия. На частновладельческих участках в это время проблема урожайности решалась проще — переходом на новые земли. Урожайность в районе Тюмени в первой половине XVII в. для основного вида зерновых — ржи — составляла 65—70 пуд. Во второй половине столетия хлебопашество явилось основой для функционирования в Тюмени торгового капитала. В то же время земледелие превращалось в источник сырья для промышленности[14].

Поселяясь в Сибири, многие служилые сразу закрепляли за собой сельскохозяйственные угодья и заводили пашни, покосы, выпасы для скота. Случалось при этом, что «скотные выпуски» были общими, особенно у горожан, тогда как пахотные земли, как правило, находились в индивидуальном пользовании. В Тюменском и Тарском уездах дозорные книги отмечают сенные покосы, общие для отдельных категорий служилых людей, которые со временем оказались в индивидуальном пользовании. По обеспеченности пашней и различными видами угодий почти во всех уездах на общем фоне вы-

деляются лишь представители служилой верхушки. Хозяйства конных казаков обычно были несколько крупнее, чем у пеших. Число служилых, имевших запашки в гарнизонах Верхотурско-Тобольского земледельческого района, на протяжении XVII в. имело тенденцию к росту[15].

В столице Сибири — Тобольске — в результате развития производительных сил и углубления общественного разделения труда среди посадского населения вдвое сократился удельный вес лиц, занимающихся земледелием. Успехи местного сибирского хлебопашества и достаточно развитое производство хлеба позволили городскому посадскому населению заняться торгово-промышленной деятельностью, получая необходимые продукты питания у уездных крестьян в обмен на изделия своего ремесла. Успехи, достигнутые сельскохозяйственной отраслью, меняли социальную структуру сибирского города. Тем не менее это не означало разрыва городского населения с земледелием. И среди служилого, и среди посадского люда велико было число жителей, совмещавших основные свои занятия с обработкой пашни и животноводством. Это характерно и для Томска, где развитие сельскохозяйственного производства началось позже, чем в Тобольско-Тюменском регионе. В определенной степени этому способствовало отвлечение населения на добычу и перекупку пушнины, приносившей огромные прибыли.

Томско-Кузнецкий регион был менее плотно заселен. Если для тобольской и тюменской округи было характерно наличие слобод и деревень, то томичи преимущественно владели пашенными заимками (что не исключало ни в коей мере образования деревень, сел и их дальнейшего развития).

Томичи — служилые и посадские люди, представители военной и гражданской администрации, духовенство,— проживая в городе, располагали пахотными и сенными угодьями. При этом заимки могли находиться иногда на довольно значительном расстоянии от города. В ряде случаев заимки использовались лишь для заготовки кормов для скота. Владельцы же значительных пахотных угодий и сенокосов должны были использовать труд дворовых или наемных работников.

Таким образом, к концу XVII в. в Томске происходили те же процессы, что и в городах Тобольско-Тюменского региона: концентрация пахотных земель с

целью создания товарного хозяйства и некоторое сокращение личных запашек горожан ввиду увеличения количества хлеба на рынке. При этом определенная часть горожан, не находя себе применения в городе, переселялась в уезд, становилась крестьянами (особенно в начале XVIII в.). Что касается животноводства, то «поскотинные выпуски» и «луговые места» практически имели все горожане либо в коллективном, либо в индивидуальном пользовании.

Так, томский бронник А. Скворцов в 1705 г. жил в Томске «под горой в посаде». Пашенная его заимка находилась в районе Сосновского стана на р. Томи (10 дес. «в поле, в двух потому ж»). Пашни он не пахал, а косил на своих угодьях ежегодно по 150 копен сена. Заимкой бронник владел совместно с конным казаком Т. Приезживым[16].

Томский сын боярский Иван Серединин к 1703 г. имел пять пашенных заимок. Основные угодья Серединина были расположены в двух природно-географических зонах — в бассейне р. Чулым и в районе впадения Томи в Обь. Местность вблизи устья Томи начала осваиваться гораздо раньше, чем Причулымье. Серединин владел сельскохозяйственными угодьями общей площадью не менее 2 тыс. дес., из которых распахивался только 1 %. Сена заготавливал до 1150 копен в год. Кроме того, Серединин имел «скотинные выпуски» и «луговые места». Его «владения» были прямо ориентированы на развитие животноводства»[17].

Представитель администрации, подьячий томской приказной избы Антон Колесников имел пашенные угодья около Запоросского Стана по р. Поросу. У Колесникова была большая семья, включавшая женатого сына, поверстанного в конные казаки, который, как и отец, постоянно жил в городе. На заимках «хозяйничали» дворовые работники. Колесниковы распахивали на заимках по 3 десятины, «в поле дву потому ж», кормов заготавливали по 100 копен сена[18].

Эти примеры показывают отношение к земле представителя администрации — подьячего, зажиточного представителя служилой верхушки и состоящего на государственной службе бронника. Подобным же образом складывалось отношение к сельскому хозяйству и в среде конного казачества — т. е. заимки были подспорьем или источником прибыли (как у Середнинных). Несколько иную картину дают низшие слои казачества —

пешие служилые люди и особенно неверстанные «казачьи дети». Большинство из них действительно проживали в деревнях и на заимках, не имея возможности использовать наемный труд или труд холопов. При сопоставлении данных переписной книги пашенных угодий и книги, где фиксировались городские дворы, видно, что пешие казаки обычно не имели дворов в Томске. Если сравнить общее количество использованной земли, то получается, что, хотя конные казаки в массе были более зажиточными, по количеству используемой пахотной земли и сенокосов они мало отличались от пеших служилых. В среднем на один двор (заимку) у конных казаков приходилось 3,7 дес. в поле и по 162 копны сена, у пеших же — по 2,9 дес. и по 120,7 копны. На пашенную заимку детей боярских и конных казаков иноземного списка в среднем приходилось по 3,1 дес. и по 155,4 копны сена. У представителей гражданской администрации эти цифры соотносятся как 0,8 дес. и 107 копен[19].

Из данных табл. 3 видно, что наиболее интенсивно использовали свои пашенные угодья конные казаки. Надо отметить, что материальное положение конных казаков было наиболее устойчиво. Для пеших казаков и тем более казачьих детей нередки случаи, когда представители этой части населения «кормились работой». Несмотря на более низкие средние показатели в использовании земель, именно пешие казаки и казачьи дети в большей степени были оторваны от города и жили с семьями на своих заимках. Конечно, их сельскохозяйственные угодья не могли соперничать с крупными товарными хозяйствами, использующими принудительный или наемный труд, но по степени занятости сельским хозяйством представители этой категории, несомненно, были ближе к земле.

О малоземелье казачьих детей можно судить по некоторым данным из источника 1703 г. На своей заимке, расположенной в дер. Аркашевой, казачий сын Семен Толмачев пахал 1 дес. в поле, в «дву потому ж», кормов заготовлял по 50 копен. Землей он владел по крепости совместно с гулящим человеком Михаилом Перфильевым. Казачий сын Михайло Петлин жил «своим двором» в дер. Першиной «по полюбовному договору с той деревни жителями». Он не обрабатывал пашню, сена заготовлял на «наемных» лугах до 50 копен. Кормился М. Петлин «работою» т. е. занимался каким-то промыслом или ремеслом[20].

Таблица 3*

Обеспечение томских служилых людей пашенными землями и сенными покосами (по данным 1703 г.)

Группа служилого населения	Общее кол-во данмок	Использованная пахотная земля (на 1 данмку влад.), дес.	Кол-во копен сена (на 1 данмку)
Гражданская администрация	8	0,8	107
Дети боярские и «иноземный список»	82	3,1	155
Конные казаки	208	3,7	162
Пешие казаки	280	2,9	120
Казачьи дети	442	1,6	81,2

* ЦГАДА, СП, кн. 1371 (подсчет наш).

Развитие сельского хозяйства создавало предпосылки для промышленных отраслей производства, базирующихся на его сырье. К таким отраслям можно отнести в первую очередь мукомольное дело, винокурение. На животноводческом сырье возникали кожевенное производство, мыловарение, свечной промысел и др.

Формирование промышленного потенциала в Сибири происходило на протяжении всего XVII в., и особенно во второй его половине, когда в городах для этого возникли определенные экономические и социальные предпосылки. Одной из таких предпосылок было создание местного земледелия и животноводства, другой — постепенное оскудение пушных ресурсов. Часть занятых в пушном промысле людей высвободилась для торгово-промышленной деятельности, куда пошли и средства, накопленные в результате перепродажи пушнины. Капиталы теперь вкладывались в развитие отраслей производства.

Среди переселенцев в Сибирь было немало ремесленников или выходцев из торгово-ремесленных семей европейской части страны. В Тобольске, Томске и других городах ремеслами занимались уроженцы Тотьмы, Устюга, Костромы, Новгорода, Москвы. (Перечень мест выхода можно значительно расширить на основе прямых указаний источников, а также исходя из фамилий и прозвищ[21].) Колонизация Сибири приводила к воспроизведению в крае в основных чертах северорусского типа хозяйства и социальной структуры. Несмотря на закрепостительные тенденции, тяглое население отстояло возможный максимум личной свободы, что выражалось в праве передвижения и даже изменения сословного статуса с условием сдачи тягла. Служилые люди, составля-

ющие в течение почти всего рассматриваемого периода большинство русского населения Сибири, распоряжались собой и своей землей еще свободнее. Налицо были необходимые условия для экономического и социального развития края.

Первый этап освоения Сибири проходил в рамках промысловой колонизации. Сразу же вслед за промысловой началась аграрная колонизация, составлявшая на протяжении всего периода важнейший фактор освоения Сибири. Промышленность шла вслед за пашней[22]. Попытаемся осветить некоторые отрасли промышленности, наиболее характерные и значимые для большинства западно-сибирских городов.

Мукомольная промышленность могла функционировать только на основе развитого земледелия. Вряд ли ее можно отнести в полной мере к городским отраслям производства, так как, хотя и владели частными мельницами преимущественно горожане, все же мельницы находились за пределами города. Впрочем, в городах действовали государственные, казенные мельницы. В Тюмени в начале XVII в. крупнейшую мельницу держали посадские люди. В Томске в черте города работала государева мельница, остальные 94 (в том числе 3 монастырские) находились в уезде. Тем не менее они принадлежали в своем большинстве горожанам, а более половины (60 %) — служилым людям. На некоторых мельницах использовался наемный труд. По сравнению с Тобольским уездом и Западным Уралом томское мукомольное производство представляется довольно слабо развитым. В Тобольском уезде в конце XVII в. насчитывалось 975 мельниц, в Кунгуре в 1702 г.— 102 мельницы. С Восточной Сибирью находим больше сходства. По количеству мельниц и их производительности мукомольный промысел Томска соответствовал состоянию мукомольного дела в Илимском крае. Работали на мельницах в большинстве случаев или сами хозяева, или дворовые. Мельницы, на которых использовался наемный труд, принадлежали привилегированному сословию или зажиточным горожанам[23].

Томскую казенную мельницу обслуживали мельники, состоящие на государевом жаловании. Производительность этой мельницы приближалась к производительности частной мельницы, принадлежащей сыну боярскому Андрею Степному, и составляла до 3000 пуд. в год. Однако, судя по собираемой плате, качество помола на казенной мельнице было выше[24].

К отраслям, непосредственно примыкающим к мукомольному производству, можно отнести изготовление пряников, калачей, хлеба. В Тобольске и в XVII, и в начале XVII в. постоянно находились люди, занимавшиеся изготовлением этих продуктов, а также кваса. Характер производства подразумевал, что занятые в пищевых отраслях промышленности были мелкими товаропроизводителями. Изделия своего «промысла» они продавали «на полках около гостиного двора». Спрос на эту продукцию всегда был большим, ведь кроме местных жителей в Тобольске обреталось множество пришлого люда. О количестве изготовлявшегося в Тобольске кваса можно судить по такому курьезному факту: в 1677 г. во время пожара церковь и городскую башню «залили квасом», спасая от огня[25].

Расходные документы Верхотурья в 20-х гг. XVII в. упоминают пивовара Ф. Прянишникова, сама фамилия которого свидетельствует о роде его занятий. Были пирожники, квасники и в Томске. Думается, их можно отыскать в документах и других городов Западной Сибири, где действовал рынок и были условия для развития товарного производства[26].

В Томске такие условия имелись, причем дополнительный спрос обеспечивали почти постоянно находящиеся в городе посольские делегации, представители дальних ясачных волостей, торговцы из самых разных уголков России, Сибири и Средней Азии. Прибывшим в Томск посланцам из казны постоянно выдавались деньги на покупку хлеба и калачей. Поэтому не случайно тобольяк Лука Аверкиев (по определению источника — пирожник) купил в Томске харчевенную избу, хотя семья его оставалась в это время в Тобольске. По всей видимости, держать «харчевенную избу» в Томске было прибыльно[27].

Кожевенная промышленность была наиболее развитой. В городах, в условиях рыночного хозяйства, кожевенное производство быстро переросло в ремесло. В 20-е гг. XVII в. оно выделилось в особую отрасль хозяйства в Тобольске, с середины 30-х гг.— в Тюмени, а затем в ремесленной и мелкотоварной форме распространилось практически по всем городам Сибири, кроме, пожалуй, самых отдаленных. Уже с середины века в Тобольске, Тюмени, Енисейске, Томске кожевенное производство стало мелкотоварным: кожи продавались на рынке, там же приобреталось и сырье для их выделки — шкуры, соль, деготь, квасцы, сандал. Дубильные

вещества частично заготавливались самими кожевниками, а частично покупались. В городских кожевенных мастерских в XVII в. в год изготавливалось до 100 и более кож. В начале XVIII в. в Сибири сформировались крупные предприятия, производящие на рынок до 1000 и более кож ежегодно. Рядовым кожевенным товаром Сибирь к XVIII столетию обеспечивала себя полностью[28].

В 1703 г. в Тобольске насчитывалось 43 городских кожевника. В Томске в 1686/87 г. только по неполным данным одной таможенной книги зафиксировано 16 ремесленников, продававших «кожи своего дела», в Тюмени — 38. Есть все основания полагать, что на самом деле кожевников в Томске было гораздо больше. По архивным материалам можно проследить преемственность в кожевенном производстве, отдельные семьи из поколения в поколение преуспевали в этом занятии[29].

На базе широко распространенного и технологически развитого кожевенного производства выделилась такая отрасль, как выделка кож и шитье кожаной обуви. Сапожный, чеботной, чарошный, котовый (по названиям видов обуви) промыслы существовали в каждом сибирском городе. Сибиряки в массе своей носили обувь местного производства. На первой стадии развития кожевенного производства было еще довольно сложно отличить кожевника от сапожника, очень часто эти профессии совмещались. Затем наметилась определенная специализация. Уже в 1624 г. в Тобольске насчитывалось семь сапожников. Их количество на протяжении всего XVII в. увеличивалось и к 1720 г. достигло 90 чел. В Тюмени и Тюменском уезде к 1701 г. было 60 ремесленников, занимающихся изготовлением обуви. То же, возможно в менее выраженной форме, можно отметить и в других западно-сибирских городах[30].

Мыловарение и изготовление свечей были генетически и организационно связаны с кожевенным производством, так как базировались на однородном сырье. Обычным явлением для XVII в. было совмещение таких профессий, как кожевник, мыльник, свечник. Позже, с развитием кожевенной промышленности, стали возникать крупные предприятия, где также выгодно стало сочетать отрасли производства, в которых использовалось одно и то же сырье. Центры переработки сала на мыло и свечи стали совпадать с центрами кожевенного производства. Численность мыловаров в сибирских городах была в общем незначительной, но занятие это для них стало постоянным, поддерживаемым постоянным спро-

сом на продукцию. Сибирские мыловары обеспечивали потребности края в мыле. То же самое можно сказать и о свечном промысле[31].

Деятельность томича Ивана Мыльника была тесно связана с рынком. Он платил «десятую деньгу» с доходов более чем в 100 руб. в год. И. Мыльник закупал значительные партии скота, посылал кожи и мыло своего производства в Кузнецкий острог. Его дело было поставлено на довольно широкую ногу и приносило немалые доходы, поэтому лавка И. Мыльника не раз являлась соблазном для местных грабителей[32].

В Сибири использовались как сальные, так и восковые свечи. Восковые или ввозились, или изготавливались из привозного сырья. Они использовались, как правило, для церковных нужд. Более широкое распространение получили сальные свечи, которые делались из местного сырья и служили для освещения как частных домов, так и казенных помещений. В Томске у горожан постоянно покупали сало на нужды приказной избы. В Тобольске таможенники покупали на базаре в розницу сальные свечи для освещения таможенной избы[33].

Изготовление свечей, как уже говорилось, являлось естественным продолжением и дополнением к хорошо организованным кожевенным и мыловаренным промыслам или занятиям, связанным с продажей мяса и сала. Однако существовали и мелкие ремесленники, работающие на заказ. Это были, как правило, служилые люди, и доход от ремесла составлял их приработок к государеву жалованью. Так, томский пеший казак Афанасий Барабанщик изготавливал сальные свечи для приказной избы. За свою «свечную работу» он получал полтину (в месяц)[34].

Переработка продуктов животноводства не ограничивалась перечисленными промыслами. В сибирских городах были свои маслоделы, изготовители конского снаряжения, шерстобиты, скорняки и т. п.[35]

Из наиболее экономически значимых отраслей промышленного производства следует выделить металлургию и металлообработку. Поиски и разработка железных руд в Сибири производились на протяжении всего XVII в. Начавшаяся во второй половине столетия выплавка железа из местных, сибирских руд вызвала сокращение поступлений его из европейской части России[36]. Тобольские кузнецы изготовляли косы, серпы, сошники, пищали, ядра и многие другие орудия и изделия из железа не только из привозного сырья, но и из мест-

ного, сибирского. Умели тоболяки и лить церковные колокола.

Среди представителей металлообрабатывающей отрасли следует выделить казенных кузнецов и бронников, а также часовщиков, которые состояли на государевом жалованье. Кроме того, в сибирских городах жили котельники, оловянишники, медники, серебряники, посудники, безменщики и др.[37]

В этих отраслях производства, требующих обучения и определенного мастерства,— а именно к таковым относятся ремесла, связанные с обработкой металлов,— существовала система ученичества. Любопытный документ 1706 г. свидетельствует о том, как сын томского сына боярского, шляхтича по происхождению, Александра Лункеева двадцатилетний Василий Александров Лункеев поступил учеником к котельнику Степану Шутову. В «жилой записи» было указано, что Василий Лункеев обязуется жить в доме у котельника «...впредь два года... и в те вышеписанные годы ему, Степану, меня, Василия, выучить своему котельному мастерству, чему он, Степан, сам горазд». Кроме этого, молодой Василий Лункеев обязывался «во всем его хозяина и жены его и детей слушаться и всякая домашняя работы работать». Василию Лункееву в 1706 г. шел двадцать первый год, кроме него в семье было еще 3 брата, причем старший был женат. Заниматься котельным промыслом считалось, видимо, достаточно престижным, по всей видимости, выгодным,— ведь Василий Лункеев являлся сыном представителя высшего слоя служилого сословия, к тому же основательно обеспеченного, владевшего пашенными и сенокосными угодьями по Черной речке[38].

Известно, что в Тюмени и Тюменском уезде к началу XVIII столетия насчитывалось 74 чел., занятых в металлообработке. Кузнецы столицы Сибири — Тобольска — никогда не сидели без работы: их буквально заваливали заказами администрация, духовенство, подгородные крестьяне, посадские и т. д. Перечень изготовляемых ими предметов был разнообразен — от сельскохозяйственных орудий до уполовников. Все самое необходимое производилось теперь местными мастерами.

В кузнечном промысле существовали преемственность и семейная кооперация. Нередко металлообработкой занимались братья и другие члены семьи. Предметы из металла в Сибири пользовались большим спросом. Как уже отмечалось выше, стоимость металлической посуды могла приравниваться к стоимости двора[39].

Говоря о развитии промыслов в Сибири, нельзя обойти вниманием деревообработку, начиная от плотницкого дела и кончая высокоспециализированными отраслями, которые тяготели в основном к городам. Это столешный, кадочный, оконичный, чановый, хомутный, токарный и другие промыслы[40]. На первом этапе освоения Сибири плотничали в основном выходцы из Поморья. Даже само прозвище вроде «карела» говорило о том, что носит его плотник: «...по прозвищу карелою, потому что он плотничает всякое дело»[41]. В дальнейшем плотники формировались из старожильческого населения. Строительство городов, частая их отстройка вследствие пожаров создавали спрос на строителей-горододельцев.

Важнейшей отраслью деревообработки в Сибири являлось судостроение. Ежегодно в бассейнах Оби и Енисея строилось до 100 и более крупных судов, не считая различного рода лодок. Речной транспорт обеспечивал оленные перевозки, обслуживал развивающийся рынок. Судовые плотники существовали почти во всех сибирских городах, причем судостроение являлось одним из тех немногих производств, которые не могли обойтись без кооперации труда[42]. В свою очередь, судостроение давало повод к существованию и развитию таких промыслов, как канатно-веревочный и смолокурный. Эти отрасли не требовали больших затрат на организацию, множества рабочих рук и концентрации капитала. Поэтому смолокурением и производством веревок и бечевы занимались иногда в дополнение к основным занятиям. В Томске этим промышляли служилые люди из рядов пешего и конного казачества.

Текстильная промышленность в Сибири была развита слабо. Производство грубых холстов являлось подсобным крестьянским промыслом. В городах грубые холсты вырабатывали на хозяйственные нужды горожан и городского хозяйства. В Томске, например, грубый холст шел на пошив мешков, необходимых, в частности, для отправки соболиной казны. Холсты закупали у местных производителей — пешего казака С. Халдеева и посадского человека Г. Микулина[43]. Грубые холсты шли на паруса для дощаников и другие нужды. Ткани же, используемые для одежды, по большей части были привозными.

Остановимся еще на одном ремесленном промысле — иконописании. В первой половине XVII в. потребность в иконах была в Сибири так велика, что немного-

численные местные иконописцы удовлетворить ее не могли. Города разрастались, отстраивались новые церкви и монастыри. Иконы были в каждом доме, причем иногда их было очень много. В 1606 г. туринские жители просили оставить у них в городе верхотурского иконника Б. Логинова, мотивируя просьбу тем, что «Верхотурский город к Руси ближе и иконников приходят... много»[44].

Иконописание, как правило, становилось семейным занятием. Так, после смерти тобольского иконника (присланного в свое время в Сибирь из Москвы) остались его сыновья, которые продолжали заниматься унаследованным от отца делом. К концу XVII столетия свои иконники были во многих сибирских городах. В Тобольске в 1698 г. их было два человека, в 1720 — пять человек. В Тюмени в 1701 г. также насчитывалось пять иконописцев[45].

Таким образом, практически все значимые отрасли русской промышленности получили большее или меньшее развитие в Сибири. В первую очередь это были те производства, которые обладали непосредственной потребительской ценностью. По своей владельческой принадлежности сибирская промышленность в подавляющей массе была представлена частной непривилегированной собственностью. Казенными в Сибири были лишь немногочисленные кузницы и мельницы.

По неполным данным, минимальную численность ремесленников в городах Западной Сибири можно определить к 1625—1627 гг. в 256 чел., в 1654—1656 гг.— в 440 чел., и уже к 1720 г. их было более 1,5 тыс.[46]

В разных городах контингент промышленников-предпринимателей и ремесленников формировался из представителей различных слоев населения. Если в таких городах, как Тобольск и Тюмень, основная доля промышленного производства сосредотачивалась в руках посадского населения, то для Томска, Кузнецка более характерным было участие в промышленном производстве служилых людей. Однако в XVIII в. уже наметилась тенденция к концентрации торгово-промышленного капитала в руках людей, практически порвавших со служилым сословием. Экономическое развитие Сибири органично вписывалось в ход исторического развития государства в целом.

Эксплуатацией природных ресурсов русские стали заниматься буквально с первых дней освоения края. До-

быча и реализация пушнины сулили громадные прибыли. Действовали специальные артели промышленных людей, главной целью которых был соболиный промысел. Организация добычи ценных мехов, «мягкой рухляди», как называли их в XVII в.,— тема отдельного исследования, поднимающая целый ряд проблем. Здесь же заметим, что жители сибирских городов с самого начала оказались теснейшим образом втянутыми в торговлю пушным товаром. Перекупкой мехов занимались в первой половине XVII в. практически все слои городского населения. Нередко горожане принимали и самое непосредственное участие в добыче пушнины. В организованных пушных промыслах главенствующую роль играли «промышленные люди» (артельщики), но нередко в промышленные партии входили и служилые. Например, в 1651—1652 гг. «ходили на промысел с промышленным человеком Андрюшкой Размахиным, да служилым человеком Ивашкой Ростовщиковым...»[47]. Промышленные люди сосредотачивались в сибирских городах; здесь они формировали свои артели, закупали необходимые для промысла продукты и снаряжение, способствуя этим развитию местного рынка. Впоследствии, в связи с оскудением пушных ресурсов, весь достаточно пестрый по социальному и этническому составу контингент добытчиков пушнины частично оседал в городах, пополняя число горожан.

Среди томских и кузнецких служилых выделилась группа казаков, систематически перекупавшая пушнину. Это способствовало накоплению капиталов и содействовало развитию торговли и промыслов, хотя на определенном этапе и отвлекало часть людских ресурсов от земледельческого и промышленного освоения края. Денежные средства, полученные от реализации ценных мехов, использовались в дальнейшем в других сферах производства и торговли. Не случайно наиболее оборотистые, связанные с рынком предприниматели сочетали производственную деятельность с торговлей мехами, приносившей большие барыши. Ведь нехватка капиталов была одним из тормозов на пути экономического развития сибирского города. Именно пушнина на первых порах восполняла эту нехватку. Семья томичей, торговцев среднего достатка служилых казаков Канаевых в середине столетия успешно перекупала «мягкую рухлядь», а затем, к концу века, была вынуждена переориентироваться на другие виды товаров: кожи, зерновые культуры. Известно, что томский мясник и кожев-

ник Шестак Ворсин в середине века занимался попутно и торговлей пушниной[48].

Представителями зажиточной торгово-промышленной семьи являлись томичи братья Серединины. Основоположник этой известной династии, коренной уже томич конный казак Иван Серединин, в середине XVII в. занимался перекупкой пушнины. Кроме того, он имел кожевенное дело. Впоследствии, оставаясь в рамках служилого сословия, Серединины продолжали заниматься торгово-промышленной деятельностью: закупали в больших количествах скот, добывали, обрабатывали и продавали рыбу, организовали судовой промысел, являлись владельцами значительных земельных угодий. У истоков этого одного из самых крупных к началу XVIII в. томских хозяйств стояла пушнина[49].

Природные ресурсы Сибири способствовали развитию рыболовства и деятельности, связанной с обработкой рыбы. Рыбный промысел был организован в широких масштабах и носил ярко выраженный товарный характер. При добыче рыбы русские с успехом использовали опыт коренного населения региона. Ранней весной рыбу ловили сетями, а когда вода начинала спадать, то при помощи заграждений и ловушек, ставными сетями. При обмелении рек начинался неводный лов. В зимнее время рыбу добывали из-подо льда. Ловили рыбу и «удами» с железным или костяным крючком, с помощью обыкновенного лука или остроги. В 1669 г. на Иртыше в виде десятой пошлины было собрано более 24 тыс. стерлядей и 14 тыс. осетров[50].

В Тобольске около пристани в нижнем городе было расположено «рыбное торжище»; торговали рыбой и на гостином дворе. Посетивший в 1666 г. Тобольск иностранец отмечал, что в городе имеется «замечательно большой рыбный базар, такого я не видел ни в одной стране... утром привозят 30, 40, 50 и больше телег и бочек, больших и маленьких, которые все полны только что пойманной и еще живой рыбой»[51].

Рыбу в Сибири сушили, солили, вялили, добывали из нее жир и икру. Рыбники имелись практически во всех городах. При описании земельных угодий томичей отмечено, что многие горожане и жители уезда имели рыбные тони как вблизи города, так и на значительном расстоянии от него. Иногда рыбные угодья примыкали к пашенным заимкам. Известно, что подьячий томской приказной избы Антон Колесников владел тремя рыбными тонями на Оби. Подьячий приказной избы Григорий

Лаврентьев также имел рыбные угодья на Оби, которыми владел совместно с племянником: «невод общий с племянником его, иноземного списку конным казаком Михайлом Лаврентьевым»[52].

Для примера нами не случайно выбраны подьячие. Это сугубо городские жители, повседневная деятельность которых была связана с приказной избой. Надо заметить, что обширными рыбными угодьями в большинстве своем владели представители администрации и высшего слоя служилых — дети боярские[53]. Места, выгодные для добычи рыбы, захватывались или приобретались иным путем при использовании служебного положения, добыча рыбы была делом прибыльным и приносило неизменный доход. Конечно, рядовые горожане также занимались добычей рыбы, только их промысел был несравненно меньших масштабов и осуществлялся без применения наемной или зависимой рабочей силы.

Толчком к бурному развитию сибирской торговли послужила организация пушных промыслов. Огромная разница в ценах на пушнину в Европе и за Уралом приносила баснословные прибыли. Столь же выгодной была и торговля так называемыми «русскими товарами». По сути, на первых порах это был обмен промышленных товаров, производимых в европейской части страны, на пушнину. Спрос на «русские товары», особенно на первых порах освоения края, был чрезвычайно велик. Их или обменивали на меха путем натурального обмена, чаще всего с самим добытчиком, или реализация «русских товаров» и закупка пушнины осуществлялись через приказчиков, иногда местных перекупщиков. В качестве таких перекупщиков выступали, как правило, определенные слои горожан. В Томске это были преимущественно служилые люди. Активное участие в перекупке товаров служилых людей объясняется прежде всего родом их основной деятельности — частые отлучки в ясачные волости, военные походы, посылки в города и остроги, в Москву давали возможность свободного перемещения (за государственный счет) и приобретения (иногда в обход закона) значительных партий товаров.

В той или иной мере почти все население сибирских городов было втянуто в товарно-денежные отношения. Таможенные документы отмечают постоянные купли-продажи среди различных категорий населения. Более того, при знакомстве с таможенными книгами поморских городов на их рынках обнаруживается значительное количество сибиряков с ходовым товаром — пушни-

ной. Томичи, например, продавали меха на рынках Устюга Великого, Соли-Вычегодской, Архангельска[54].

Развитие товарно-денежных отношений создавало условия для создания всероссийского рынка. Но немаловажно и то, что обширная география торговли формировала определенное мировоззрение и соответствующие стереотипы поведения. Все это способствовало расширению понятий и представлений о размерах Русского государства, его географии, народах, населявших его, и неизбежно приводило к взаимовлияниям в культуре, быте, традициях. Томского казака, проделавшего путь до Архангельска и обратно, вряд ли уже можно считать «забитым» сибиряком из «медвежьего угла». И далее — наличие постоянного контингента русского купечества и его агентов-приказчиков в сибирских городах способствовало расширению кругозора и культурного обмена горожан-сибиряков. Только за шесть отдельно взятых лет (1648/49, 1656/57, 1661/62, 1671/72, 1681/82, 1689/90 гг.) в Томске по таможенным документам зафиксирован 91 торговый человек из европейской части страны. И это без учета приказчиков, лавочных сидельцев и других агентов торгового капитала! Места их выхода — Поморье, центр России, Предуралье и др.[55] А в столичном Тобольске только за 1655/56 г. в пушной торговле принимали участие представители 18 российских и среднеазиатских городов, в 1669/70 г.— 32.

К концу века, когда добыча ценных сортов пушнины пошла на убыль, интенсивная торговля мехами продолжалась, изменился лишь ассортимент. На смену соболям и бобрам пришли белки, горностаи, красные лисицы, зайцы, сурки и т. п.

Торговля развивалась во всех городах Западной Сибири, и в той или иной степени в нее практически были вовлечены все горожане. Конечно же, каждый город имел свои особенности, свою номенклатуру товаров. Это зависело от географического положения, удобства торговых путей, местных ресурсов. Тобольск являлся крупным торгово-транзитным центром, был передаточным пунктом между европейской и азиатской частями внутреннего всероссийского рынка и в то же время связующим звеном внутреннего рынка с внешним. Здесь осуществлялась посредническая торговля со Средней Азией, Джунгарией, европейской частью страны, с сибирскими городами. Все больше становилось на тобольском рынке и местных товаров[56].

«Если есть в Сибири какой-нибудь город, удобный для торговли, так это Томск»,— писал в свое время Георг Гмелин. В 1734 и 1740—1741 гг. Г. Гмелин отмечал наличие в Томске 43 мелочных лавок. «Цены здесь лишь немногим выше, нежели в Петербурге. ...Кажется, что почти весь город торгует...»— отмечал Гмелин[57]. Эта традиция торговать закладывалась в XVII в. Из данных таможенных книг Томска действительно складывается впечатление, что почти весь город торгует. Существовала и мелочная торговля всякой всячиной, и торговля местными товарами, и перекупными, русскими и среднеазиатскими, а позже, к концу века, на рынке появляется хлеб. Торговля же скотом развивалась с первых лет основания города. Торговали служилые, посадские, промышленные и гулящие люди, торговали пашенные крестьяне. Не брезговали появляться на рынке и заключать сделки представители воеводской администрации, служилой верхушки и духовенства. Так, сын боярский, «московского списку дворянин» Осин Качанов был «обложен с промыслов и торгов» в 1686/87 г. на сумму в 30 руб. Известно, что он посылал в Кузнецкий острог купленную им в Томске рыбу и икру[58].

Томские служилые казаки успешно совмещали свои обязанности с занятием торговлей, более того, именно их обязанности по несению государственной службы содействовали предпринимательству, и, возможно, именно потому, что Томск был в основном городом служилого населения, у его жителей было больше возможностей для ведения торговли.

В сибирских городах существовал довольно значительный административный аппарат. Имелись съезжие (или приказные) избы, таможенные службы. Основными представителями воеводской власти были подьячие. В их подчинении находились письменные, таможенные головы, писцы, толмачи и т. п.

Подьячие, как правило, пользовались определенными привилегиями и были людьми весьма обеспеченными. Им принадлежали значительные пашенные угодья, покосы; они владели мельницами, рыбными тонями. В начале XVIII в. в Томске именно подьячие имели усадьбы с наибольшим количеством отапливаемых помещений. Сибирские документы пестрят сообщениями о злоупотреблениях представителей воеводской власти. Далеко не всегда по своим моральным и деловым качествам они были на высоте. Но были среди воеводской

администрации и действительно широко образованные и по-настоящему дельные люди.

Воеводское делопроизводство требовало большого числа грамотных писцов. Они использовались не только при составлении разного рода документации и переписке деловых бумаг, но и для так называемого «площадного письма», когда за определенную плату составляли для неграмотных горожан жалобы и просьбы, купчие крепости и прочие бумаги.

Поскольку русские жили в непосредственном соседстве с коренными народами Сибири, велика была нужда в толмачах. Переводчики-толмачи, состоящие на казенной службе, имелись в каждом сибирском городе. Они были необходимы и в военных походах, и при дипломатических переговорах. Письменных голов, писцов, толмачей можно причислить к среднему слою горожан.

Вполне естественно, что в Тобольске и в других разрядных городах, таких, как, например, Томск, представителей администрации было гораздо больше, нежели в небольших городах и острогах. В крупных городах административный аппарат, а также люди, состоящие на государственной службе, составляли значительный процент населения. Для сопоставления можно взять данные по двум городам, относящиеся к самому началу XVIII в. В небольшом городке Пелыме в этот период числилось три подьячих приказной избы, таможенный подьячий, вогульский толмач. Кроме того, на службе состояли приказной избы сторож, городовой и острожный воротник, вогульского двора дворник. В Томске в это время в приказной избе насчитывалось десять подьячих и трое городовых толмачей. Кроме того, на казенном жалованье состояли два сторожа приказной избы и заплечный мастер (палач)[59]. Естественно, что в сибирской столице — Тобольске — представителей административного аппарата было значительно больше.

ОДЕЖДА

Одежда в XVII в. являлась не только средством защиты от воздействий внешней среды, но и играла в глазах общества роль своеобразного социального «паспорта», отражавшего сословную принадлежность, состоятельность и даже семейное положение. Составные элементы костюма обнаруживали различную степень зависимости от влияния моды той эпохи[60]. Костюм Москов-

ской Руси XV—XVII вв. сохранял основные черты одежды Киевской Руси: большая длина одежды, неотрезной крой, манера ношения и отделка. Между тем появились и новые особенности, к которым можно причислить появление распашной одежды, расширение ассортимента одежды знати, появление нефункциональных деталей, увеличение объема и длины одежды, развитие декоративности путем использования различного рода тканей и отделок[61].

Некоторые части одежды оставались неизменными в силу суеверных представлений об особой магической роли их в жизни человека, другие же изменялись быстрее. Наиболее устойчивыми к изменениям оказались нательная одежда, а также некоторые украшения и детали, связанные с обрядами, половозрастными различиями и представлениями, прочно коренившимися в сознании всех слоев населения. В этом смысле существовало определенное единство некоторых типов одежды всей допетровской Руси. Несмотря на внешнее разнообразие, пестроту окраски и узоров, все было подчинено порядку и внутренней логике обычаев и поверий. Верхняя одежда изменялась быстрее и в большей степени отражала сословные различия[62].

В разного рода источниках встречаются достаточно подробные описи имущества, в которых одежда занимала далеко не последнее место. Отрывочные сведения о деталях костюма XVII в. можно отыскать в челобитных, отписках и т. п. Однако в своем большинстве письменные источники отражают одежду имущих слоев населения, одежда же крестьян и рядовых горожан упоминается гораздо реже. Более всего сведений о костюме XVII в. сохранилось применительно к центральным областям России. Для Сибири систематизированных сведений об одежде XVII в. имеется крайне мало. Нам удалось выяснить следующее.

Исходными материалами для одежды в Сибири служили в основном льняные, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, меха и выделанные овчины. В богатом пушниной крае верхняя одежда, рассчитанная на холодное время года, изготовлялась из мехов. Подбивалась мехом и более легкая одежда местной знати, состоятельных горожан. Все большее распространение к концу века получают удобные и ноские вещи из овчин. В XVII в. в Сибири было уже налажено производство местных льняных и шерстяных тканей, однако большая часть текстильной продукции все же ввозилась из-за Урала.

Пользовались спросом у сибиряков китайские и среднеазиатские ткани. Суконная одежда изготавливалась как из грубых сермяжных сукон отечественного производства, так и из сукон иностранной выработки, привезенных русскими купцами с Запада[63]. Ввозились в Сибирь ткани самого широкого ассортимента и использовались они как для шитья платья, так и для разного рода отделок.

Из льняных тканей в Сибирь в XVII в. более всего ввозились холсты, бязи, кисея, киндяк, кумач, миткаль, фата и т. п. Среди привозных шерстяных тканей преобладали сукна сермяжные, сукна летчины, гамбургские, английские, кармазин и др. Из шелковых тканей преобладали дороги, камки, атласы, тафты, среди восточных материй пользовались спросом зендеи, выбойки, китайки, камки[64].

Нательной одеждой в XVII в. оставалась рубаха, или сорочка. Поверх сорочек мужчины и женщины носили еще и верхние рубахи, при этом сорочка превращалась в собственно белье. Мужчины носили нижние (нательные) порты неширокого покроя[65]. Среди ввозимых в Сибирь товаров отмечены в этот период: рубахи хрящевые, рубахи среднего холста, рубахи ярославские простые и «строченные шелком».

Мужское верхнее комнатное платье состояло из нательного белья, рубахи, штанов и зипуна. Зипуны как верхняя одежда часто упоминаются в источниках по истории Сибири XVII в. Среди ввозимых из-за Урала «русских товаров» бытовали разного рода зипуны и зипунишки летчаные, сермяжные, кострыжные, а также английского сукна. Зипуны носили представители разных слоев населения вне зависимости от сословной принадлежности. Качественно разнились только материалы, из которых изготовлялся этот вид одежды. В зипунах ходили и ямщики, и крестьянские дети, и представители высших слоев сибирской администрации[66]. Известная в Сибири личность, сын боярский Павел Хмелевский на собрание мирских людей пришел «в зипуне с саблей в руке»[67].

Зипун представлял из себя облегающую, довольно короткую куртку, надеваемую поверх рубахи. Шились зипуны как из простых, так и из окрашенных в различные цвета сукон, иногда с подкладом. У иркутского посадского человека В. Елезева в описи одежды встречается «зипун сукна яренгу зеленого, подложен кумачем»[68]. Надо заметить, что в XVII в. для уличной одежды предпочитали яркие цвета. Во время праздников, торжест-

венных приемов сибирским горожанам вменялось в обязанность присутствовать непременно в «цветном» платье. В Иркутске при встрече посланца «от посольского крыльца поставлено служилых и посадских и промышленных людей до берегу... в цветном платье в три ряда»[69].

Особенно яркими, судя по описаниям, были кафтаны, служившие как комнатной, так и уличной одеждой. В зависимости от назначения и моды кафтан шили длиннее или короче, свободным или приталенным. Обычно кафтаны были распашными, причем правая пола заходила на левую. По борту располагались пуговицы. Кафтан был настолько распространенной частью одежды, что уже в XVI в. в русских городах были специалисты — портные-кафтанники. Кафтан являлся необходимой частью одежды и бедного человека, и богача и в зависимости от предполагаемого употребления мог делаться из роскошных материй или простой сермяги, драгоценных мехов или овчины[70]. По данным таможенных книг можно проследить значительный ввоз кафтанов в Сибирь из европейской части страны — сермяжных, английских, кизилбашских, бараньих, получивших свое название по тому материалу, из которого они изготовлялись. Теплые кафтаны именовались шубными, бараньими, мерлушчатыми. Делали зимние кафтаны и из бобровой черевеси (пуха). Верхотурские источники 1607 г. отмечают среди похищенных вещей А. Быкасова сшитый из камки белый кафтан с отделанными золотым шитьем петлями, а также сшитый из лундыша кафтан вишневого цвета[71].

Подробно описан источником кафтан сургутского воеводы: «кафтан камчатой луданой малиновый, подкладка крашенинная, красная, а стеган на бумаге, подпушка у пол кафтана желтая, по подолу опушено песошным, кругом того кафтана снурок золотой серебром, у ворота пуговка маленькая серебряная сканая, белая»[72]. Кроме того, в воеводском гардеробе имелись теплые кафтаны — один камчатый с лисьим исподом и беличьими рукавами, другой — суконный черный, испод белий хребтовый, рукава бельи[73]. Рядовые горожане носили кафтаны попроще, однако выходная, «чистая» одежда также отличалась яркостью цвета. У иркутских посадских людей среди описанного имущества фигурируют кафтаны, один «сукна карнаваго, цвета гвоздичный, опушен камкою зеленой», другой —«короткий (полукафтанье) лауданное, исподнее, подложено китайкою,

опушен атласом лимонным, одна пуговица сканная серебряная под золотом, на рукавах пять чапелек серебряных». У пашенных крестьян Иркутского уезда среди вещей числились «кафтан ветхой камчатый, рудой желтой стеган на бумаге, подклад крашенин, подбит камкою красной» и «полукафтанье ветхое, атласное, стегано на бумаге... пудпушка камка красная пять пуговиц медных»[74]. Именно по пуговицам скорее всего можно определить достаток и положение владельца того или иного кафтана. Как правило, серебряные, сканые или с позолотой пуговицы свидетельствуют о зажиточности хозяина одежды, тогда как медные или оловянные пуговицы почти наверняка укажут на то, что кафтан принадлежит горожанину средней руки или крестьянину. Это можно сказать не только о кафтанах, но и о другой одежде, как мужской, так и женской.

Традиционной уличной одеждой на Руси, носимой мужчинами и женщинами весной и осенью, была однорядка. Носили однорядки и сибиряки. Эту одежду шили из различных сукон или иных шерстяных тканей распашной, с длинными откидными рукавами и прорехами для рук у пройм. Полы делали спереди короче, чем сзади[75]. Среди похищенного на Верхотурье в 1607 г. имущества были однорядки, одна —«черлена скорлатка», богато отделанная шитьем, другая — лазоревая из сукна-настрофила[76].

Охабень близок по покрою к однорядке, но с большим отложным воротником, опускавшимся ниже лопаток[77]. В Сибири охабень преимущественно носила знать; среди одежды горожан упоминаний об этом роде платья нет, зато известно, что большой любитель наряжаться мангазейский воевода Г. Кокарев, приехав в Березов, был одет по посольскому обычаю: «а был де на нем охабень объяринен — сахарный цвет — с алмазами низаны и ожерелье пристяжное и отложное низано, шапка горлатная лисья»[78].

Другой вид мужской одежды — епанча, которая представляла собой безрукавный плащ типа бурки. Епанчи из крашенин можно обнаружить среди ввозимых в Сибирь товаров[79].

Теплой зимней верхней одеждой мужчин и женщин были разного рода шубы (у мужчин и кафтаны). Разнясь весьма значительно по покрою, они имели одну непременную общую черту — были меховыми[80]. Ценность меха при этом находилась в прямой зависимости от знатности и достатка хозяина шубы. В Сибири, богатой

мехами, ассортимент шуб был чрезвычайно велик. Самым дорогим, красивым и носким мехом являлся, несомненно, соболь. Из соболей шились шубы, делались воротники (ожерелья), кафтаны, шапки и даже рукавицы. Ценными считались бобровые шубы. Меньше ценились шубы лисьи, песцовые, недопесцовые (из молодого песца), корсачьи, горностаевые. Делали из мехов и пояса, например, бобровые, которыми подпоясывали шубы или кафтаны[81]. Изготовление меховых кафтанов можно считать в какой-то мере сибирской спецификой. Какие только кафтаны из мехов не встречаются! «Кафтан недособолий под сукном с ожерельем недособольим», кафтан «из пупков собольих под крашениной», «кафтан пупчатый (из брюшек соболя.— *А. Л.*) под сукном лазоревым». Высшим шиком считался «кафтан соболий пластинный», изготовленный из собольих спинок. Шились кафтаны из меха норки, песца, корсачьи, беличьи, заячьи, а также из выделанных овчин[82].

Обилие мехов в Сибири еще не означает, что все ее жители ходили в собольих или лисьих шубах. Такую одежду могли себе позволить лишь очень состоятельные горожане, воеводская администрация, богатые торговцы. Большинство же мехов уходило через Урал с российскими купцами, которые привозили в Сибирь пользовавшиеся здесь спросом «русские товары», а вывозили крупные партии пушнины. Да и сами сибиряки не упускали случая приторговать пушниной. Во время служебных поездок в Сибирский приказ казаки, дети боярские всегда имели с собой «пушной товар» — ценные меха и готовые меховые изделия. Менее «достаточные» сибиряки предпочитали теплую и носкую одежду из овчины или низкосортных мехов. Оскудение пушных ресурсов во второй половине XVII в. еще более повлияло на увеличение ввоза овчин и расширение ассортимента готовой зимней одежды из низкосортных мехов. В 1662—1663 гг. в Томск в числе прочих товаров было завезено 23 тулупчика бараньих, 50 тулупов овчинных и 300 овчин. В описи имущества конных казаков Удинска в начале XVIII в. значились «тулуп мужской бараний под камкою лазоревой, бобром опушен», «2 тулупа бараньих» и «доха волчья». У пашенного крестьянина Иркутского уезда в этот же период в числе зимней одежды была «шуба баранья ношеная под сукном яренговым». Среди прочей одежды красноярского сына боярского И. Злобина в описи его имущества значится «тулуп камки... мех белий хребтовый, опушен вокруг ворота выдрой». Ир-

кутский посадский А. С. Юдин в своем «гардеробе» имел «шубу ушканью лапчатую под атласом черным, у нее одна пуговица серебряная, ожерелок бобровый, опушена пухом»[83]. Имевшие широкое распространение шубы из овчин, зайца и других малоценных мехов, «опушались» дорогими мехами, и из дорогих же мехов изготовлялись воротники. Излюбленным мехом для отделки служил бобер, видимо, в силу носкости.

Из всех видов мехов шили шапки, рукавицы. Рукавицы были обычно привозные и среди «русского товара» фигурировали как «рукавицы узорчатые»[84]. В числе местных сибирских изделий в широком ассортименте присутствовали рукавицы росомашьи и волчьи, «собольи под сукном», «под ровдугой». Иногда рукавицы делались с опушкой из собольих хвостов или другого меха, нарядно украшались (например, «рукавицы собольи под сукном зеленым, шиты волосом и шелком»)[85]. Без сомнения, подобные вещи более всего шли на продажу заезжим купцам или попадали в дома местной знати. Простой сибирский люд пользовался рукавицами-варегами, вязаными или шитыми, а на холодное время — волчьими, бараньими и т. п.

В той же мере вышесказанное относится и к головным уборам. Богатые собольи шапки, постоянно встречаемые среди вывозимых в европейский центр партий мехов, были уделом немногих. Мужские головные уборы представляются разнообразными по покрою, форме, назначению и материалам. Источники называют их шапками, малахаями, треухами, колпаками. Среди описи вещей Ф. Костырева встречается «шапка мужская, вершишко (верх.— *А. Л.*) черевесчатая, испод лисий»[86]. В верхотурских документах среди похищенных вещей А. Быкасова упоминается «шапка черная лисья»[87]. Следует отметить, что хозяева этих шапок принадлежали к зажиточным слоям горожан.

На изготовление шапок шел не только самый разнообразный мех, но и ткани, которые использовались для покрытия верха у головных уборов,— сукна многих сортов, атлас, бархат, камки и др.

Очень распространены были головные уборы типа треуха. Среди пушных изделий встречаются треухи пупчатые, лисьи лапчатые, «треух соболий под камкой», «треух под сукном, опушен росомашьим пухом». Из теплых мехов с густым длинным ворсом изготовлялись, как правило, малахаи — волчьи, лисьи, росомашьи. В теплое время года сибиряки носили колпаки

как местного изготовления, так и ввозимые из-за Урала[88]. Колпак был самым распространенным головным убором как в европейской части страны, так и в Сибири. Он был высоким, кверху суживающимся, при этом зачастую верх заламывался и отвисал. Внизу у колпака были узкие отвороты с одной-двумя прорехами, к которым прикреплялись украшения; колпак мог быть и с меховой оторочкой[89].

Важную роль в русской одежде играли различные опояски — от простого питяного пояса до украшенного драгоценностями или изготовленного из ценного меха. Среди ввозимых в Сибирь предметов одежды встречаются опояски холщовые, пояса гарусные, шнурки, кушаки, веревочки зипунные и т. п.[90]. В описи имущества красноярского сына боярского И. Злобина можно встретить целый набор разнообразных кушаков: «кушак пестрединной кызылбашский», «кушак камчатой ветхой», «кушак крашенинной», «кушаки пестрединные пестрые», «пояс шелковый»[91].

К кушаку или поясу, каким бы он ни был, подвешивались разные необходимые вещи: ножи в ножнах, обязательно сумочки, заменявшие карманы. Кожаные сумочки назывались обычно калитой или мошной. Пояс с калитой является не только необходимой функциональной частью туалета, но и своеобразным украшением[92]. Тобольский сын боярский Сава Француженин, сообщается в челобитной, придя в приказную избу, прежде чем подать письмо, вынул его из специально сшитого мешочка, который, скорее всего, крепился около пояса[93].

Наше представление об одежде будет неполным без рассмотрения обуви. Наиболее распространенной мужской и женской обувью в европейской части государства и в XVII в. оставались лапти. Принято считать, что Сибирь лаптей не знала. И действительно, ни среди ввозимых товаров, ни среди описей имущества сибиряков этот вид обуви не встречается. Нет в источниках и упоминаний о наличии в Сибири профессий, связанных с изготовлением лаптей или заготовками сырья для их производства. Зато документы изобилуют сведениями об изготовителях кожаной обуви и обработке сырья для нее. Часть материалов сапожники приобретали у местных кожевников. Это были так называемые дубленые кожи «своего дела». Из Европы привозились кожи лучшего качества: сафьяны и юфти. Поступали и большие партии готовой обуви[94]. Среди привозной, а также местной мужской обуви встречались сапоги, коты, чарки,

уледи, башмаки и чеботы (ичиги). Наиболее носимыми и чаще других встречаемыми в источниках были сапоги и коты. Коты представляли собой вид теплой обуви наподобие невысоких сапог и могли быть кожаными или валяными, иногда с опушкой. Сургутский источник 1699 г. так характеризует достаток одного знатного горожанина: «...день ходит в сапогах, а другой в котах»[95].

Ассортимент сапог был чрезвычайно разнообразен. Можно выделить сапоги телятинные, сафьяновые, юфтяные, бараньи, конинные. Из этих же материалов делались коты и башмаки. Цвет обуви мог варьировать. По документам известны «сапоги красные», «коты красные», «башмаки сафьяновые желтые, полукривые». Высшими сортами кож считались желтый и белый сафьян, красная и белая телятинная кожа[96].

Кроме того, сибиряки носили чарки, которые шились из привозных и местных кож; уледи, представлявшие собой дубленые мягкие сапоги; ичетоги, или ичиги,— полусапожки на мягкой подошве, надеваемые на босу ногу под башмаки или используемые в качестве комнатной обуви[97]. Ичиги представляли собой как бы кожаные чулки. Носили сибиряки и вязаные чулки, ввозимые из-за Урала в числе «русских товаров»[98].

Несмотря на обилие сведений о различных деталях костюма, цельных описаний, т. е. таких, которые бы дали возможность представить сибирского горожанина или крестьянина в привычном для него костюме в различное время года, в источниках нет. В 1649 г., нанявшись на работу к крестьянину Ирбитской слободы, наемный работник отдал своему хозяину на хранение комплект одежды, который включал «четыре рубахи, трои штаны портяные, четверо штаны ровдужные, да кожан, да коты поношеные, да рукавицы ровдужные перстянки» (перчатки.— *А. Л.*)[99]. По-видимому, это был обычный необходимый набор сменной одежды человека без достатка, вынужденного работать по найму. Несмотря на всю ценность подобных сведений, перед нами опять-таки всего лишь опись имущества. А что же конкретно было надето на сибиряке той эпохи?

Уникальный в этом плане материал опубликован Н. Н. Покровским в связи с томскими событиями 1648—1649 гг. Благодаря им можно в деталях узнать, как же был одет богатый томич Маркел Колмогоров. В апреле месяце он щеголял в азяме английского сукна лазоревого цвета. Под азямом — верхней уличной одеждой — был «кафтан дорогильный черевчат», под

Рис. 10. Томский горожанин XVII в. Реконструкция костюма Е. Ф. Фурсовой. Рис. А. Ю. Сидоровой.

кафтаном — полотняная рубашка. И кафтан, и азям были подпоясаны шелковым тканным поясом, к которому крепился шелковый же кошелек, и кушаком с ножом. На шее у Маркела Колмогорова был крест «серебряный золочен з жемчюги». Голову венчала шапка с гвоздичного цвета кармазиновым вершком и собольим исподом (рис. 10)[100].

Спустя месяц на Маркеле Колмогорове был крест серебряный золоченый с красными корольками (коралами) и финифтью, а одет он был в тонкую полотняную рубашку, тонкие полотняные штаны, «кафтан камчатый, стеган на бус лазор в куферть», «штаны козлиные калмацкого дела желтые на бумаге стеганы», азым английского сукна гвоздичного цвета, «опояска бобровая с ножом в окованных ножнах». На ногах у М. Колмогорова были онучи лятчинные и сафьяновые зеленые сапоги. Яркость этого костюма была необычайной — гвоздичный азям, лазоревый кафтан, желтые штаны, зеленые сапоги. В довершение всего «шапка вершок багрецовый, нашивка золотая, испод соболий»[101]. Разумеется, не все томичи ходили в одежде, общая стоимость которой оценивалась самим ее хозяином в 25 руб. Это была значительная сумма. Тем не менее приведенный выше пример позволяет приблизиться к атмосфере, царившей в сибирском городе более 300 лет назад, представить подьячего Маркела Колмогорова во всем великолепии его платья на улицах Томска.

В конструктивном решении женского костюма XVII в. было много общего с мужским, хотя предпочтение отдавалось глухой одежде накладного типа. Нательной одеждой служила длинная, до ступней, рубаха из хлопчатобумажной или шелковой ткани, прямая, собранная на горловине, с узкими длинными рукавами[102]. Поверх рубахи надевали сарафан, обычно из красивых цветных материй (простые люди — из крашенин, богатые — из дорогих привозных). В Сибирь ткани для женской одежды поставлялись в широком ассортименте,

ввозились и готовые сарафаны[103]. Среди вещей нарымчанина Ф. Костырева перечислены «два сарафана да две рубашки женские». При описи одежды пашенного крестьянина Иркутского уезда упомянут «сарафан ветхой китайчатый белый, две пуговицы оловянные»[104]. Более дорогие сарафаны украшались галуном, кружевом, пуговицами из драгоценных металлов.

Женской комнатной и отчасти уличной одеждой в XVII в. становится юбка. Это был сравнительно новый тип женской одежды. Из европейской части страны в Сибирь поставлялись как готовые юбки, так и «юбочный суконный лоскут»[105].

Очень распространенной в Сибири женской верхней одеждой была телогрея, надеваемая поверх сарафана и схожая с ним по покрою, но имевшая длинные, суживавшиеся к кисти рукава, иногда откидные. Телогрея делалась распашной, со множеством пуговиц[106]. Среди домашних вещей красноярского сына боярского Ивана Злобина находились три телогреи: китайчатая лазоревая поношенная, кумачовая и стамедная красная, пуговицы одекуйные[107]. В переписи имущества жителей Иркутска и Иркутского уезда упомянуты: «телогрея холодная атласная зеленая с пухом, пуговицы серебряныя», «телогрея китайчатая лазоревая холодная с пухом, подклад китайчатый красный, пуговица серебряная», «телогрея китайчатая зеленая на подкладе... с пухом», «телогрея желтая камчатая, испод ушканий, бобром опушена, пуговица медная одна», «телогрея китайчатая зеленая, мех ушканий черевий, пуговицы медные»[108]. По пуговицам сразу можно определить, чьим женам, крестьянским или конных казаков, принадлежали перечисленные телогреи. Серебряные пуговицы украшали одежду жен конных казаков, медные — крестьянок.

Зимой женщины носили шубы и шубки. Есть мнение, что женские шубки идентичны сарафанам, т. е. холодной одежде[109]. Возможно, это утверждение справедливо для европейской части России. В Сибири же и шубы, и шубки являлись теплой, зимней одеждой. Тому есть множество примеров в источниках. Вполне вероятно, что шубки отличались от шуб легкостью или меньшей длиной. В условиях сурового сибирского климата шубки могли использоваться в межсезонье. В гардеробе жены нарымчанина Ф. Костырева значилась «шубка белья женская под крашениною». Среди платья иркутских посадских имелись «шубка под китайкою, мех заячий» и «шубка заячья черевья ветхая под китайкою»[110].

Шубки из более ценных мехов (например, «шубка соболья женская под киндяком») могли позволить себе лишь жены местной знати, в основном эта одежда вывозилась приезжими купцами за Урал[111].

Теплая женская одежда богатых горожанок изобиловала различного рода отделками, опушками из дорогих мехов, пуговицами из драгоценных металлов. В описи имущества иркутского казака отмечена «шуба женская польская отласная зеленая, мех белий, пуговица серебряная под золотом сканая». Членам семьи сургутского воеводы М. Трусова принадлежала «шуба женская камчатая луданная чешуйчатая, дымчатый цвет, кружево золото серебром плетено... испод белий черевий, опушена пухом бобровым, у ворот две пуговки серебряные маленькие, одна сканая, другая гладенькая, обе белые, рукава у той шубки холодные»[112].

Женский головной убор в XVII в. менее всего подвергался изменениям. Легкую мягкую шапочку из цветной материи представлял собой подубрусник, под который убирались волосы. Встречаются подубрусники и при описании одежды сибирячек. Кроме того, в Сибири были широко распространены кокошники. Упоминаются и разного рода платки (платы), которыми покрывали голову и накидывали на плечи. В описи имущества красноярца И. Злобина среди женских головных уборов значились: «плат, шит шелком; подубрусник красный, атласный; подубрусник китайчатый; кокошник»[113]. Шитый по красному атласу золотом кокошник встречается среди ввозимых в Сибирь товаров[114].

Для холодного времени года женские головные уборы изготовлялись с использованием различных мехов и пуха. Сделанные из пуха женские шапочки так и назывались: «пушенки». В Тобольске местные шапочники изготовляли «пушенки женские барсучьи», «пушенки женские козлячьи»[115]. Использовали для подобных целей пух счесанный бобровый, росомаший и прочих зверей[116]. Разнообразие сибирских мехов позволяло иметь широкий ассортимент женских головных уборов. Наиболее ценились все же собольи шапки и шапочки. В источниках встречаются «шапки девьи из хвостов собольих», шапки женские из собольих брюшек (пупков), покрытые сверху разного рода тканями, например «под камкой красной китайской»[117].

Женская обувь менее, чем любая другая часть костюма, отличалась от мужской. Возможно, различия следует искать в конструктивных решениях, однако деталь-

ных описаний, позволяющих наглядно представить обувь сибирячек, не сохранилось или они еще не найдены. Можно только отметить, что в Сибири женщины носили различной выделки сапоги, башмаки, козлы (обувь из козлиной кожи). Среди товаров, наполнявших сибирские рынки, в больших количествах встречаются «сапоги телятинные мужские и женские, сапоги сафьяновые мужские и женские»[118].

К предметам женского костюма, используемым в холодное время года, можно отнести вязаные чулки и варежки (вареги). В 1662 г. в Кузнецкий острог было отправлено в числе прочих товаров, рассчитанных на использование в зимний период, 10 пар «варег женских»[119].

Сибирячки любили украшения. Это следует и из описаний костюма, и из обилия ввозимых товаров подобного рода, которые несомненно пользовались массовым спросом. Кроме упомянутых уже пуговиц, служивших своеобразным индикатором имущественного и социального положения, можно отметить перстни, серьги, ожерелья, мониста, бисер, одекуй и т. п. Перстни и серьги, так же как и пуговицы, делались из различных цветных металлов: попроще — из меди и олова, побогаче — из серебра тонкой выделки. Использовались для отделки платья золотое и серебряное кружево, шитье, жемчуг. Из дутого жемчуга изготовлялись ожерелья. В ходу были различное шитье, блестки, кисти, тесьма. Привозные украшения из драгоценных металлов и камней оседали в домах представителей знати, воеводской администрации, местных богатеев. Это были и цевки (цепочки) из золота и серебра, и серебряные серьги с яхонтами или иными камнями, перстни, чаще всего также с яхонтом и сердоликом. На жене вышеупомянутого уже Макара Колмогорова было надето «ожерелье жемчужное женское с пуговицы» и монисто[120]. Простолюдинки носили медные перстенечки, серьги-лапки, различного рода сережки, в которые вставлялись уже местными мастерами привозные «камешки сережные», «камешки лазоревые»[121].

Для завершения своего туалета сибирячки широко пользовались парфюмерией: белила и румяна постоянно в значительных количествах привозились купцами из-за Урала. На эти товары спрос не ослабевал на протяжении всего рассматриваемого периода[122].

Детская одежда, судя по всему, от взрослой принципиально мало чем отличалась, была лишь соответствен-

но меньших размеров. В описи домашнего имущества нарымчанина Ф. Костырева значились детские вещи: «шубка белья робячие, зипун красный робячий, шапка робячья»[123]. Кроме того, в числе партий пушнины, вывозимых из Сибири, зачастую можно встретить предметы детской меховой одежды, например «шубка соболья робячья»[124]. Это практически все сведения, которые удалось собрать относительно одежды малолетних сибиряков.

В целом же можно отметить, что одежда сибиряков начиная с конца XVI в. и до петровского времени развивалась в том же направлении, что и одежда населения европейской части страны. Определенные особенности были связаны главным образом с климатическими условиями Сибири, обилием пушнины, близостью Средней Азии, откуда поступали восточные ткани и готовая одежда восточного происхождения. В частности, это относится к такому виду мужской одежды, как азям (среднеазиатский кафтан). Азямы были распространены в Сибири, их носили и простолюдины, и воеводы. В далеком от торговых среднеазиатских путей Красноярске среди одежды местного горожанина значились «азям лазоревый новый на бумаге» и «азям кумашной поношеный». В гардеробе томского воеводы В. А. Ржевского находились среди прочей одежды «азям лисий красный» и «азям атласный китайской»[125]. Притом сказывалось и присутствие среди сибирского населения выходцев из Западной Европы. Они не могли не влиять на местную моду своей манерой одеваться и носить платья по обычаю своей родины. Определенное воздействие на одежду сибиряков-горожан оказывали и ближайшие их соседи — коренные народы края. Зимняя одежда аборигенов была теплой, удобной, хорошо приспособленной к местным условиям. В 1609 г. в Верхотурье среди казенной одежды, которую воеводская администрация намеревалась продать, указаны были «однорядка черлена вогульская, два кафтана вогульских, синь да черен»[126]. В числе скупленных русскими купцами партий пушных товаров постоянно значились остяцкие и якутские собольи шубы, шубы лисьи чернобурые остяцкие, остяцкие шапки и малахаи из различных мехов и даже в одном случае «рысья юкагирская шуба»[127]. Меховые изделия, сшитые по образцу традиционной одежды коренных жителей Сибири или с применением традиционных приемов кроя и отделки, в дальнейшем становились при-

надлежностью богатых сибирских горожан или вывозились в центр страны.

Как видим, одежда сибиряков отличалась разнообразием фасонов и материалов, из которых она изготавливалась. Широко использовались различного рода отделки (в частности, богатыми мехами), украшения. Цвета одежды были, как правило, яркими, а сочетания красок самыми, на наш взгляд, неожиданными. В одном костюме могли сочетаться малиновый, желтый, песочный, гвоздичный, зеленый, лазоревый и красный цвета[128]. Живописно в праздничный день выглядели толпы горожан, собравшихся у церквей, на площадях или торгах. Яркая одежда создавала определенное настроение, служила предметом гордости и мерилом социального статуса и достатка горожанина.

ПИЩА

Структура питания в XVII в. определялась традиционным характером сельскохозяйственного производства, имевшего зерновое направление. Главными зерновыми культурами являлись рожь, овес, пшеница, ячмень. Ржаной хлеб и продукты из ржи были основным видом питания[129]. Источники охотно сообщают о пище господствующего класса, гораздо меньше сведений сохранилось о питании крестьян и горожан. Различия в пище «верхов» и «низов» общества были значительными, но основные продукты питания и способы приготовления повседневной пищи у всех слоев населения имели много общего.

По будням ели хлеб из ржаной муки, к которой иногда добавляли ячменную (ячную). Ржаной хлеб обходился дешевле пшеничного, и к тому же его считали более питательным. В зависимости от сорта муки, из которой выпекали ржаные хлеба, они разделялись на ситные и решетные, а пшеничные калачи были тертыми и крупичатыми. Мукой высшего сорта считалась мука крупичатая, изготавливаемая только из «самой доброй пшеницы»[130].

В городах выпекали хлеб и всевозможные изделия из теста. В Тобольске на протяжении всего XVII в. на полках возле гостиного двора продавали хлеб, калачи, пряники, баранки[131]. Прибывшим в Томск посланникам выдавалось «государево жалованье» на приобретение у местных хлебопсков хлебов и калачей[132].

Особое место в русской кухне занимали пироги. По способу приготовления они могли быть подовыми (выпеченным из кислого теста на поду печи) и пряженными — сделанными как из кислого, так и из пресного теста. Величина и форма пирогов могли варьировать от больших до самых маленьких, именуемых пирожками. В качестве начинки использовались мясо, рыба, каши, овощи, творог и т. д. Источники XVII в. по европейской части страны отмечают не менее 50 видов пирогов. В период постов пироги пекли на растительном масле с рыбой, грибами, овощами и сладкими начинками. У сибирских горожан пироги были в большом ходу. Недаром в городах были особые пирожники[133].

Обычно пироги подавали к горячим жидким блюдам, причем к каждому полагались свои особые пироги: к щам из свежей капусты — пирог с гречневой кашей, к кислым щам — пирог с соленой рыбой, к лапше — пирог с мясом, к ухе — пирог с морковью[134].

Из муки в XVII в. умели приготавливать очень многое. Из пшеничной муки пекли самых различных видов караваи; популярны были оладьи и блины, которые приготавливали как из пшеничной, так и из просяной, овсяной, гречневой муки. Делали блины тонкие и с припеком[135]. О том, что сибиряки любили блины, свидетельствует ввоз в числе «русских товаров» «сковород блинных» самых разных размеров.

Праздничное лакомство составляли сладкие пироги, ковриги, медовые и другие пряники, которые изготавливались местными мастерами-прянишниками и ввозились из центральной части России.

Из овсяной муки приготовляли толокно, которое служило пищей простому народу в постные дни; эта мука входила в состав хлебного жалованья служилым людям[136].

Среди всех слоев населения популярны были каши. Способов приготовления их бытовало множество. В начале XVII в. в Енисейске ощущалась нехватка мельниц, поэтому, как сообщает источник, «...многие служилые люди и пашенные крестьяне рожь варят кутьей, да сдят»[137]. Это была вынужденная мера, но вообще-то каши, кутья из пшеницы и ржи являлись привычным блюдом. К кашам подавались различные кисели, патока, животное и растительное масло.

Развитие и распространение животноводства в Сибири способствовали утверждению в рационе сибиряков мясной и молочной пищи. Крупный рогатый скот держа-

ли не только крестьяне, но и почти все городские жители. Разводили овец, свиней, коз, а также домашнюю птицу. Томичи в 1668 г. жаловались на то, что в городе собаками «...коров и куров и баранов... перетравили»[138]. Мясо — говяжье и свиное, сливочное масло, сало продавали в городах «с полков» сами горожане, чье хозяйство было ориентировано на производство этих продуктов в целях насыщения внутреннего рынка.

Мясо яловых коров, а также свинину, солили на зиму. Свиному мясу перед говяжьим отдавалось предпочтение; свиное сало добавлялось в различные каши, щи[139]. Щи были обычной горячей пищей, варились они на основе бульонов из различного мяса с добавлением овощей. Молодых поросят жарили целиком, из голов животных варили студень. Множество блюд приготовляли из баранины. Шло в пищу и мясо диких животных и птиц. Для добычи дичи в лесу ставили так называемые птичьи путики, куда попадалась дичь. В домашнем хозяйстве держали кур, индеек, гусей и уток[140]. Из куриного мяса варили щи и уху. Ухой в то время называли любой суп или похлебку. Мясо домашней птицы солили на зиму. Из блюд, приготовленных из утиного и гусиного мяса, наиболее простые и доступные средним слоям блюда упоминаются источниками по Центральной России такие: «утя верченое, гусь жареный под огурцами, гусь, начиненный гречневой кашей»[141] и т. п. В документах 1649 г. по Енисейску упоминается соленый гусь. В рационе жителей Мангазеи и Туруханска в 30—40-е гг. были привозное «мясо-ветчина», местного производства соленые гуси, зайцы, куропатки[142].

Огромное значение для Сибири имела рыба. Рыбная пища вообще была распространена в XVII в. более широко, чем мясная. Этому способствовали и многочисленные посты. Церковь предписывала два раза в неделю — в среду и пятницу — питаться только рыбной или растительной пищей. Обилие рыбы в сибирских реках давало возможность разнообразить рыбный стол и употреблять в пищу рыбу различной обработки — свежую, соленую, вяленую, сушеную. Соленую рыбу хранили в ледниках, вяленую вывешивали в сушилках.

В Тобольске рыба поступала на «рыбное торжище», расположенное в нижнем городе около пристани. Специальные рыбные полки имелись на гостинном дворе и в верхнем городе. Посетивший Тобольск в 1666 г.

иностранец отмечал в своих записках, что в городе имеется «замечательно большой рыбный базар, такого я не видел ни в одной стране... утром привозят 30, 40, 50 и больше телег и бочек, больших и маленьких, которые все полны только что пойманной и еще живой рыбой»[143].

Особенно ценились осетр, нельма, чалбыш, стерлядь, муксун. Употребляли в пищу также язей, щук, сырков, карасей, линей, ершей, пескарей и прочую рыбу. Лучшие сорта иртышской рыбы стоили в Тобольске дешевле хлеба. Несомненно, наиболее ценным считался осетр. По свидетельству посланника Избрандта Идеса «ежели оного сварить, то в котле на два пальца жиру останется»[144].

Из холодных рыбных закусок самой вкусной по праву считали икру. Способ ее приготовления был прост: ее засаливали на 6—8 дней, смешивали с перцем, луком, добавляли немного уксуса и прованского масла. Отжатую и спрессованную (паюсную) икру набивали в бочки. Лососевую (красную) икру подавали отдельно или добавляли к черной, зернистой икре. Икру употребляли не только в сыром виде, но и варили в уксусе или маковом молоке. Источники XVII в. отмечают икряные блины, испеченные из крупчатой муки с добавлением взбитой икры.

Популярна была уха. На кислой основе варились рыбные щи, чаще всего с сухой рыбой. Приготавливали паровую рыбу, а также различные фарши из рыбы. Из рыбной смеси делали окрошку и рыбную кашу[145].

Растительная пища занимала в рационе очень заметное место. Употребляли в пищу свежие и соленые овощи, грибы, свежие и заготовленные впрок ягоды. Доказательством того, что в огородах сибиряков-горожан выращивались различные овощи, служат закупки «семени рассадного» и наличие различных семян в привозе из-за Урала[146]. Широкое распространение получили в Сибири репа и капуста. Упоминания о репе встречаются в источниках очень часто, так же часто встречается и «репное семя»[147]. Ели репу в основном пареную, как самостоятельное блюдо и как гарнир к различным блюдам. Столь же популярной была и капуста. В Туринске некоторые огороды именовались «капустниками» — видимо, они почти сплошь были засажены этим овощем. Капуста часто встречается в рационе жителей Енисейска[148]. Гораздо меньше известно об употреблении других овощей,

однако семена моркови, огурцов и редьки встречаются среди ввозимых с Руси товаров[149]. Овощи использовали и как начинку для пирогов, делали из них различные приправы. Использовали для приготовления пищи и дикорастущие растения, такие как ревень, борщ-трава. «По Енисею и его притокам собирали траву, похожую на ревень, которую называли капустою, и тое травою кормятся — варят из нее шти»[150]. Ввозился в Сибирь чеснок. Количество ввозимого чеснока, конечно же, не могло удовлетворить спроса, поэтому есть все основания предположить, что и лук, и чеснок сибиряки выращивали на своих огородах, тем более что в Сибири произрастали дикорастущие формы этих растений.

В богатой лесами Сибири, конечно же, использовали грибы и ягоды. Пироги с грибами и сладкими начинками являлись излюбленной пищей во время постов.

Пища обильно сдабривалась всевозможными пряностями, которые постоянно присутствовали в числе ввозимых в Сибирь «восточных» и «русских» товаров. Среди них были анис, перец, горчица, корица, мускат. Использовали как в качестве сладостей, так и для приправ изюм, винные ягоды, чернослив, различные орехи[151]. Только в 1661/62 г. в Томск было завезено российскими купцами около 1,5 пуд. перца[152], который использовался прежде всего при приготовлении мясных и рыбных блюд.

Излюбленными напитками сибиряков были квас, мед, пиво и «зелено вино». Житный квас, приготовленный из ячменного или ржаного солода, пили каждый день и в крестьянском доме, и в воеводских хоромах, и в монастырской трапезной. Делали квасы и из ягод, из ягод же делали так называемые ягодные водицы.

На Руси издавна знали множество способов приготовления меда. По технологии приготовления напитка различали вареный мед и ставленный. Обарный варили таким образом: брали мед-сырец, добавляли в него теплую воду, процеживали затем сквозь сито, отделяли от воска, затем клали на пуд меда по полумере хмеля и варили в котле. Когда мед уваривался, его выливали в мерник, охлаждали и заквашивали куском ржаного хлеба, натертого дрожжами и патокой. Основные различия в приготовлении других сортов меда сводились к количеству взятого меда или патоки и времени выдержки. В приготовленный напиток добавляли различные пряности[153].

Из ячменя, ржи, овса, пшеницы и хмеля варили пиво. Пиво также различалось по сортам, которых было множество. Бочки с пивом хранили в погребах, набитых льдом и снегом, что позволяло сохранять вкусовые качества и оставлять напиток прохладным в течение всего лета[154].

Термин «вино» в XVII в. употреблялся в двух значениях — применительно к русской водке и привозным заграничным винам. Водку делали из хлебных злаков: пшеницы, ячменя, ржи. В зависимости от того, сколько раз перегонялась водка, различали вино простое, доброе боярское и двойное. На водке с добавлением всевозможных трав и пряностей ставили настойки. Привозные вина поступали в Россию через Архангельск[155]. Заморские вина пила в основном знать — воевода и его окружение, и попадали они в Сибирь в очень незначительных количествах.

В XVII в. появляется на Руси получивший затем повсеместное распространение и признание чай. Датой первого чаепития сибирских русских людей следует считать 1638 г., когда Алтын-хан Омбо-Эрдени угощал этим напитком дипломатов, томских сынов боярских Василия Старкова и Степана Неверова. Алтын-хан с трудом убедил В. Старкова взять с собой 200 пакетов чая в качестве подарка для Михаила Федоровича. В Москве чай-трава пришлась по вкусу, и ее стали привозить в Россию, правда, пока в небольших количествах. Со временем чай приобрел большую популярность, в описях товаров его ставили вслед за золотом и драгоценными металлами[156]. Пили чай различных сортов. В нерчинской описи китайских товаров 1700 г. кроме пряностей, корицы и гвоздики значилось 46 багчей чаю черного и полтрети пуда чаю зеленого[157]. Среди ввозимых в Тобольск из Средней Азии товаров постоянно значился чай-трава, привоз которого исчислялся пудами[158]. Надо полагать, что к концу XVII в. чай в сибирских городах становится привычным напитком.

Как же питался средней руки горожанин? В переписной книге постоялых дворов Енисейска записано, что помещения сдавались со столом, причем перечень «харчевых запасов» достаточно однороден, везде фигурируют крупа, капуста, квас, соль. Отправляясь в длительную дорогу, сибиряки брали с собой следующие запасы: «200 ведер вина, 150 полтей ветчины, пуд меду, пуд коровьего масла, запасы гречневой крупы, пшеничную муку,

также муку овсяную, ржаную и 6 ведер конопляного масла»[159].

Некоторые районы Сибири к концу XVII в. приобретали ориентацию на производство тех или иных продуктов питания, что способствовало в конечном счете развитию торговли продовольственными товарами. Так, например, из Томска в Кузнецк отправляли рыбу: осетров, нельму, сырков, муксунов, а также черную икру, свиные туши и коровье масло[160]. В свою очередь, из близлежащих районов в Томск привозили хмель, идущий на нужды пищевой промышленности, и т. п.

Таким образом, хотя пища сибиряков и имела свои специфические особенности (здесь не было фруктов, не приготавливались, судя по всему, какие-то изощренные кушанья), в целом незначительно отличалась от пищи жителей европейской части страны. Разве что больше было разнообразной рыбы, лесной дичи, ягод, меньше — овощей. Основной пищей служили продукты хлебопашества, животноводства, рыболовства, охоты и собирательства. Преимущественно это были продукты местного производства. Привозными были лишь пряности, сладости да чай.

УТВАРЬ

Крайне мало сохранилось сведений о домашней обстановке сибиряков, утвари, которой пользовались ежечасно и ежедневно. Реконструировать внутреннее убранство домов XVII в. в деталях пока не представляется возможным. В какой-то мере, конечно, можно судить о предметах, используемых в быту, на основании ввозимых в Сибирь товаров, росписей грабленого имущества, переписей пожитков.

Более всего упоминаний осталось о посуде, столовой утвари из металла: так как металл в то время ценился высоко, то в переписях его фиксировали особенно тщательно, указывая часто вес того или иного изделия из серебра, железа, меди и даже олова. Предметы эти подробно, в деталях описывались.

Все же попытаемся представить, что же находилось внутри жилища горожанина-сибиряка XVII в.

Передний угол помещения занимали иконы. Их количество и богатство окладов зависели от достатка и в

какой-то степени от набожности хозяев. У иркутянина посадского человека Андрея Юдина при описании имущества отмечен великолепный иконостас, включающий более 20 икон, среди них «образ пречистые Богородицы Владимирские на малой доске, венец и гривна и поля басмяные, серебряные, убрус и ожерелья жемчужные, прикладу одни строганные... образ Воскресенья Христова Бога нашего в створках, писано на красках, кругом двенадцать праздников в складнях, деисус кипарисной, резные на кипарисе, оправлены оловом...»[161]. Иконы попадали в Сибирь из центров русского иконописания, были иконы и местного производства. Наиболее ценимые, богато украшенные, все же, как правило, привозились издалека.

Для убранства помещения использовали различные коврики, ковры, завесы, на столы стелили скатерти. Ковры, встречаемые при описании домашней утвари, были восточной работы, например «ковер ветхой мунгальский, с бахромой... коврик китайчатый цветной». Ярких цветов, в большинстве своем также восточного происхождения были различные завесы: «завеса пестряди кызылбацкой» или «завесы китайские атласные и камчатые». Столы покрывали вышитыми или цветными скатертями. В доме у томского сына боярского П. Собанского среди вещей были шитые и клетчатые скатерти[162].

Непременными предметами обстановки дома являлись сундуки и коробья. Они использовались для хранения вещей, в основном носильного платья, мехов, отрезов приобретенных впрок тканей. Сундуки могли быть деревянными или коваными. Различные короба и коробья изготавливались коваными («коробья кованая») или из дерева либо бересты. В домах зажиточных сибиряков стояли привозные сундуки работы мастеров центральной России, подчас талантливых ремесленников. Такие предметы не только использовались по прямому назначению, но и служили украшением помещения. Особенно славились по части изготовления сундуков, подзаголовников, различных коробок колмогорские мастера. В источниках часто упоминаются выполненные ими изделия: «сундук кованый колмогорского дела с нутряным замком», «подзаголовник окованой колмогорской работы»[163]. Подзаголовник представлял собой устанавливаемый в головах постели ларец или ящик, куда складывались наиболее ценимые хозяином вещи.

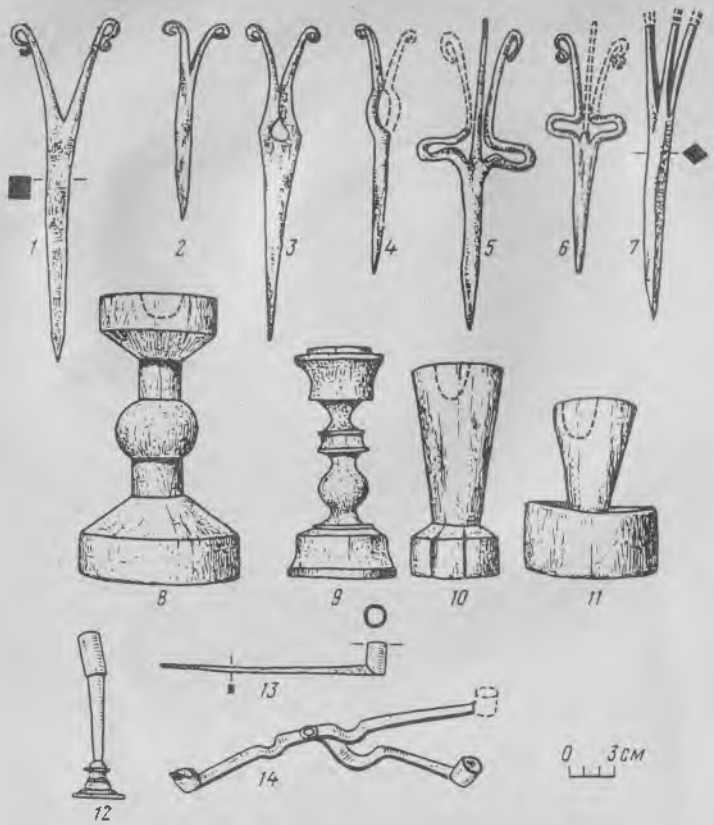


Рис. 11. Осветительные приборы XVII в.
1–7 – светцы; *8–14* – подсвечники.
(См.: *Белов М. И. и др.* Мангазея. – С. 100.)

Одеялами служили часто теплые низкосортные меха, которые сверху иногда покрывали тканью. Источники упоминают «одеяло волчье», «одеяло волчье под китайкою лазоревой»[164]. Меховые одеяла использовались в холодное время года, летом же в ходу были менее теплые «калмацкие с войлоками». Одеяла могли быть самыми разными: «одеяло холодное камчатое», «одеяло кунье под камкою с огоньки», «одеяло лисье красное черевье под камкою травчатой»[165]. Ткани для покрытия одеял, а также для наволочек на подушки использовали яркие, цветные, чаще всего различные китайки. Наволочки украшались шитьем и кружевом, например «наволока большая с кружевом нитяным»[166].

Из центральной части России везли в Сибирь зеркала — немецкие малые, ярославские, ярославские в книжках малых, зеркала створные. В описях имущества встречаются «зеркало стенное большое», «зеркало стенное в рамах черных»[167]. Стало быть, зеркала вешали на стены, ставили на столы и различные подставки. Активный ввоз зеркал в Сибирь позволяет предположить наличие их практически в каждом городском доме.

Интерьер помещений дополняли кадиленки, светильники различного рода, «шандалы железные свечные», в большинстве своем привозные, выполненные искусными русскими ремесленниками[168].

Рукомойники были из металла, попроще и затейливой работы. Среди домашней утвари иркутского посадского человека описан рукомойник «медный, луженый с дву горлышками с кровлею»[169].

Более всего, как уже говорилось, в источниках сохранилось сведений о посуде и вообще кухонных принадлежностях, выполненных из металлов. Глиняной и деревянной посуде, которая несомненно существовала и была популярной, источники почти не уделяют места, ибо она являлась обыденной (рис. 12—14). Тем не менее среди ввозимых в Сибирь товаров отмечено значительное количество деревянных ложек вятской работы. Достаточно отметить, что только в 1653 г. в Томск было привезено 2085 вятских ложек. Ложки и прочие предметы обихода делали и местные ремесленники, но привозные были красивее и, возможно, прочнее. Из деревянной посуды известны также ввозимые из-за Урала красные деревянные ковши, деревянные ставцы, братины, чаши, солонки, различные блюда[170].

Большое распространение получила в XVII в. оловянная посуда. Она поступала в Россию из Англии через Архангельск, затем с прочими товарами завозилась в сибирские города. Металлическую посуду продавали пудами. Среди оловянной посуды, бытовавшей в Сибири, можно назвать блюда, тарелки, стаканы, кружки и кружечки. В домашнем имуществе томского сына боярского П. Собанского значились среди прочего 10 оловянных блюд. Оловянная посуда имелась и в домах богатых горожан, и в хозяйствах среднего достатка[171].

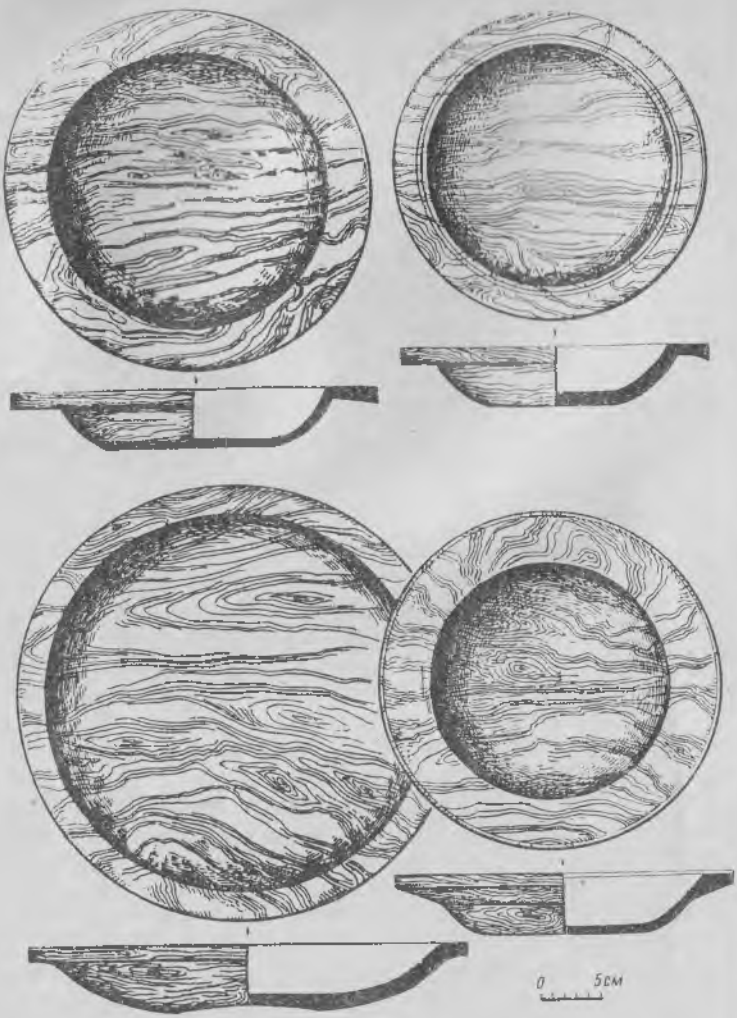
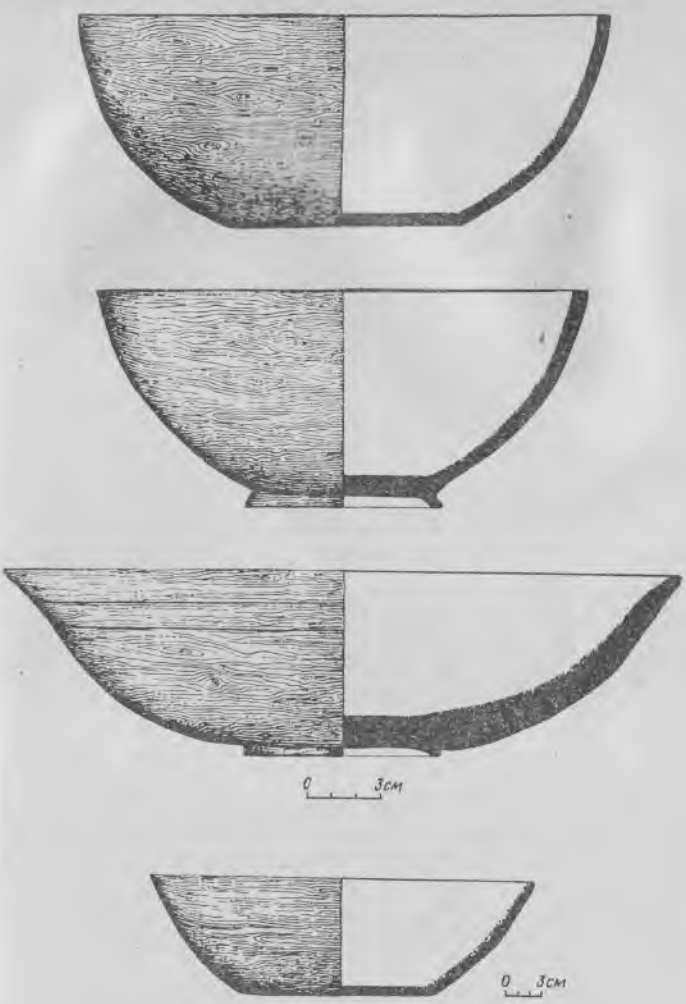


Рис. 12. Деревянная точеная посуда: блюда и чаши.
(См.: *Белов М. И. и др.* Мангазея.— С. 109.)

Из меди в XVII в. делали преимущественно кухонную утварь — котлы, тазы, сковороды, кувшины и т. п. Такая же посуда изготавливалась и из железа. Часто встречались котлы и котлики красной и зеленой ме-



ди, медные горшки, тазы железные и медные, ендовы и сковородки. Большие котлы, как правило, были рассчитаны на ведро, малые — на полведра («котлик маленький, поменьше пол ведра»). Железные котлы использовались для варки пива, браги, блинные сковороды и другие принадлежности — для приготовления пищи и питья[172]. Кетский служилый казак Карпунка

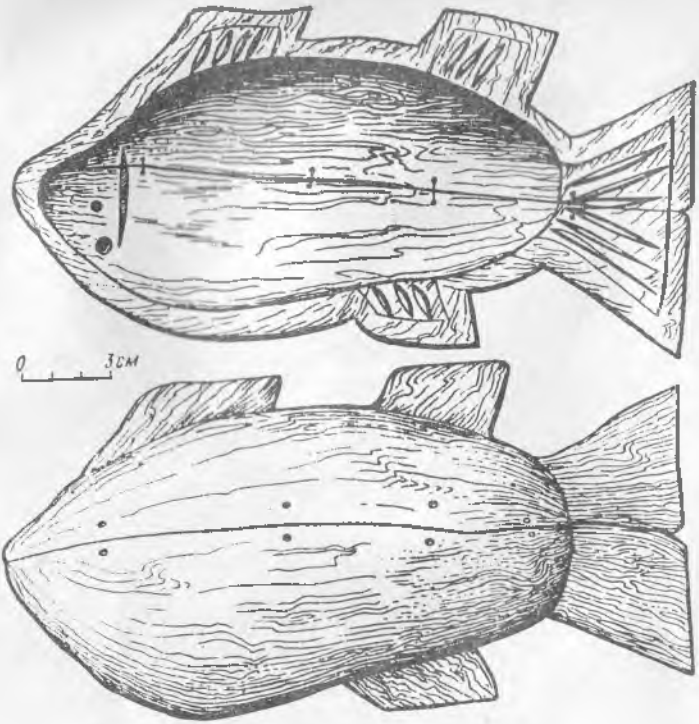


Рис. 13. Резная посуда.
(См.: *Белов М. И. и др.* Мангазея. – С. 105).

Федоров Новокрещен в 1645 г. в своей челобитной писал, жалуясь на притеснения местного воеводы: «...и дворишко и посудишко свои позакладывал». Чтобы добыть необходимые ему 30 руб. К. Новокрещен вынужден был заложить наиболее ценное — двор и металлическую посуду[173].

Золотая и серебряная посуда считалась роскошью, ею могли пользоваться только представители господствующего класса. В Сибири в воеводском обиходе, а также у некоторых очень зажиточных горожан имелись среди утвари серебряные вещи. Высоко ценились также медные предметы сервировки стола, сделанные искусными мастерами и украшенные финифтью или иной отделкой. У красноярского сына боярского И. Злобина среди столовой утвари имелись «ножик да вилки, припои медные с финифтью»[174]. Редкостью было стекло (рис. 15).

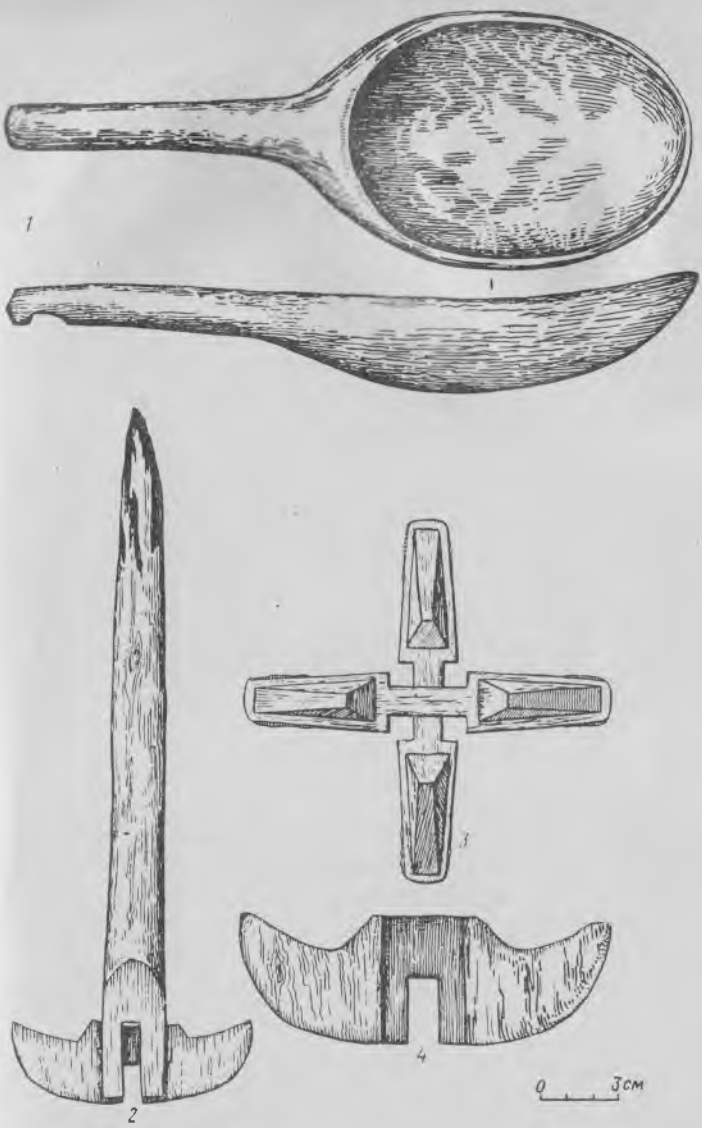


Рис. 14. Кухонная утварь.
1 – уполовник; *2, 3* – мутовки; *4* – деталь составной мутовки.
(См.: *Белов М. И. и др.* Мангазея. – С. 105).

Рис. 15. Штоф XVII в.
(См.: *Белов М. И. и др.* Мангазея.— С. 49).

Сибиряки ценили красивые вещи, берегли их, передавали по наследству. При утрате пожитков искусно выполненные предметы утвари подробно описывали с упоминанием всех деталей.

Домашняя утварь сибиряков, особенно людей с достатком, в целом соответствовала предметам обихода, бытующим в центральных областях государства. Недостаток местного производства восполнялся общим ввозом «русских товаров».

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Всякая деятельность нуждается в регламентации времени. В источниках XVII в. порой встречаются прямые указания на определенный час суток, точную дату. При разборе в Сибирском приказе в 1642 г. повседения одного из московских целовальников в источнике записано, что «... 1 генваря... в другом (во втором.— *А. Л.*) часу ночи боярину... извещал сторож...»[175]. Однако это деловые бумаги, что же касается повседневной жизни,

то даже в городах часы в ходу были далеко не у всех, хотя часовщики, состоящие на казенном жалованье, отмечены во всех более или менее крупных городах Сибири. За пределами города, конечно же, время определяли не по часам. В описании похода Я. Тухачевского источник указывает, что пришел Тухачевский «под чатский городок на утренней заре» и, судя по тексту, прошло достаточно времени (успели разбить лагерь, военачальники в юрте попировали), прежде чем «дождались солнечного восходу»[176]. Такие же условные определения употреблялись в обыденной жизни и для обозначения дат, например: «в прошлом году... в Филиппов пост», «за неделю до масленицы», «после дни осеннего», «перед масляным заговением» и т. п.[177] В данном случае отсчет велся от дат церковного календаря, отправными точками служили праздники, посты, дни святых.

По заведенному на Руси порядку дневная деятельность начиналась в глубокой ночи утренним богослужением. В летнюю пору на заутрени приходились другие часы, так как летние ночи короче зимних. По свидетельствам 1609 г., «рассветом» называлось время за два часа до действительного рассвета. Существуют утверждения, что русские начинали день, или счет дневных часов, с восхода солнца. Есть свидетельства, что московские дворяне с восходом солнца летом вставали, а с первого часу дня присутствовали в царской думе, стало быть, первый час дня отсчитывался после восхода солнца. Время от первого часа дня до полудня называлось «обед». Этот час иногда совпадал с обедней. На протяжении XVII в. утренние термины претерпели некоторые изменения, четвертый час дня считался уже ранним. После полудня начиналось так называемое полуденье. Пятнадцатый час дня считался «по вечерни, перед вечером». Русский час был единомерен с западно-европейским[178].

В сибирском городе просыпались рано — световой день использовали целиком. Сутки делились на ночные и дневные часы, зимние и летние. В челобитной тобольского подьячего от 1640 г. говорится: «...во все дни... с утра, и под обед, и под вечер, и в вечеру, летнею порою в час ночи, а зимнею порою часу в пятом и в шестом, как дьяки из приказу выйдут...»[179].

По окончании дневных и ночных часов подавался знак ударом колокола или каким-либо другим способом. Колокольным звоном отмечалось утро[180]. Начиналась деловая пора. В это время город пустел: «в де-

ловую пору... люди разойдутся на пашни, на рыбную ловлю...»[181]. Представители администрации направлялись в съезжую избу, торговцы — в лавки, ремесленники — в мастерские. К полудню деятельность в городе прекращалась, наступало время обеда. После обеда предполагался довольно длительный отдых — сон. Олеарий в своих записках отмечал, что «русские люди высокого и низкого звания привыкли отдыхать и спать после еды в полдень. Поэтому большинство лучших лавок в полдень закрыты, а сами лавочники и мальчики их лежат и спят перед лавками. Вельмож и купцов в то же время из-за полуденного отдыха нельзя говорить ни с кем»[182]. Обычай послеобеденного сна восходит по крайней мере к XVI в., а то и ко временам еще более ранним[183].

Этот принятый в Русском государстве распорядок дня был характерен и для Сибири. В одной из нарымских отписок можно прочесть: «... и я, сирота твой, в тое пору в полдень спал, ничего того не видел». Ужинали в Сибири, по многим свидетельствам, засветло. Так, жители Сургута, «...отужинав засветло... пошли из двора... к казачьему сыну в дом к Стеньке Добрынину пива пить»[184]. Часто до глубокой ночи горожане ходили из дома в дом в гости, где велись шумные застолья. Город не сразу успокаивался, не сразу засыпал. В экстренных ситуациях ночную тишь мог прервать колокол, призывая горожан собраться. Ночной звон сполошного колокола сулил тревогу или беду — смуту, пожар или иные неординарные события. Когда же колокол молчал, город мирно спал до начала «деловой поры».

Горожанин не ограничивал свое пребывание только домом, местом службы или работы, обязательными посещениями церкви, участием в административных мероприятиях. Улицы, площади городов ежедневно являлись местами встреч, обсуждений насущных проблем.

Из сибирских документов и воспоминаний путешественников известно, что в сибирских городах на улицах чаще всего была непролазная грязь, особенно весной и осенью. Воеводская администрация по мере возможности пыталась благоустроить город. В Мангазее, например, съезжая изба стояла в самом центре города, непосредственно около соборной церкви. Для мирского хода здесь были сделаны «мостки для воды» и положены судовые доски, по которым «ходили люди в съезжую избу, а доска была втоптана в грязь»[185]. В 60-е гг. тобольский воевода Годунов возложил на пеших казаков и крестьян

обязанность «в остроге по улицам собирать пропащую скотину, кобыл и коров и телят и свиней и собак мертвых»[186].

В зимнюю пору действовали пролубщики, которым вменялось в обязанность следить за состоянием прорубей на реках, а также очищать от льда и снега мирские колодцы. В Томске в 80-е гг. XVII в. в пролубщики были определены ссыльные. Им предписывалось «делать пролуби по Ушайке и по Томи реке по вся дни очищены б были, где воду черпать, особные пролуби платье мыть, особи еще... водопойные... а делать пролуби везде с порогами, да им же (пролубщикам.— *Л. Л.*) по берегам везде по Ушайке и по Томе по малым взвозам ступени подсекать по которым местам к воде скотины поить гонют и по воду и платья мыть на реку ходят».

Зимой улицы основательно заносило снегом. Когда нарымский воевода шел с женой в храм к заутрене, обедне и вечерне, то «велел перед собой дороги чистить» от снега[187]. Городское благоустройство оставляло желать лучшего, но это отнюдь не мешало горожанам собираться на улицах для обсуждения последних новостей и волнующих событий. Обычно народ скапливался у съезжей избы, у входа в церковь, у городских ворот, на торге. В Нарыме воевода именно «у храма и у Спасских ворот» пытался привлечь на свою сторону различные слои населения[188]. Нарымчане часто ходили молиться к образу Спасителя на воротах, и здесь же, у городских ворот, начинался обмен мнениями, обсуждались наболевшие вопросы, рождались порой самые невероятные слухи. Поэтому в нарымских документах часто встречаются записи такого рода: «...пошел молиться с торговыми людьми к Спасскому образу на воротах», «...и как пришел он с вечерни, и стал с товарищи своими у ворот»[189].

Местом сборищ служили и городские площади. Здесь же, на центральных площадях, устраивались писцы для так называемого «площадного письма». Это право было отдано на откуп — «на площади вместо неграмотных людей руку прикладывать»[190]. На местах «площадного письма» составлялись различные документы: жалобы, купчие крепости, долговые расписки; возможно, писались и личные письма. Нередко на площадях стихийно собиралось местное общество, и тогда «учинялся большой шум». В 40-е, смутные для нарымчан годы источники часто отмечают, что служилые люди «кричали на площади»[191].

Основным местом для обсуждения городских насущных проблем служили церковные трапезные. На Русском Севере церковные здания служили не только религиозным целям, но и мирским общественным нуждам. Церковная трапезная была местом собрания волостных сходов, отправления правосудия и совершения всякого рода официальных актов и частных сделок. Там же происходили иногда и трапезы в буквальном смысле слова, мирские собрания с угощением в складчину[192]. То же и в Сибири: церкви, расположенные на посадах сибирских городов, выполняли функции общественных зданий, где собирались жители для обсуждения наболевших вопросов, для сбора в каких-то экстренных случаях и просто для общения. Источники XVII в. сохранили достаточно примеров такого использования в Сибири церковных трапезных.

В Мангазее в 30—40 гг. местом сходок мангазейской мирской общины служила трапезная церкви Успенья на посаде, построенная и содержавшаяся самими торговыми и промышленными людьми и служившая им приходской. Помещение это отапливалось состоящими при нем трапезниками[193]. В Нарыме горожане также собирались в трапезной церкви: «...после того мы Юрья звали в трапезу для твоего государева дела... и тут стояли все служилые люди и нарымские и сургутские...»[194]

При возведении в Тобольске на нижнем посаде Богоявленской церкви неподалеку от лестницы Базарного ввоза в 1685 г. жители этого прихода решили взамен небольшой летней временной церкви построить каменную. При этом они требовали, чтобы у новой церкви была большая и удобная трапезная, мотивируя это тем, что «...всем городским людям горням и подгорным, приезжим и всех чинов людям в зимнее время было прибежище, для того, что бы та церковь близ площади на базаре беспрестанно и безвыходно в трапезе греются». При строительстве новой церкви требования прихожан были учтены, и при сравнительно небольших размерах вновь построенной церкви она имела большую трапезную. Между трапезной и храмом навесили массивную дверь, которая закрывалась в те часы, когда не было службы. Трапезная же оставалась открытой и служила убежищем для торговцев и посетителей базара[195].

Аналогичным образом использовались церкви и в других городах Сибири, особенно зимой, по холоду и непогоде. Мирской сход томичей в бурном 1649 г. состоялся в Богоявленской церковной трапезной после обед-

ни[196]. Таким образом, явление это было распространенным и общепринятым для Сибири.

Местом шумных сборищ, накопления и распространения сплетен и слухов были торги. Сюда съезжались торговцы всех рангов из самых разных уголков страны и Средней Азии. И об Устюжском восстании 1648 г. томичи узнали «на торгу под горою»[197].

Не только в военных походах, торгово-промышленных занятиях, хлебопашестве, рыболовстве, охоте проходила жизнь горожан. Вполне естественно, что у различных категорий и социальных слоев населения и количество свободного времени, и возможности его использования были разными. Воеводская администрация и служилая верхушка использовали свой досуг иначе, чем рядовые казаки или недавно обосновавшийся в городе «гулящий» люд.

Колокольный звон несколько раз в день собирал прихожан на церковную службу. В обычные дни полагалось звонить в один колокол, а в праздники во все колокола. В будни повседневная деятельность отвлекала горожан от посещения храма, но праздничные службы собирали множество людей. В документе 1642 г. читаем, что служилые люди «в Томский город поспеша пришли на праздники Рождества». Кроме церковной службы, в такие дни городская верхушка и рядовые горожане устраивали пиры. У томского сына боярского, например, на Николин день был пир, на котором присутствовало много гостей, и среди них не только томичи, но и нарымчане, временно находившиеся в Томске[198]. На пирах пили, «похвалялись», спорили. Иногда дело доходило до конфликтов, в результате которых возникали дела о драках, оскорблениях и даже «измене». Так, в Березове в 1624 г. во время торжественного обеда в доме у воеводы Федора Козловского собрались гости по случаю праздника Введения Богородицы в храм — попы местных церквей, игумен, архиепископский десятник (явно лицо приезжее), атаман служилых людей и рядовые казаки. В результате появилось дело: один из гостей, поп Василий, обвинялся в том, что он хотел принять чашу с вином за здоровье патриарха через стол, тогда как ему полагалось выйти из-за стола[199]. Это нарушение этикета вылилось в целую историю с разбирательством в Сибирском приказе.

На воеводском дворе по большим праздникам устраивалось угощение. Известно, что мангазейский воевода Кокарев в первый день Рождества угощал у себя на дво-

ре обедом торговых людей. Накануне Рождества в горнице у жены воеводы служили всенощную, приглашены были именитые торговые люди, приехавшие в это время в Мангазею, местный таможенный голова и другие гости[200].

Пышно отмечались и дни рождения членов царской семьи. В соборной церкви служили торжественный молебен во время обедни за здравие царской семьи. Отсутствие на таком молебне было крайне зазорно даже для рядового служилого, тем более присутствие считалось необходимым для представителей администрации. Малейшее отступление от ритуала в такой день могло рассматриваться по категории «слова и дела государева» и нередко служило поводом для сведения счетов среди представителей оппозиционных группировок из воеводского окружения[201]. На дни царских именин, как и на другие праздники, в съезжую избу приходили со святой водой, и здесь же, в съезжей избе, священник с певчими пели молебны. В мангазейской городской смете учитывались расходы «на праздники и на государские ангелы, на которые приходили в съезжую избу со святыми водами и на молебны крылошаны»[202]. В Нарыме «в день ангела царицы и великие княжны... ходил поп Яков с теми приставы и с томскими служилыми людьми к церкви к Покрову св. Богородицы к вечерни...». Даже находящиеся под арестом («за приставы») были обязаны присутствовать в такие дни на богослужении. Именины членов царской семьи особо отмечались среди городской администрации и духовенства. На день ангела царевича Алексея Михайловича у тобольского архиепископа «пировали сряду два дня»[203]. Подчас пребывание за праздничным столом предпочитали посещению церкви: «Ино, государь, у обедни стоять болен, а пировать здоров,— писал в своей челобитной нарымский воевода с обидой на тобольского воеводу. Не пить вина «за государево здоровье» считалось великим преступлением. «...Пришел с Москвы в Тобольск служилый человек и сказал, что на Москве государя царевича объявили... и служилые обрадовались и молили бога и для государева здоровья били челом о погребе». Когда же тобольский голова сказал, что пить не может, сославшись на пост, это заявление послужило поводом к его обвинению в «измене», а также к навету на тобольского воеводу, который снисходительно заметил: «Дорогое де и дело, что голова не пил вина по государя царевича здоровье»[204]. Представители местной городской воеводской и церковной admini-

страции не упускали повода, чтобы отправиться в гости или пригласить «к себе хлеб есть»[205].

Праздновали горожане внутрисемейные даты, связанные со свадьбами, крестинами, именинами. Собирали народ и на поминки[206]. Размах этих мероприятий и количество гостей находились в прямой зависимости от социального статуса и имущественного положения. Нарымский воевода Скобельцын, несмотря на то что находился в это время под следствием в Томске, пышно отмечал именины своей дочери Мавры. За столом среди приглашенных сидели священник томской Богоявленской церкви Сидор, дьячок Ларка, пономарь Андрей и другие гости, и «как пошел пир навесело», так воевода стал хвастать, что умеет ворожить, чем немало смутил своих дворовых людей...[207].

Нарымский подьячий Афанасий также при большом стечении народа справлял в своем доме именины, куда были приглашены и жены «прожиточных казацких людей»[208].

Конечно, не всегда домашние торжества заканчивались печально — драками, ссорами и т. п. Но дело в том, что только в связи с совершаемыми неблаговидными поступками на подобного рода мероприятиях сведения о них попадали в Сибирский приказ. Поэтому может сложиться мнение, что сибирские горожане совершенно погрязли в склоках, пьяных дебошах. Естественно, что обращали на себя внимание прежде всего действия, совершенные в среде воеводского окружения, администрации города; именно здесь во время застолья сводились нередко личные счеты. На пирах у нарымского воеводы, по словам горожан-челобитчиков, «живут драки многие и он (воевода.— *А. Л.*) ездит по пирам и у себя их заводит». Томский сын боярский Я. Тухачевский, обвиняя местных воевод, писал, что они «киргизскую добычу» норовят «проесть и пропить на обедах»[209]. Действительно, пиры заканчивались подчас не только курьезными случаями, но и трагически. В 1622 г. на пиру у подьячего С. Рукина томский воевода князь И. Шаховской убил толмача О. Туполева «своими руками неведомо про что»[210]. Ехавший с Верхотурья с государевыми грамотами в Пелым Дмитрий Ворошилов в дороге попал в гости к местному попу. Во время застолья разыгралась сцена, когда один из гостей «учал Митьку бранить и через стол доставать и за волосы драть, и Митька обороняся от себя, ухватя церковный ключ ударил»[211].

В праздничные дни устраивались городские гулянья с игрищами, выступлениями скоморохов. Одним из доступных развлечений молодежи были качели. На Рождество и Богоявление колядовали с переодеванием, пением, розыгрышами. Все это действо сопровождалось игрой на гуслях, домрах, волынках. Подобное времяпрепровождение официально осуждалось церковными и воеводскими властями. В 1649 г. верхотурский воевода в отправленной им в Ирбитскую слободу памяти приводил все возможные проявления «непристойного» поведения горожан и слободчан: «...в Сибири, в Тобольску и в иных сибирских городах и в уездах, мирские всех чинов люди, и жены их, и дети в воскресенье и в Господни дни и в Великих Святых... к церквям божьим не ходят, и умножилось в людях... бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми... многие люди скоморохам последствуют, на безчинное их прельщение ходятся по вечерам на позорища, и на улицах, и на полях богомерзких их и их сквернных песней и всяких бесовских игр слушают, мужского и женского полу... медведей водят и с собачками пляшут, и зернью, и карты и шахматы и лодыги играют... и на святой недели женки и девки на досках скачут. На Рождество же (вечером) и на Васильева дни, и Богоявление клички бесовские кличут... загадки загадывают и сказки сказывают небылые... накладывают на себя личины и платье скоморошеское...»[212].

Горожане часто играли в азартные игры. Зернь (игра в кости) и карты были очень популярны в XVII в. За игрой проводили немалое время не только славившиеся этим занятием гулящие и промышленные люди, которых можно было найти за картами или зернью в торговой бане или кабаке, но и служилая верхушка, представители администрации и духовенства. В челобитных по обвинению сибирских воевод среди прочего зачастую фигурирует игра в кости и карты. Например, нарымского воеводу Скобельцына обвиняли в том, что он у себя «на дворе... держал зернь и карты и запоя обыгрывал многих людей...»[213].

В сибирских городах азартные игры отдавали на откуп. Это становилось важной статьей дохода для казны и откупщиков. Один из документов отмечает: «На Таре служилые люди держат зерни и животишки и оружие свое на зернь проигрывают»[214]. В 1636 г. красноярский воевода писал в Томск, что зернь в Красноярске от откупе «за служилыми людьми за 32 рубля» и «служилые

люди проигрываются зернью, оружие и платье с себя проиграв с Красного Яру бегают. И от той зерни красноярские люди стали скудны, а от зерни унять их немочно, что та зернь в откупе за ними красноярскими служилыми людьми». И хотя опустошения, производимые азартной игрой, думается, несколько утрированы, не приходится сомневаться, что она действительно поглощала все свободное время многих горожан и случалось, что служилые проигрывали свое снаряжение и оружие.

В 1624 г. из Тары в Сибирский приказ поступила просьба об уничтожении «зернового откупа», так как служилые проигрывали свои животишки и «от той зерни чинится татьба и воровство великое и сами себя из самопалов убивают и давятся». Подобные отписки с мест в центральные инстанции всегда несколько сгущали краски, но в определенной степени отражали и действительное положение дел. Заядлые зернщики умудрялись даже в такой почитаемый праздник, как Рождество, проводить время в торговой бане за игрой в зернь и карты[215]. Широкое распространение в сибирских городах карт подтверждают таможенные книги, на страницах которых постоянно отмечается ввоз карт в Сибирь.

К ноябрю 1701 г. в Тобольске и слободах Тобольского уезда в учреждениях таможенного управления находилось «в остатке» 115 дюжин карт. О потребности в картежной игре дают представления так называемые «картенные книги», сохранившиеся по Тобольску за 1701—1704 гг.[216].

В 1668 г. в Тобольске разбиралось дело по извету банщика о поимке зернщиков, служилых казаков, игравших в карты в государевой бане. Пойманные, однако, были челом с просьбой отдать им зернь и карты на откуп, уверяя, что «без зерни в Тобольску преж сего и николи не бывало и впредь не будет» и что они уже более 10 лет «промышляют карты и зернью», дают играть желающим, беря с игроков «по 2 деньги с кону»[217].

Несмотря на широкое распространение азартных игр, подобное времяпрепровождение хотя и было привычным для сибиряков, тем не менее не приветствовалось и считалось отклонением от принятых норм поведения. Когда Г. Подрез (бывший патриарший стольник, служивший ранее в Литве и сосланный в Сибирь за волшебство) с размахом организовывал в местах своей ссылки «воровство» — заводил «пиво и брагу и калмацкий шар, именуется табак... и держал у себя блудных

воровских женок», все это вызывало немедленные и громкие протесты сибирских миров[218].

Неправедное поведение всегда осуждалось в официальных документах различного назначения, будь то челобитная, отписка или «крепость». При составлении договорных записей о найме или поступлении в ученики к ремесленнику всегда оговаривалось, что работник или ученик должен не только «всякую работу работать без всякого ослушания», но и «не пить и не бражничать, зернью и карты не играть и по квасным не ходить»[219]. В этой распространенной формулировке отражалось стремление к утверждению определенных норм поведения, считавшихся правильными с точки зрения общественной и христианской морали.

ГРАМОТНОСТЬ

В России уже в XVI в. стали заметны успехи просвещения. Их результатом можно считать довольно значительный уровень грамотности, достигнутый к XVII в. Если в первой половине XVII в. встречались даже неграмотные воеводы, то во второй половине века это стало невозможным. Высок был процент грамотности среди купечества, все более расширяющая деятельность которого требовала определенных знаний. В не меньшей степени это относится и к представителям растущего государственного аппарата. Расширения и углубления образования требовали и внешнеполитические задачи, поэтому образованными для своего времени людьми были дипломаты и члены их миссий. Была заинтересована в просвещении и церковь, которая также нуждалась в грамотных служителях культа[220].

Знающие грамоту люди встречались уже среди первопоселенцев — служилых, промышленных и торговых людей, посадских и даже крестьян. Об этом свидетельствуют «рукоприкладства» (росписи) на различного рода документах[221].

Еще раз обратим внимание на то, что среди жителей Сибири было немало ссыльных, раньше занимавших видные посты. Подавляющее большинство таких новопоселенцев не только были образованными сами, но знали грамоту и члены их семей. Например, до ъ сосланного в Кузнецкий острог Андрея Бернадского Федора посылала в Тобольск архиепископу челобитные, написанные ею самой по-польски[222]. Вольные же переселенцы, попав-

шие в Сибирь «своей охотою» выходцы из семей посадских, ремесленников и торговцев, также нередко знали грамоту и элементарный счет, так как эти знания были необходимы в сфере торгово-промышленной деятельности.

В сибирских городах, по-видимому, имелась возможность давать детям начальное образование. На рынках сибирских городов XVII в. наряду с книгами богослужебного характера продавались и учебники: грамматики, азбуки, псалтыри, часословы. Спрос на «учильные» книги особенно повысился в конце XVII — начале XVIII в. Обратив на это внимание, Сибирский приказ стал закупать учебную литературу в Москве и посылать ее сибирским воеводам «для продажи с прибылью». В феврале 1703 г. в Верхотурье было послано из центра 300 азбук, 100 часословов и 50 «учильных псалтырей». Примечательно, что через год в Верхотурской смете вновь отмечался спрос на азбуки. Как строился процесс обучения детей, к сожалению, по сибирским источникам выявить крайне сложно. Конечно же, прежде всего он был связан с православной церковью. Уже в 1637 г. тобольский архиепископ Нектарий просил подыскать «у всяких чинов людей детей, которые грамоте учены и голоса добры» для проведения церковных служб[223]. Получать начальное образование могли не только дети жителей главного города Сибири Тобольска, но и других городов. Подтверждением тому возросший уровень грамотности среди представителей старожильческих фамилий сибирских городов. Нередки случаи, когда сыновья расписывались («прикладывали руки») за отцов. В начале XVIII в. под одним из документов вместо своих отцов расписались их дети (в том числе и вместо пятидесятника) — Дмитрий Серебряников, Михейко Стрельцов и Степан Лихачев. При этом лишь последний, С. Лихачев, подписался каракулями, остальные «приложили руки» достаточно грамотно и хорошим почерком[224].

Процент грамотных людей среди служилого населения был, несомненно, выше, чем у других слоев горожан. На Таре велено было «...имать тарских служилых людей в подьячие и толмачи грамотных и языщных людей сколько человек пригоже»[225]. Найти грамотного человека в сибирском городе XVII в. не составляло особого труда. Тому можно привести множество примеров. Когда в Нарымском остроге в конце 40-х гг. местный воевода захотел сменить подьячего съезжей избы, то он легко

нашел замену среди служилых нарымчан[226]. А должность подьячего требовала не просто элементарной грамотности, но и умения бегло писать хорошим подчерком — ведь требовалось переписывать множество списков, составлять деловые бумаги. Грамотные люди встречались и среди неслужилого населения. Например, в 1678 г. туринский ямщик самостоятельно подписался под своей челобитной достаточно уверенным почерком[227].

Подписи под индивидуальными и коллективными челобитными или иными документами определенным образом свидетельствуют об уровне грамотности. Однако здесь следует учитывать и то обстоятельство, что зачастую по каким-то, не всегда понятным современному исследователю, причинам вместо заведомо грамотных людей «прикладывали руки» другие лица. Делалось это, несомненно, по договоренности. Или во время подписания бумаги данного человека не оказывалось на месте, или действовали какие-то иные причины, но такие примеры встречаются, и довольно часто.

В Сибири в XVII и в начале XVIII в. существовала практика так называемого «площадного письма». Это значит, что для составления какой-нибудь бумаги надо было обратиться к располагавшемуся на городской площади писцу или подьячему, которым право составлять разного рода бумаги для горожан было отдано на откуп. Составление документов другими лицами не только не поощрялось, но и наказывалось. Площадной подьячий, конечно, не был заинтересован в конкуренции, но дело не в этом. Главное — прохождение всех бумаг через площадного писца способствовало контролю за ними со стороны администрации воеводского управления, ибо всегда существовала опасность, что кто-то напишет жалобу в центр на местные власти. Несмотря на этот контроль, среди документов Сибирского приказа встречаются челобитные из Сибири, написанные безграмотно, явно не профессиональным почерком.

Если для первой половины XVII столетия среди служилой верхушки г. Томска можно выявить явно неграмотных людей*, иногда довольно известных военно-по-

---

* Неграмотным был томский пятидесятник Степан Тимофеевич Бабарыкин, не раз бывавший в Москве в Сибирском приказе. Среди пятидесятников неграмотными были Корнил Власов, Федор Свиридов, Иван Толстой, Алексей Молитвин, Матвей Ненашев. Известно, что татарский голова Василий Старков, дипломат, представитель военной администрации, «грамоте не умел».

литических деятелей, то к XVIII в. такие случаи уже составляли исключение.

О распространении грамотности в определенной мере можно судить и по все возрастающему спросу в сибирских городах на книги, писчую бумагу, чернила и даже на стекла для очков[228].

В семьях представителей администрации и лиц, связанных с делопроизводством, существовали свои традиции — дети даже дальних родственников в таких «семейных кланах», как правило, получали образование*. Старались научить грамоте своих детей и представители других слоев горожан. В качестве иллюстрации можно привести пример с семьей старожилов Томска Шанауриных (Шанаура). Иван Шанаурин записан в томских документах первой половины XVII в. как гулящий человек, затем определен источниками как кожевник. Деятельность кожевников Шанауриных во второй половине столетия достигла уровня товарного производства. Детей своих Иван Шанаурин смог обучить грамоте, так как доподлинно известно, что сын его, Борис Иванов Шанаурин, выполнявший обязанности казенного пушкаря, был грамотен.

Не только развивающиеся города остро нуждались в образованных людях — деятельность Сибирского приказа по освоению и приписку пахотных угодий, строительству новых острогов, поиску полезных ископаемых требовала все больше знающих и грамотных специалистов. Грамотные сибиряки были в почете у администрации и самих горожан.

---

* В Томске грамотным был конный казак Иван Колесников, родственник подьячего Антона Колесникова. Хорошо владели грамотой сын боярский Петр Лаврентьев, племянник подьячего Григория Лаврентьева, Петр Молоков, родственник подьячего Ивана Молокова, Игнатий Сапожков, определенный источником как «томский житель», родственник подьячего приказной избы Федора Сапожкова, также был грамотен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для Сибири XVII в.— это период возникновения и развития городов, формирования городского населения. На огромной, еще малонаселенной территории города, возникнув как форпосты освоения края, становились торгово-ремесленными и культурными очагами. Из этих центров сосредоточения населения шел процесс освоения региона: отстраивались слободы, возникали деревни, заимки, разрабатывались сельскохозяйственные и промысловые угодья.

Массовое переселение за Урал в результате вольной колонизации, ссылки (политической, уголовной, а также пленных), административных мер по переводу в Сибирь лиц служилого сословия явилось по своей сути трансмиссией культуры на иную почву, в иные условия жизни. Устоявшиеся формы культуры переносились в новую военно-политическую, социально-экономическую, экологическую и этническую среду. Этот процесс осложнялся тем, что в освоении края принимали участие люди различных социальных слоев, принадлежащие к разным этническим группам. Их мироощущение складывалось под воздействием той культурной среды, в которой происходило становление их личностей. Попав по тем или иным причинам в Сибирь, они нередко меняли свои жизненные позиции, а подчас и род деятельности. Гулящий человек, перемогавшийся случайными заработками, становился служилым казаком; пленный рядовой «литвин» благодаря своим военным навыкам занимал командную должность, пополняя ряды местной «аристократии» — детей боярских; выходец из многодетной посадской семьи организовывал ремесленный промысел, в котором так нуждалось население сибирских городов и деревень.

Это внедрение осуществлялось не на необитаемую землю, а на территорию, уже освоенную людьми иного образа жизни — аборигенами края. В результате шел сложный, противоречивый процесс усвоения коренными

народами элементов русской культуры и неизбежного обратного воздействия — влияния местных культур на хозяйственную деятельность и быт переселенцев.

Поскольку речь идет о довольно значительном промежутке времени, то, вероятно, можно поставить вопрос и о межпоколенной трансмиссии накопленного и усвоенного опыта жизни в сибирских условиях. Второе и тем более последующие поколения переселенцев (теперь уже старожилы) становились носителями уже измененной, преломленной на сибирской почве культуры. Этот процесс дополнялся тем, что связь с метрополией не только не прерывалась, но — с развитием путей и средств сообщения, торговли, ростом административного аппарата — усиливалась. Активно действовали каналы общения с европейской частью страны. С постоянно идущим потоком новых людей в Сибирь проникали новые идеи, поступала информация самого разного характера. Второе поколение сибиряков усваивало и то, что передавали им их отцы, и все новое, пришедшее из-за Урала. Подобная передача осуществлялась на уровне каждого поколения.

Материальная культура аборигенов с присущей ей стагнатностью была лаконична по своей природе. Она легко усваивалась новоявленными сибиряками и транслировалась новым поколениям. Эволюцию, движение по восходящей обеспечивала европейская часть страны. И по целому ряду параметров Сибирь в XVII в. не только не отставала от метрополии, но и шла впереди. Прежде всего это касается темпов экономического развития и предпринимательства, чему на первых порах способствовала и меньшая феодальная регламентация, и менее развитая по сравнению с Европейской Россией административная система.

Сибирский город приобрел специфику, отличающую его от городов европейской части государства, а явления, происходящие в сибирских городах,— от аналогичных явлений в городах по ту сторону Урала. Это справедливо для всех сторон жизни. Нельзя не отметить особенностей экономического развития, обусловленных наличием богатейших природных ресурсов (свободные земли, пушнина и т. п.), отсутствия на первых порах строгой социальной стратификации общества, или, скорее, игнорирования самим обществом жестких рамок в этой сфере, наконец особой этнической окраски сибирского города. Все это не могло не сказаться на быте сибирских горожан, на их материальной и духовной куль-

туре. Какую бы из граней повседневной жизни мы ни рассматривали — деловую практическую деятельность, семейные отношения, жилище, одежду, пищу, — наряду с закономерностями, характерными для городов центра страны, Поморья, Поволжья, Предуралья (т. е. тех мест, откуда активнее всего шел приток людских ресурсов в Сибирь), можно отметить и ряд присущих Сибири особенностей.

Состав населения сибирских городов был достаточно пестрым. Этническая разнородность из-за присутствия среди жителей коренного населения региона, ссыльных выходцев из западной и южной областей Европы и приезжих, но годами живущих торговцев из Средней Азии имела следствием взаимопроникновение культур. Отсюда не раз отмеченная в источниках XVII в. веротерпимость, приятие и усвоение чуждого на первых порах образа жизни. Люди в Сибири в большей степени оценивались по той реальной пользе, которую они приносили обществу, будь то казаки, торговцы или ремесленники. Состояние в рядах служилого сословия уравнивало и бывшего пленного «шляхтича», и новокрещенного остяка или татарина, ибо теперь все они становились государевыми служилыми людьми. Конечно, это не снимало социальных противоречий, имущественного неравенства, наличия межсословных группировок и т. п.

Внесословные отношения в должной мере отразились и на расселении жителей в черте города. Наряду с существованием старожильческих районов с более или менее однородным по социальной принадлежности населением, а также появлением сравнительно новых мест застройки (татарские и бухарские юрты) соседство оставалось достаточно пестрым, что постоянно усугублялось бессистемной куплей и продажей городских усадеб.

Что касается семейного строя, то в городах Западной Сибири доминирующее положение оставалось за малой двухпоколенной семьей. Существование больших патриархальных и братских семей диктовалось в значительной степени необходимостью, связанной с освоением сельскохозяйственных угодий или организацией промышленных промыслов. Такие семьи не были стабильными и распадались в конечном счете на нуклеарные семьи. Широкое распространение получила в Сибири семейно-родственная кооперация, основанная на совместном владении недвижимостью. В основе этого явления также кроются причины социально-экономического ха-

рактера: трудоемкость освоения пахотных земель, нехватка рабочих рук и денежных средств.

В сфере материальной культуры можно заметить несомненную преемственность сибирскими старожилами русской «европейской» культуры в сочетании с некоторыми региональными особенностями. В усадьбах горожан Западной Сибири наблюдается больше соответствий со строительными традициями центральной полосы России, чем Русского Севера; в целом жилым комплексам сибирских городов были присущи характерные черты построек различных областей европейской части страны.

Утварь, предметы обихода, одежда сибиряков были очень разнообразны и во многом зависели от ассортимента ввозимых в Сибирь и пользующихся здесь спросом товаров. Предметы обихода, и особенно одежда и обувь, не избежали как местного аборигенного, так и среднеазиатского влияния.

Питание сибиряков, за минимальным исключением, составляли продукты местного производства. И хотя стол горожанина в Сибири был не столь разнообразен, как за Уралом, тем не менее достаточно обилен и богат белками за счет значительного количества в рационе рыбы и мяса.

Если при изучении социально-экономических аспектов и материальной культуры сибиряков-горожан XVII в. многое проясняется, то в сфере нравов, поведенческих мотивов, механизмов взаимоотношений между людьми остается еще много неясного. Обращение к подобным сюжетам в настоящей работе можно рассматривать лишь как попытку приблизиться к этой сложной тематике, требующей особого подхода с привлечением более разнообразного круга источников.

В малочисленных по сравнению с европейской частью государства городах Сибири на счету был каждый человек. Здесь пристального внимания заслуживал каждый вновь прибывший. Рано или поздно он определялся в жизни и волею или невольно пополнял определенный социальный слой, примыкал к какой-либо межсословной группе. В основе таких межсословных объединений лежал прежде всего личный интерес всех их членов. Могли при этом преследоваться различные цели — продвижение по службе, получение прибыли от торговли или иных занятий. Возможности для этого в Сибири имелись. Проводником этого являлись челобитные горожан, которые встречаются на протяжении всего XVII в. Они составлялись во всех городах по самым разным поводам.

Как правило, их подписывали люди, объединенные одними помыслами. Это были просьбы или обвинения в злоупотреблениях воевод и воеводской администрации, в частности конкретных лиц — дьяков, подьячих, таможенных голов, представителей духовенства. Суть челобитных всегда сводилась (зачастую в завуалированной форме) к отстаиванию личных и межсословных интересов. Челобитные направлялись в центр, нередко с многочисленными делегациями. Поездки в Москву, в Сибирский приказ были чрезвычайно заманчивы, ведь, помимо всего прочего, не упускалась возможность не только побывать в столице, но и реализовать там пушнину. Долгий путь предполагал посещение многих городов, расширение круга общения.

Сибиряки живо откликались на вести, поступавшие из метрополии. Слухи достигали Сибири довольно быстро, а распространялись по сибирской земле еще быстрее. Горожане собирались для обсуждения новостей и других важных событий на площадях, улицах, в трапезных церквей. Здесь кипели страсти, порой высказывались крамольные мысли, возникали группировки по интересам, здесь начинались иногда события, приводившие к смене воевод, военно-политическим действиям, к сложным, годами длившимся разбирательствам в Сибирском приказе.

Не без основания можно полагать, что потомок устюжанина, владимирца или донского казака во втором поколении (тем более последующих) несравненно легче и быстрее адаптировался в любом из сибирских городов и острогов, чем в местах, откуда пришел в Сибирь его отец или дед, если бы ему довелось туда попасть. И если неправомерно выделять особый этнический тип сибиряка, появившийся в результате ассимилятивных процессов, то представляется вполне оправданным вести речь о специфическом для Сибири варианте этнического самосознания и культуры русского старожильческого населения вновь освоенного края. В XVII в. были заложены основы продуктивного и обоюдополезного обмена культурными ценностями между параллельно и взаимосвязанно развивающимися этническими общностями в Сибири. К началу XVIII столетия сибирские горожане-старожилы являлись носителями нового типа сложившейся здесь субкультуры.

ВВЕДЕНИЕ

[1] *Очерки* русской культуры XVII века.— М., 1979.— Ч. 1.— С. 5.

[2] Там же.— С. 10.

[3] *История* Сибири.— Л., 1968.— Т. 2.— С. 55.

[4] *Очерки* русской культуры XVII века.— М., 1979.— Ч. 2.— С. 13—14.

[5] Там же.— С. 16, 28.

[6] Там же.— С. 13.

[7] Там же.— С. 22. Весьма красноречиво это положение иллюстрирует высказывание в челобитной 1668 г. томского сына боярского Якова Тухачевского: «...а говорил он (казак Тимоха Семеный.— *А. Л.*)... дал бы де Яков мне за мои побои ведро вина и дела бы де на него духовное не было» (ЦГАДА, СП, ед. хр. 819, л. 5).

[8] *Ястребицкая А. Л.* Западная Европа в XI—XIII веках.— М., 1978.— С. 5—6.

[9] *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— М., 1978.— С. 282—283.

[10] См., например: *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири.— Новосибирск, 1974.

[11] *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... *Он же.* Очерки материальной культуры русского феодального города.— М., 1988; *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в.— Л., 1982; *Смирнов Д. Н.* Очерки жизни нижегородцев XVII—XVIII вв.— Горький, 1971.

[12] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— М.; Л., 1937—1941.— Т. 1—2.

[13] См.: *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием.— Спб., 1774; *Андриевич В. К.* Исторический очерк Сибири.— Спб., 1886—1889.— Т. 1—5; *Он же.* История Сибири.— Спб., 1889.— Т. 1—2; *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири.— Иркутск, 1884.

[14] *Щапов А. П.* Историко-географические и экономические заметки о сибирском населении // Щапов А. П. Собр. соч.— Доп. том.— Иркутск, 1937.

[15] *Ядринцев М. Н.* Сибирь как колония.— Спб., 1882; *Шашков С. С.* Собр. соч.: В 2-х т.— Спб., 1898.— Т. 1. *Он же.* Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечествен. зап.— 1867.— Т. 174, № 10; *Потанин Г. Н.* Привоз и вывоз товаров г. Томска в половине XVII столетия // Вестн. Русск. геогр. о-ва.— Спб., 1859.— № 12; *Он же.* Памятники сибирской истории XVIII века.— Спб., 1882—1885.— Ч. 1, 2; Он же. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды.— Спб., 1908; *Он же.* Заметки о сибирском казачьем войске // Военный сборник.— Спб., 1861.— № 5.

[16] *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников.— Харьков, 1889; Он же. Мангазея и Мангазейский уезд // Зап. Харьковск. ун-та.— Харьков, 1893.

[17] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1895—1901.— Ч. 1—4; *Он же.* Заговор томской литвы 1634 г.— Киев, 1894; *Он же.* Томский бунт 1637—1638 гг.// Ист.

вестн.— М., 1901.— № 5; *Он же.* К истории томского бунта 1648 г.// Чтения в обществе истории и древностей Российских.— М., 1903.— Кн. 3.

18 *Головачев П. М.* Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.// Тюмень в XVII столетии.— М., 1903; *Он же.* Состав населения и экономический быт Томска в XVII в.// Томск в XVII веке.— Б. м., б. г.; и др.

19 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1952—1959.— Т. 1—4. См. также его статьи «Павел Хмелевский», «Андрей Федорович Палицын», «Мангазейская мирская община». (Бахрушин С. В. Научные труды.— М., 1955.— Т. 3, ч. 1).

20 *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири XVII — начала XVIII в.— М.; Л., 1946; Он же. Географическое размещение сибирского земледелия в XVII веке // Вестн. географии.— М., 1950.— Сб. 20; *Он же.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век).— М., 1956; *Он же.* Вопросы аграрной истории России.— М., 1974. См. также: *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня.— Иркутск, 1949; *Боярщинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды ТГУ.— Томск, 1950.— Т. 112.— С. 23—210; *Сафронов Ф. Г.* Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в.— Якутск, 1956; *Александров В. А.* Русское население Сибири.— М., 1964; и др.

21 *Кабо Р. М.* Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX в.).— М., 1949; *Иоффе Л. Е.* Города Урала.— 1951.— Ч. 1: Феодальный период; *Воробьев В. В.* Формирование городской сети юга Восточной Сибири.— Иркутск, 1958.

22 *Кочедамов В. И.* Строительство Тюмени XVI—XVII вв.// Ежегодник Тюменского обл. краевед. музея.— 1963.— Вып. 3; *Он же.* Тобольск (как рос и строился город).— Тюмень, 1963; Он же. Город Мангазея // Строительство и архитектура.— Новосибирск, 1969.— № 2; *Он же.* Первые русские города Сибири.— М., 1978; *Попов А. И.* Томск, 1959; *Белов М. И.* Первые русские поселения на Таймыре // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва.— 1977.— Т. 109; *Овсянников О. В.* Дом и усадьба в Сибири в XVII в.// Краткие сообщения Ин-та археологии.— 1973.— Вып. 136; *Кириллов В. В.* Проекты «образцовых домов», разработанные С. Ремезовым для Тобольска // Архитектурное наследство.— 1960.— № 12; *Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири: Конец XVII—XVIII в.— Новосибирск, 1979; См. также: *Этнография* русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в. /Под ред. В. А. Александрова.— М., 1981.

23 *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь в XVII—XVIII вв.— Новосибирск, 1962; *Водарский Я. Е.* Численность русского населения Сибири в XV—XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири.— М., 1973.

24 *Громыко М. М.* Развитие Тюмени как ремесленно-торгового центра в XVII в.// Города феодальной России.— М., 1966; *Она же.* Западная Сибирь в XVIII в.— Новосибирск, 1965; *Копылов А. Н.* Русские на Енисее.— Новосибирск, 1965; *Сафронов Ф. Г.* Город Якутск в XVII — начале XIX в.— Якутск, 1957; *Он же.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, торговое население.— М., 1978; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.— М., 1967; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.— М., 1972; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Приртышья в конце XVI — первой половине XIX в.— М., 1976; *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея.— Л., 1981.

25 *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности).— Томск, 1980; *Он же.* Заселение и освоение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху.— Томск, 1981; *Он же.* Город Томск в феодальную эпоху.— Томск, 1983.

26 См., например: *Вилков О. Н.* Социальная структура сибирского города XVII в.// Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.— 1970.— № 6, вып. 2; *Миненко Н. А.* Городовые казаки Обского Севера в XVII в.// Русское население Поморья и Сибири.— М., 1973. См. так-

же: Города Сибири: Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период.— Новосибирск, 1974; *История* городов Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1977; *Города* Сибири: Эпоха феодализма и капитализма.— Новосибирск, 1978; *Сибирские* города XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1981; *Источниковедение* и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в.— Новосибирск, 1987; *Промышленность* Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.) — Новосибирск, 1982; *Проблемы* охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири.— Новосибирск, 1986; *Памятники* быта и хозяйственного освоения Сибири.— Новосибирск, 1989; и др.

[27] *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в.// Труды Томского ун-та.— Томск, 1950.— (Сер. ист.-филол.— Т. 112); *Она же.* Томск в XVII—XVIII вв.// Очерки истории города Томска (1604—1954).— Томск, 1954; *Она же.* Волнения в Томске в XVII в.// Вопросы истории.— 1956.— № 6; и др.

[28] *Бояршинова З. Я.* Крестьянская семья в Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири.— Томск, 1967.— Вып. 3.

[29] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири.— Новосибирск, 1988.

[30] *Никитин Н. И.* Торгово-промышленная деятельность военно-служилых людей Тобольска в середине XVII в.// Проблемы отечественной истории.— М., 1973; *Он же.* Государственное обеспечение Тобольского гарнизона до середины XVII в.// История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.).— Новосибирск, 1977; *Он же.* Торги и промыслы служилых людей в Западной Сибири в XVII в.— М., 1983; *Он же.* О характере расселения и землепользовании служилых людей в Сибири XVII в.// Аграрный строй в феодальной России: XV — начало XVIII в.— М., 1980; и др.

[31] *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк.— Новосибирск, 1975.

[32] *Миненко Н. А.* Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII вв.// История городов Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1977. См. также: *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.).— Новосибирск, 1979.

[33] *Покровский Н. Н.* Томск в 1648—1649 гг.: Воеводская власть и земские миры.— Новосибирск, 1989.

[34] В настоящей работе наиболее часто цитируются следующие документы: ЦГАДА, СП, кн. 11, 154, 204, 251, 359, 438, 490, 566, 594, 747, 755, 868, 930, 979, 1279, 1371, 1408, 1435, 1452. Подробную характеристику томских документов см.: *Люцидарская А. А.* Документы текущего делопроизводства г. Томска XVII — начала XVIII в.// Источниковедение и историография городов Сибири.— Новосибирск, 1987.— С. 71—80.

[35] Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), СП, кн. 1371.

[36] См., например: *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века; *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху; *Он же.* Заселение и освоение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху.

[37] См.: ЦГАДА, СП, стб. 36, 42, 136, 470, 469, 327, 565, 571, 851, 911, а также книги: 659, 819, 1038, 1432.

[38] Там же, СП, кн. 1435.

[39] Там же, кн. 1452, 1494.

[40] Там же, ед. хр. 159, 659.

[41] Там же, стб. 36, 42, 136, 911 и др.

[42] Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг.— М., 1959; *Сборник* документов по истории Бурятии XVII в.— Улан-Удэ, 1960.— Вып. 1; *Русско-китайские* отношения.— М., 1959.— Т. 1.

[43] См.: *Голованов П. М.* Желательный тип сборников материалов для истории сибирских городов XVII в.// Томск в XVII веке.— М.,

1903; Он же. Тюмень в XVII столетии.— М., 1903; *Найденов Н. А.* Тобольск: Материалы для истории города XVII—XVIII столетий.— М., 1885; *Кузнецов-Красноярский И. И.* Материалы для истории Сибири.— Спб., 1897.

ОБЛИК ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ГОРОДА

[1] *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— М., 1978.— С. 22.
[2] *Попов А. И.* Томск.— М., 1959.— С. 13.
[3] *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири.— М., 1978.— С. 15.
[4] Там же.— С. 16.
[5] Там же.— С. 100—101.
[6] *Попов А. И.* Томск.— С. 12.
[7] Там же.— С. 10.
[8] Там же.— С. 12—13.
[9] Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА), ф. 349, оп. 39, д. 2218.
[10] *Попов А. И.* Томск.— С. 13—14.
[11] Там же.— С. 18, 22.
[12] ЦГИА, ф. 349, оп. 39, д. 2218 («План с проспектом города Томска, сочинен в 1748 году»); Центральный государственный военно-исторический архив (далее ЦГВИА), фонд ВУА, ед. хр. 22677 («План г. Томска 1767 года. Составлен геодезии прапорщиком Петром Григорьевым»).
[13] Там же.
[14] *Люцидарская А. А.* Социальная микротопография Томска начала XVIII в.// Сибирские города XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1981.— С. 68—69.
[15] Там же.— С. 71.
[16] ЦГАДА, СП, кн. 1435, л. 381—390, 396—403; кн. 1452, л. 318, 322, 336, 405 и др.
[17] *Люцидарская А. А.* Социальная микротопография Томска... — С. 70—71.
[18] Там же.— С. 71, 76.
[19] ЦГАДА, СП, кн. 1435, л. 374—379об.
[20] Там же; *Люцидарская А. А.* Социальная микротопография Томска... — С. 68—69.
[21] ЦГАДА, СП, кн. 1435, л. 379об.— 381; кн. 1452, л. 314.
[22] Там же, л. 381—390об.; кн. 1452, л. 314.
[23] Там же.
[24] Там же, л. 390об.— 392.
[25] Там же, л. 396—401об.
[26] Там же, л. 397—398.
[27] *Люцидарская А. А.* К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в.// Города Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 66— 76.
[28] ЦГАДА, СП, кн. 1435, л. 401об.—403; кн. 1452, л. 302—302об.
[29] Там же, кн. 1435, л. 403—407.
[30] Там же, кн. 1435, л. 403—407; кн. 1452, л. 34об.
[31] Там же, кн. 1435, л. 407—407об.
[32] Там же, л. 408об.
[33] Там же, л. 410—417об.
[34] См.: *Древнее* жилище народов Восточной Европы.— М., 1975.— С. 3; *Рабинович М. Г.* О древней Москве.— М., 1964.— С. 191—192.
[35] *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян.— Л., 1983.— С. 3.
[36] Там же.— С. 3, 9.
[37] Там же.— С. 12.
[38] *Рабинович М. Г.* Русские письменные источники XV—XVII вв. как материал для картографирования народного жилища // Ареаль-

ные исследования в языкознании и этнографии.— Л., 1977.— С. 57—58.

[30] *Громов Г. Г.* Русское крестьянское жилище XV—XVII вв. по письменным источникам // Вести. МГУ.— 1955.— № 6.— С. 37.

[40] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 298об.— 322об.; кн. 1294, л. 13—49.

[41] *Рабинович М. Г.* О древней Москве.— С. 208; *Древнее* жилище народов Восточной Европы.— С. 192, 206.

[42] ЦГАДА, СП, кн. 1294, л. 13—49.

[43] Там же, кн. 1452, л. 312об.— 313.

[44] *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Магазея.— М., 1981.— С. 14.

[45] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 314об.

[46] Там же, л. 298—322, 328—328об., кн. 1294, л. 35об.

[47] Там же, л. 317—322об.

[48] *Древнее* жилище народов Восточной Европы.— С. 201.

[49] ЦГАДА, СП, д. 212, л. 144—147, 490, 492.

[50] *Рабинович М. Г.* О древней Москве.— С. 209—212; *Древнее* жилище народов Восточной Европы.— С. 204.

[51] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 299об.

[52] Там же, стб. 1071, л. 60.

[53] *Исторические* акты XVII столетия (1630—1699): Материалы для истории Сибири.— Томск, 1897.— Вып. 2.— С. 63.

[54] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 312—313, 329—330.

[55] Там же, д. 212, л. 10.

[56] Там же, л. 17.

[57] Там же, кн. 1452, л. 328—328об.

[58] Там же, кн. 1294, л. 49.

[59] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1900.— Ч. 3.— С. 312.

[60] ЦГАДА, СП, кн. 466, л. 135об., 137.

[61] *Исторические* акты XVII столетия.— Вып. 2.— С. 56—61.

[62] Там же.— С. 63.

[63] Там же.— С. 56—57.

[64] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 359 и др.; кн. 1428, л. 380; оп. 5, ед. хр. 930, л. 3—3об.

[65] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1895.— Ч. 1.— С. 165; ЦГАДА, СП, стб. 819, л. 12; кн. 1452, л. 266—267об.

[66] ЦГАДА, СП, кн. 1294, л. 20об.

[67] Там же, л. 44об.

[68] Там ж, л. 49.

[69] Там же, кн. 1452, л. 321об.— 323.

[70] Там же, л. 318.

[71] Там же.

[72] Там же, стб. 212, л. 334.

[73] *Древнее* жилище народов Восточной Европы.— С. 189, 199.

[74] *Кочедамов В. П.* Тобольск.— Тюмень, 1963.— С. 41; ЦГАДА, СП, кн. 1294, л. 13—49; кн. 1452, л. 299—322.

[75] *Древнее* жилище народов Восточной Европы.— С. 245.

[76] Там же.— С. 166, 182, 198.

[77] Там же.— С. 200, 209, 245.

[78] Там же.— С. 196.

[79] Там же.— С. 194.

[80] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 299—322; кн. 1294, л. 13—49.

[81] *Древнее* жилище народов Восточной Европы.— С. 192.

[82] Там же.— С. 196.

[83] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 307об.

[84] Древнее жилище народов Восточной Европы.— С. 190.

[85] Там же.— С. 170, 174.

[86] См.: *Овсянников О. В.* Дом и усадьба в сибирском городе XVII в.// Краткие сообщения Ин-та археологии.— М., 1973.— № 136 — С. 42—44. (Имеется в виду чертеж С. У. Ремезова.)

[87] ЦГАДА, СП, оп. 5, № 157, л. 14.

[88] *Александров В. А.* Русское жилище в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII в.// Сов. этнография.— 1960.— № 2.— С. 52—56.

89 ЦГАДА, СП, д. 212, л. 37.
90 Там же, л. 35.
91 *Томск* в XVII веке: Материалы для истории города/Изд. Горохова.— Б. м., б. г.— С. 51.
92 ЦГАДА, СП, д. 212, л. 35—37.
93 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— С. 87.
94 Там же.— С. 91.
95 Материалы по истории русско-монгольских отношений.— М., 1974.— С. 81.
96 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 131.
97 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 97.
98 ЦГАДА, СП, ед. хр. 159, л. 1—3.
99 *Вилков О. Н.* К истории застройки Тобольска конца XVI—XVII вв.// Изв. СО АН СССР.— 1969.— № 6, вып. 2.— С. 76—77.
100 ЦГАДА, СП, стб. 659, л. 30.
101 Там же, стб. 462, л. 290—292.
102 *Памятники* сибирской истории XVIII в.— Спб., 1882.— С. 63.
103 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 262—266.
104 См.: *Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири: Конец XVII—XVIII в.— Новосибирск, 1979.
105 *Памятники* сибирской истории XVIII в.— Спб., 1882.— С. 194.
106 *ЦГИА*, ф. 349, оп. 39, д. 2218.
107 См.: *Курилов В. Н.* Сибирская промышленность в начале XVIII в.// Промышленность Сибири в феодальную эпоху.— Новосибирск, 1982.— С. 6—23; *Люцидарская А. А.* Мельничное дело в Томске в начале XVIII в.// Там же.— С. 125—127.
108 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг...— Ч. 3.— С. 238; *Александров В. А.* Русское жилище... — С. 53.
109 *Люцидарская А. А.* Мельничное дело... — С. 125—126.
110 ЦГАДА, СП, стб. 659, л. 13.
111 *Люцидарская А. А.* Мельничное дело... — С. 126.
112 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 117; ЦГИА, ф. 349, оп. 39, д. 2218.
113 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 132об.
114 Там же, л. 132—133.
115 Там же, кн. 683, л. 4—5.
116 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 29.
117 *Квецинская Т. Е.* Ремесла города Верхотурья в XVII в.// История городов Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1977.— С. 99—100.
118 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 105.
119 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 44.
120 См.: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 103—104.
121 Там же.— С. 109.
122 *Вилков О. Н.* Торговые помещения Тобольска в XVII в.// Изв. СО АН СССР.— 1968. Серия общественных наук.— № 6, вып. 2.— С. 92—93.
123 Там же.— С. 92—94.
124 ЦГАДА, СП, оп. 5, кн. 689, л. 4—4об.
125 Там же, кн. 1452, л. 305; *Томск* в XVII в.— С. 50.
126 ЦГАДА, СП, стб. 490, л. 103об; кн. 594, л. 193об; *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в.// Города Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 71.
127 *Емельянов Н. Ф.* Город Томск в феодальную эпоху.— Томск, 1984.— С. 117.
128 ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), портф. 5, 6, ч. 2, д. 6, л. 12об.
129 Там же, СП, оп. 5, кн. 683, л. 3об.
130 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 126, 128—129.
131 Там же.— С. 128.
132 *Документы* по истории промыслов России середины XVII в.// Сов. архивы.— 1978.— № 4.— С. 63—68.

133 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 305.
134 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 129—131; *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1885.— Ч. 1.— С. 121; М., 1899.— Ч. 2.— С. 37.
135 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 313.
136 *Верхотурские* грамоты конца XVI — начала XVII в.— М., 1982.— Т. 1.— С. 61—62.
137 ЦГАДА, Сп, стб. 159, л. 70.
138 Там же, стб. 659, л. 14.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

1 *Город*: Проблемы социального развития.— Л., 1982.— С. 19.
2 См.: *Рабинович М. Г., Шмелева М. Н.* Город и этнические процессы (из опыта этнографического изучения восточно-славянских городов) // Сов. этнография.— 1984.— № 2.— С. 3—14.
3 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 50.
4 *Рабинович М. Г., Шмелева М. Н.* Город... — С. 4—5.
5 *Никитин Н. И.* Государственное обеспечение гарнизона Тобольска до середины XVII в.// История городов Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1977.— С. 131—133.
6 *Евсеев Н. Е.* Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1981.— С. 94—95.
7 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири.— М., 1988.— С. 40.
8 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири.— С. 49.
9 Там же.— С. 33.— Табл. 3 (подсчет процентов — наш).
10 См: *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху.— Томск, 1980.— С. 102—105 (подсчет процентов — наш).
11 Там же.
12 *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в XVII в.// Тр. ТГУ. Ист.-филол. науки.— Томск, 1950.— Т. 112.— С. 105—107, 121, 174 (подсчет относительных величин — наш).
13 *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда... — С. 105—107, 121, 186—187 (подсчет относительных величин — наш).
14 *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда... — С. 105—107, 121, 186—187; *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в.— Томск, 1981.— С. 183—202; *Уманский А. П.* Русские и телеуты в XVII—XVIII вв.— Новосибирск, 1980.— С. 189, 197, 199 (подсчет относительных величин — наш).
15 *Уманский А. П.* Русские и телеуты... — С. 189, 199, 250, 259.
16 Там же.— С. 259.
17 *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья... — С. 103.
18 Там же.— С. 18.
19 Там же.— С. 20.
20 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири.— С. 104—105.
21 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1895.— Ч. 1.— С. 104.
22 *Евсеев Е. Н.* Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII — начала XX века.— Новосибирск, 1981.— С. 85.
23 *Каменецкий И. П.* Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-х годах XVII в.// Сибирские города XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1981.— С. 124—125.
24 ЦГАДА, СП, кн. 1480, л. 580, 584, 605, 620; кн. 1452, л. 295—337 и другие документы.
25 *Дополнения* к актам историческим.— Т. 6 (93—II).— С. 316—317; 1867.— Т. 10.— С. 77, 335; *Сборник* князя Хилкова.— № 100.— С. 308—322; *Емельянов Н. Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья.— С. 85; *Уманский А. П.* Русские и телеуты... — С. 74, 161, 258; *Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь... // Записки

Императорского русского геогр. о-ва по отделению этнографии.— Спб., 1882.— Т. X.— С. 17, 187.

[26] См.: *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1959.— Т. 4.— С. 42—43, 99; *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в.// Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов.— Новосибирск, 1985.— С. 39.

[27] *Материалы* по истории русско-монгольских отношений 1639—1653 гг.— М., 1974.— С. 18, 31, 78, 277—279; *Русско-китайские* отношения в XVII в.: Материалы и документы.— М., 1969.— Т. 1. (1608—1683).— С. 104, 538.

[28] *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в.— С. 31.

[29] См.: *Гузенкова Т. С.* Межэтнические контакты и этнокультурные процессы // Расы и народы.— М., 1983.— С. 99—112.

[30] *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов... — С. 27.

[31] *Емельянов Н. Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья...— С. 82—83.

[32] Там же.— С. 107.

[33] *Материалы* по истории русско-монгольских отношений.— С. 241.

[34] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— М.; Л., 1941.— Т. 2.— С. 568—569; *Резун Д. Я.* Русские в Среднем Причулымье в XVII—XIX вв.— Новосибирск, 1984.— С. 42—77.

[35] *Материалы* по истории русско-монгольских отношений.— С. 98.

[36] *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов... — С. 31—37.

[37] См.: *Материалы* по истории русско-монгольских отношений...— Указатель; *Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь... — С. 17—18.

[38] *Материалы* по истории русско-монгольских отношений.— С. 80—83, 85—89, 162, 282—288, 302—306, 309, 311, 367; *Уманский А. П.* Русские и телеуты... — С. 79, 151—152.

[39] *Материалы* по истории русско-монгольских отношений.— С. 148.

[40] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— С. 220.

[41] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири.— С. 94.

[42] *Материалы* по истории русско-монгольских отношений.— С. 84, 103, 112—116, 121—125, 127, 133, 160, 165.

[43] Там же.— С. 130, 134, 136—137, 141, 146, 159—161, 166.

[44] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 127—128об., 129об., 130об.

[45] *Материалы* по истории русско-монгольских отношений.— С. 81—83.

[46] Там же.

[47] Там же.— С. 83, 161 и др.

[48] *Сборник* документов по истории Бурятии XVII в.— Улан-Удэ, 1960.— Вып. 1.— С. 274—282; ЦГАДА, СП, кн. 1038, л. 235.

[49] Сборник документов по истории Бурятии.— С. 11.

[50] *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов... — С. 27—31.

[51] *Материалы* по истории русско-монгольских отношений.— С. 31, 68—69, 71—72.

[52] *Дополнения* к актам историческим.— 1867.— Т. 10.— С. 338; *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1895.— Ч. 1.— С. 172—173.

[53] *Дополнения* к актам историческим.— Т. 10.— С. 335—337, 338, № 77.

[54] ЦГАДА, СП, стб. 739, л. 16—24.

[55] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири.— С. 83.

[56] ЦГАДА, СП, стб. 656, л. 440.

[57] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири.— М., 1967.— С. 173, 204—205.

58 *Боярщинова З. Я.* Население Томского уезда... — С. 74; ЦГАДА, СП, стб. 490, л. 100.

59 ЦГАДА, СП, кн. 251, л. 359, 438, 566, 755 и др.

60 Там же, кн. 594, л. 200.

61 *Люцидарская А. А.* К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в.// Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири.— Новосибирск, 1972.— Ч. 2.— С. 10; *Она же.* К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в.// Города Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 67—68.

62 ЦГАДА, СП, кн. 979, л. 323, 326, 327, 342, 354.

63 *Чемитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв.— М., 1978.— С. 44.

64 *Материалы* по истории русско-монгольских отношений.— С. 68.

65 Там же.— С. 229, 306.

66 ЦГАДА, СП, оп. хр. 819, л. 9—10.

67 Там же, л. 11—11об.

68 Там же, кн. 1408, л. 573, 608.

69 Там же, кн. 1452, л. 313об., 323об.

70 Там же, л. 127, 128об.

71 См.: *Люцидарская А. А.* Социальная микротопография Томска в начале XVIII в.// Сибирские города XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1981.— С. 64—77.

72 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 326; кн. 1435, л. 371—417об.

73 Там же, кн. 1452, л. 326; кн. 1435, л. 371—417об.

74 Там же, кн. 819, л. 13.

75 Там же, кн. 1452, л. 297, 302, 317об., 322об.

76 Там же, кн. 1294, л. 49.

77 Там же, л. 20об.

78 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— М., 1978.— С. 72—73.

79 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 297.

80 *Голомова Н. А.* Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья.— Томск, 1980.— С. 13.

81 ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 167.

82 Там же, кн. 1452, л. 303—303об.

83 *Уманский А. П.* Русские и телеуты... — С. 270.

84 *Золотарева И. Б.* «Парымское дело» 1642—1647 гг.// Древнерусская книга и ее бытование в Сибири.— Новосибирск, 1982.— С. 215.

85 Там же.— С. 225—227.

86 *Андриевич В. К.* История Сибири.— Спб., 1889.— Ч. 1.— С. 146.

87 ЦГАДА, СП, стб. 344, л. 405об.

88 Там же, стб. 460, л. 428.

89 Там же, оп. 5, № 1138, л. 1—2.

90 *Кубрин В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об историческом психологии межэтнических контактов... — С. 39. См. также: *Емельянов Н. Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья.— С. 105; *Сандалов В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.— М., 1964.— С. 91.

91 ЦГАДА, СП, кн. 1371.

92 Там же.

93 Там же, кн. 1279, л. 5об.—6.

94 Там же, оп. 5, ед. хр. 154, л. 14.

95 Там же, кн. 1435, л. 404, 408—408об.; *Люцидарская А. А.* Социальная микротопография Томска в начале XVIII в.// Сибирские города XVII — начала XX века.— Новосибирск, 1981.— С. 64—76.

96 *Чистякова Е. В.* Томское восстание 1648 г.// Русское население Поморья и Сибири.— М., 1973.— С. 77.

97 ЦГАДА, СП, стб. 819, с. 66.

98 Там же, кн. 679, л. 47, стб. 819, л. 66; кн. 1435, л. 376об.—377, 402; кн. 1452, л. 61об.; *Уманский А. П.* Русские и телеуты... — С. 93, 101.

[99] *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— М., 1941.— Т. 2.— С. 220.
[100] *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // Научные труды.— М., 1955.— Т. 3, ч. 1.— С. 176, 185—186.
[101] *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса.— М., 1984.— С. 110.
[102] *Агеев А. Г.* Функции языка как этнического признака // Язык и общество.— М., 1968.— С. 127.
[103] См.: *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса.— С. 113—114.
[104] ЦГАДА, СП, кн. 659, л. 38, 44—45, 51.
[105] Там же, кн. 659, л. 38; кн. 159, л. 19, 22, 29, 23, 30.
[106] Там же, кн. 656, л. 44.
[107] Там же, л. 45.
[108] Там же, л. 12.
[109] Там же, кн. 819, л. 61—62.
[110] Там же, кн. 571, л. 411—414; *Исторические* акты XVII столетия (1630—1699 гг.): Материалы для истории Сибири.— Томск, 1897.— Вып. 2.— С. 43—45.
[111] *Курилов В. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов.— С. 39—40.
[112] Там же.— С. 41.
[113] *Зольникова Н. Д.* «Нарымское дело» 1642—1647 гг.— С. 215; ЦГАДА, СП, д. 212, л. 1—519.
[114] ЦГАДА, СП, кн. 716, л. 990.
[115] *Курилов Б. Н., Люцидарская А. А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов.— С. 41—43.

СЕМЕЙНЫЙ СТРОЙ И ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

[1] *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.— М., 1964.— С. 119—120.
[2] См., например: *Боярщинова З. Я.* Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири.— Томск, 1967.— Вып. 3; *Александров В. А.* Русское население Сибири...; *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.).— Новосибирск, 1979; *Этнография* русского крестьянства Сибири: XVII — середина XIX в.— М., 1981; *Клякин А. В.* Крестьянский двор и семья первой трети XVIII в. (по подворным переписям в селениях Алатырского уезда) // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма: Тез. докл.— Чебоксары, 1973; *Баклонова Е. Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере.— М., 1976; и др.
[3] *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— М., 1978.— С. 178.
[4] *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве от времен Смуты до эпохи преобразований.— Спб., 1890.— С. 516—517; *Чечулин Н. Д.* К вопросу о численности посадского двора в XVII в.// Журнал мин-ва нар. просвещения.— 1891.— Март.— С. 18—29; *Водарский Я. Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в.// Города феодальной России.— М., 1966.— С. 276; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии феодального города.— С. 181—182.
[5] ЦГАДА, СП, кн. 1279, л. 3—23; кн. 1371, л. 1—401.
[6] Там же, оп. 5, кн. 154, л. 1—23об.
[7] Там же, кн. 1371, л. 1—401.
[8] Там же, кн. 1371, л. 8; кн. 1435, л. 413; *Томск* в XVII в.: Материалы для истории города.— С. 48.
[9] ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 86; кн. 1435, л. 400об.
[10] Там же, кн. 1371, л. 178об; кн. 1435, л. 406об.
[11] Там же, кн. 11, л. 470; кн. 1279, л. 3а.
[12] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии.— М., 1981.— С. 203.
[13] ЦГАДА, СП, стб. 136, л. 175, 179, 213 и др.; стб. 911, л. 8 и др.
[14] Там же, кн. 1371, л. 217—217об.

15 Там же, кн. 1435, л. 378об.
16 Там же, кн. 1279, л. 6.
17 Там же, л. 4.
18 Там же, кн. 1435, л. 392; кн. 1371, л. 16—16об., 22, 25, 33.
19 Там же, кн. 1408, л. 574—574об.; кн. 1452, л. 29об.; кн. 1371, л. 103об.
20 Там же, кн. 1279, л. 5, 8, 10 и др.
21 *Гемуев И. Н.* К вопросу о классификации большесемейных общин в этнографической литературе // Традиционные верования и быт народов Сибири.— Новосибирск, 1987.— С. 168.
22 ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 214об., 216, 225 и др.
23 Там же, л. 289—291.
24 Там же, оп. 5, кн. 154, л. 1об.— 23об.
25 Там же, кн. 1371, л. 54—54об., 55—55об.
26 См.: *Тобольск*: Материалы для истории города.— М., 1885.
27 Там же.— С. 73.
28 Там же.— С. 73—74, 81 и др.
29 *Миненко Н. А.* Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII вв.// История городов Сибири.— Новосибирск, 1977.— С. 180; *Она же.* Русская крестьянская семья... — С. 48.
30 *Миненко Н. А.* Городская семья Западной Сибири... — С. 181.
31 *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... — С. 44.
32 *Александров В. А.* Русское население Сибири — С. 133, 135.
33 *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община... — С. 39.
34 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 186.
35 См., например: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 183—184; *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... — С. 42—76; *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община... — С. 39—42.
36 ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 1—401.
37 Там же, л. 314, 324, 345об.— 346 и др.
38 *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... — С. 52.
39 *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община... — С. 31, 33.
40 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии... — С. 182.
41 ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 332—332об.; 203об.— 204 и др.
42 *Исторические* акты XVII столетия (1630—1699) // Материалы для истории Сибири.— Томск, 1897.— Вып. 2 — С. 22.
43 *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства.— М., 1976.— С. 42, 44.
44 *Боярщинова З. Я.* Земельные общества в Сибири в XVII — начале XVIII в.// Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1974.— С. 29—31.
45 ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 1—401 (подсчеты наши).
46 Там же, кн. 1371, л. 321—321об.
47 Там же, л. 67об., 211.
48 Там же, ед. хр. 84, л. 7—8.
49 Там же, оп. 5, № 1770, л. 1—2об.
50 Там же, л. 5об.— 8.
51 Там же, кн. 1371, л. 29.
52 Там же, л. 228.
53 Там же, оп. 5, кн. 154, л. 12об.; кн. 1371, л. 1—401.
54 Там же, оп. 5, кн. 154, л. 7; кн. 1371, л. 1—401.
55 Там же, оп. 5, кн. 154, л. 20об.
56 Там же, л. 2.
57 Там же, л. 8об.
58 Там же, л. 5об., 8об.
59 Там же, кн. 1371, л. 1—401 (подсчет наш).
60 *Богораз-Тан В. Г.* Научные труды.— М., 1955.— Т. 3.— С. 195—197.
61 *Бакланова Н. Д.* «Парамское дело»: 1632—1647 // Древнерусская религиозная книга и ее бытование в Сибири.— Новосибирск, 1982.— С. 223—231.
62 *Покровский Н. Н.* Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земское общество.— Новосибирск, 1989.— С. 117.
63 ЦГАДА, СП, стб. 136, л. 775.

64 Там же, кн. 1371, л. 289—291, кн. 1435, л. 371—417.
65 *Люцидарская А. А.* Социальная микротопография Томска в начале XVIII в.// Сибирские города XVII — начала XX века.— Новосибирск, 1981.— С. 68—69.
66 ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 78.
67 Там же, кн. 868, л. 786об.
68 Там же, кн. 1294, л. 46об.; кн. 1452, л. 303об.
69 Там же, кн. 1452, л. 131; *Тобольск:* Материалы для истории города XVII—XVIII столетий.— М., 1885.— С. 31.
70 *Пушкарева Н. Л.* Общественные права женщин на Руси (X—XVв.)// Ист. зап.— М., 1986.— Т. 114.— С. 212.
71 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 337.
72 Там же, л. 336об.
73 Там же, кн. 659, л. 45. См. также: *Зольникова Н. Д.* «Нарымское дело» 1642—1647 гг.// Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири.— Новосибирск, 1982.— С. 230.
74 Там же, л. 38.
75 *Покровский Н. Н.* Томск: 1648—1649 гг. ...— С. 215.
76 ЦГАДА, СП, ед. хр. 159, л. 6
77 Там же, кн. 659, л. 47.
78 Там же.
79 Там же, ед. хр. 159, л. 8.
80 *Покровский Н. Н.* Томск: 1648—1649 гг. ... — С. 44.
81 *Зольникова Н. Д.* «Нарымское дело»... — С. 230; ЦГАДА, СП, д. 212, л. 494.
82 *Миненко Н. А.* Городская семья Западной Сибири... — С. 195.
83 *Социально-экономические* отношения и соционормативная культура.— М., 1986.— С. 68.
84 *Томск* в XVII в.: Материалы для истории города.— С. 56—57 и др.; *Тобольск*: Материалы для истории города... — С. 39.
85 ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 1241, л. 1—1об., 2.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

1 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— М., 1978.— С. 53—54.
2 *Бунин А. В.* Особенности архитектурно-планировочного развития средневековых городов Центральной и Западной Европы // Исследования по истории архитектуры и градостроительства.— М., 1964.— С. 76—78.
3 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— 2-ое изд.— Т. 25, ч. 2.— С. 473.
4 *Рындзюнский П. Г.* Основные факторы городообразования в России второй половины XVIII в.// Русский город.— М., 1976.— С. 107, 120—121.
5 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— С. 54—55.
6 *Курилов В. Н.* О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII в.// Сибирские города XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1981.— С. 113—115.
7 Там же.— С. 114—115.
8 Там же.— С. 117.
9 *Емельянов Н. Ф.* Город Томск в феодальную эпоху.— Томск, 1984.— С. 74—76.
10 *Миллер Г. Ф.* История Сибири.— Л., 1937.— Т. 1.— С. 272; *Курилов В. Н.* Сельскохозяйственный сектор в экономике Тюмени в XVII в.// Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири.— Новосибирск, 1972.— С. 16—17; *Люцидарская А. А.* Томский пушной рынок в XVII в.// История городов Сибири.— Новосибирск, 1977.— С. 112—128.
11 *Евсеев Е. Н.* Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII — начала XX в.— Новосибирск, 1981.— С. 85—109.
12 *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в.— М., 1976.— С. 49.

[13] *Курилов В. Н.* Сельскохозяйственный сектор в экономике Тюмени в XVII в.— С. 18—19.

[14] Там же.— С. 19, 21—26.

[15] *Никитин Н. И.* Военно-служилые люди Западной Сибири в XVII в. (Из истории классово-сословного строя позднефеодальной России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1975.— С. 27, 31.

[16] ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 230.

[17] *Люцидарская А. А.* Роль антропогенного фактора в природных комплексах Сибири XVII в.// Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири.— Новосибирск, 1986.— С. 81—82.

[18] ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 38об.; кн. 1435, л. 394об., 403.

[19] Там же, кн. 1371, л. 1—337об. (Подсчет наш).

[20] Там же, л. 352, 363.

[21] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.— М., 1967.— С. 25; *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в.// Города Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 61—62.

[22] *Курилов В. Н.* Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в.// Города Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 78; *Он же.* Сибирская промышленность в XVII в.// Промышленность Сибири в феодальную эпоху.— Новосибирск, 1982.— С. 7—8.

[23] *Люцидарская А. А.* Мельничное дело в Томске в начале XVIII в.// Промышленность Сибири в феодальную эпоху.— Новосибирск, 1982.— С. 126—130.

[24] Там же.— С. 126, 129.

[25] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 67—68.

[26] *Квецинская Т. Е.* Ремесла г. Верхотурья в XVII в.// История городов Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 62.

[27] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 131, 305. См. также: *Материалы* по истории Тобольска.

[28] *Курилов В. Н.* Сибирская промышленность в XVII в.— С. 10—11.

[29] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 28, 31, 37; *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие Томска... — С. 67—68.

[30] *Курилов В. Н.* Сибирская промышленность в XVII в.— С. 11; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 40—41; *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие г. Томска... — С. 70; *Квецинская Т. Е.* Ремесла г. Верхотурья... — С. 100.

[31] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 44—50; *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие г. Томска... — С. 70—71.

[32] *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие г. Томска... — С. 71.

[33] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 129об., 130об.; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 49.

[34] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 130об.

[35] См.: *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 72—76, табл. 5; *Курилов В. Н.* Новые данные о промышленном развитии города Тюмени к концу XVII — началу XVIII в.// Бахрушинские чтения. 1971 г.— Вып. II.— Новосибирск, 1972.— С. 15, табл 1.

[36] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 5.

[37] Там же.— С. 72—76, табл. 5.

[38] ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 8об.— 9; кн. 1452, л. 266—328.

[39] *Курилов В. Н.* Новые данные... — С. 15, табл. 1; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 56—61. См.: *Материалы* по истории Тобольска.

[40] *Курилов В. Н.* Сибирская промышленность в XVII в.— С. 13.

[41] *Сибирский Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1895.— Т. 1.— С. 371.

[42] *Люцидарская А. А.* К вопросу о развитии сибирского судостроительного промысла в Сибири.// Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 56—69.

[43] ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 127об.

[44] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1900.— Т. 3.— С. 179—180.

[45] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля...— С. 64—65; *Курилов В. Н.* Новые данные... — С. 15.

[46] *Резун Д. Я.* О числе ремесленников в городах Сибири в XVII в.// Промышленность Сибири в феодальную эпоху.— Новосибирск, 1982.— С. 25.

[47] *Люцидарская А. А.* Томский пушной рынок в XVII в.— С. 112—129.

[48] *Люцидарская А. А.* Промышленное развитие г. Томска... — С. 66; Она же. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска во второй половине XVII в.// Города Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 67—71.

[49] *Люцидарская А. А.* К вопросу о формировании торгово-промышленного населения... — С. 71.

[50] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 304—305.

[51] Исторический архив.— М.; Л., 1936.— Т. 1.— С. 170.

[52] ЦГАДА, СП, кн. 1371, л. 36—36об.; 38об.— 39.

[53] Там же.

[54] *Люцидарская А. А.* Томский пушной рынок в XVII в.— С. 124.

[55] Там же.— С. 126.

[56] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 294, табл 66; с. 322.

[57] *Емельянов Н. Ф.* Город Томск... — С. 117.

[58] ЦГАДА, СП, кн. 979, л. 340; кн. 868, л. 18об.; кн. 1371, л. 2.

[59] Там же, кн. 1438, л. 89; кн. 1452, л. 269об.— 272.

[60] *Очерки* русской культуры в XVII в.— М., 1979.— Ч. 1.— С. 202.

[61] *Каминская М. Н.* История костюма.— М., 1986.— С. 122—131.

[62] *Очерки* русской культуры... — С. 202.

[63] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля...— С. 112—116.

[64] Там же.— С. 147—152, табл. 16; с. 187, табл. 27.

[65] *Древняя* одежда народов Восточной Европы.— М., 1986.— С. 66—69.

[66] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 170, 196—197, табл. 29; ЦГАДА, СП, кн. 251, л. 1—97; кн. 359, л. 4—6, 9; кн. 438, л. 208.

[67] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в.— М., 1972.— С. 303, 305.

[68] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— М., 1955.— Т. III, ч. 1.— С. 167.

[69] ЦГАДА, СП, ф. 214, оп. 5, № 2700, л. 3об.

[70] *Сборник* документов по истории Бурятии: XVII в.— Улан-Удэ, 1960.— Вып. 1.— С. 275.

[71] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 96—97, табл. 10.

[72] *Верхотурские* грамоты.— М., 1982.— Ч. 2.— С. 193—194.

[73] ЦГАДА, СП, стб. 1398, л. 181.

[74] Там же, оп. 5, № 2700, л. 1, 3, 5об., 6об., 7об.

[75] *Древняя* одежда народов Восточной Европы... — С. 76.

[76] *Верхотурские* грамоты.— Т. 2.— С. 193—194.

[77] *Древняя* одежда народов Восточной Европы.— С. 76.

[78] *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. 3, ч. 1.— С. 195.

[79] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля.. — С. 102—105, табл. 10.

[80] *Древняя* одежда народов Восточной Европы.— С. 78.

[81] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 230—234, табл. 36; с. 250, 256, табл. 55.

[82] *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири в XVII в.— Красноярск, 1972.— С. 308—309, 317—318; *Копылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в.— Новосибирск, 1965.— С. 150—154.

[83] ЦГАДА, СП, стб. 1288, л. 148—149; оп. 5, № 2700, л. 3, 6об., 11об.—12об.; кн. 438, л. 106, 169.

[84] Там же, кн. 251, л. 1—97.

[85] *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири... — С. 311, 318.

[86] ЦГАДА, СП, д. 212, л. 134об.— 135.

[87] Верхотурские грамоты.— Ч. 2.— С. 193—194.

88 *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири...— С. 308—309, 317; *Копылов А. Н.* Русские на Енисее... — С. 153; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 102—105, табл. 10.

89 *Древняя* одежда народов Восточной Европы.— С. 83.

90 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 102—105, табл. 10; с. 96—97.

91 ЦГАДА, СП, стб. 1288, л. 148—149.

92 *Древняя* одежда народов Восточной Европы.— С. 85.

93 ЦГАДА, СП, стб. 571, л. 414—419.

94 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 40—43, 106—107, табл. 10.

95 ЦГАДА, СП, стб. 1398, л. 126.

96 Там же, кн. 151, л. 1—97; *Копылов А. Н.* Русские на Енисее...— С. 147—148; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 41—42.

97 Словарь русского языка XV—XVII вв.— М., 1979.— Вып. 6.— С. 358.

98 ЦГАДА, СП, кн. 359, л. 6.

99 *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в.— М., 1972.— С. 302.

100 *Покровский Н. Н.* Томск 1648—1649 гг.: Воеводская власть и земские миры.— Новосибирск, 1989.— С. 78—79.

101 Там же.

102 *Каминская Н. М.* История костюма.— М., 1986.— С. 122—131.

103 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 96—97, табл. 10.

104 ЦГАДА, СП, д. 212, л. 134—135; оп. 5, № 2700, л. 7—7об.

105 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля.. — С. 102—105, табл. 10.

106 *Древняя* одежда народов Восточной Европы.— С. 75—76.

107 ЦГАДА, СП, стб. 1288, л. 148—149.

108 Там же, оп. 5, № 2700, л. 5об.— 11об.

109 *Древняя* одежда народов Восточной Европы.— С. 69.

110 ЦГАДА, СП, д. 212, л. 134—135; оп. 5, № 2700, л. 3—3об.

111 *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири... — С. 317.

112 ЦГАДА, СП, оп. 5, № 2700, л. 11об.; стб. 1398, л. 181.

113 Там же, стб. 1288, л. 148—149.

114 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. 3, ч. 1.— С. 244.

115 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 50—54.

116 *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири... — С. 315.

117 *Копылов А. Н.* Русские на Енисее... — С. 153; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 213.

118 ЦГАДА, СП, кн. 251, л. 1—97.

119 Там же, кн. 438, л. 161.

120 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. 3, ч. 1.— С. 244; ЦГАДА, СП, кн. 251, л. 1—97.

121 *Покровский Н. Н.* Томск 1648—1649 гг. ...— С. 78—79.

122 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 150, табл. 16.

123 ЦГАДА, СП, д. 212, л. 134—135.

124 *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири... — С. 318.

125 ЦГАДА, СП, оп. 5, № 2700, л. 4—11об.

126 *Верхотурские* грамоты.— Ч. 2.— С. 218.

127 *Копылов А. Н.* Русские на Енисее... — С. 150—154; *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири... — С. 313.

128 ЦГАДА, СП, стб. 1398, л. 181; оп. 5, № 2700, л. 6об., 11об.

129 *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни [illegible]. Первая половина XVIII в.— Л., 1982.— С. 214—215.

130 *Очерки* русской культуры XVII в.— Ч. 1.— С. 219.

131 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 67—68.

132 ЦГАДА, СП, кн. 1452, л. 129об.

133 Там же.

134 *Смирнов Д. Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев XVII—XVIII вв.— Горький, 1971.— С. 78—79.

135 *Очерки* русской культуры.— Т. 1.— С. 222.

136 Там же.

137 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.— М., 1897.— Ч. 2.— С. 236.

138 ЦГАДА, СП, ед. хр. 819, л. 12.
139 *Очерки* русской культуры... — С. 223.
140 *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в.— М., 1956.— С. 146—147; ЦГАДА, СП, ед. хр. 819, л. 12.
141 *Очерки* русской культуры.— Т. 1.— С. 224.
142 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг... — Ч. 1.— С. 32, 35—36, 121.
143 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 305.
144 *Древняя* русская вифлиофика.— М., 1789.— Ч. 8.— С. 377.
145 *Очерки* русской культуры... — С. 225.
146 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 111, табл. 10; ЦГАДА, СП, ед. хр. 853, л. 109.
147 ЦГАДА, СП, ед. хр. 853, л. 117; стб. 327, л. 104.
148 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг... — Ч. 1.— С. 26, 80.
149 ЦГАДА, СП, стб. 327, л. 104.
150 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг... — Ч. 2.— С. 82.
151 ЦГАДА, СП, кн. 438, л. 161, 207; кн. 251, л. 4; кн. 979, л. 400об.; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 110, 117.
152 ЦГАДА, СП, кн. 438, л. 161, 207.
153 *Очерки* русской культуры... — Ч. 1.— С. 228.
154 Там же.— С. 228.
155 Там же.— С. 229.
156 *Чемитдоржиев Ш. Б.* Взаимодействия Монголии и России в XVII—XVIII вв.— М., 1978.— С. 36.
157 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг... — Ч. 2.— С. 102.
158 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 177.
159 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг... — Ч. 1.— С. 168; Ч. 3.— С. 27.
160 ЦГАДА, СП, кн. 979, л. 347об.— 348.
161 Там же, оп. 5, № 2700, л. 2об.
162 Там же, л. 1—4; оп. 1, стб. 853, л. 82; стб. 327, л. 115—117.
163 Там же, оп. 1, стб. 1238, л. 148—149; оп. 5, № 2700, л. 1.
164 Там же, стб. 1288, л. 70—72.
165 Там же, стб. 853, л. 81; стб. 327, л. 104.
166 Там же, стб. 1288, л. 148—149.
167 Там же, кн. 755, л. 333—386; кн. 566, л. 450—519; оп. 5, № 2700, л. 1; оп. 1, стб. 1288, л. 148—149; *Потанин Г. Н.* Привоз и вывоз товаров г. Томска // Вестн. Русск. геогр. о-ва.— 1859.— № 12.— С. 126—140.
168 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 141.
169 ЦГАДА, СП, оп. 5, № 2700, л. 1об.
170 *Потанин Г. Н.* Привоз и вывоз товаров... — С. 126—140; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 94.
171 Очерки русской культуры... — С. 231.
172 ЦГАДА, СП, кн. 755, л. 333—386; кн. 566, л. 450—519; стб. 327, л. 115—117; стб. 469, л. 76—82; оп. 5, № 2700, л. 1—12об.
173 Там же, стб. 136, л. 68.
174 Там же, стб. 1288, л. 148—149.
175 Там же, ед. хр. 115, л. 231, 234.
176 Там же, ед. хр. 819, л. 14—15.
177 См.: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии феодального города.— С. 298.
178 *Прозоровский Д.* О старинном русском исчислении часов // Тр. 2-го археологического съезда в Санкт-Петербурге.— Спб., 1881.— Вып. 2.— С. 182.
179 *Покровский Н. Н.* Томск: 1648—1649 гг. ... — С. 187.
180 *Прозоровский Д.* О старинном русском исчислении часов.— С. 182—184.
181 *Русская* историческая библиотека.— Т. 2.— С. 163, № 45.
182 *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии феодального города.— С. 198—199.
183 ЦГАДА, СП, стб. 212, л. 490.

184 Там же, кн. 1398, л. 125; стб. 212, л. 10.
185 *Бахрушин С. В.* Легенда о Василии Мангазейском // Научные труды.— М., 1955.— Т. 3, ч. 1.— С. 334— 335.
186 Там же.— С. 285— 286.
187 ЦГАДА, СП, стб. 212, л. 48; оп. 5, ед. хр. 242, л. 4об.
188 Там же, стб. 212, л. 58.
189 Там же, л. 85.
190 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. 3, ч. 1.— С. 285—286.
191 ЦГАДА, СП, стб. 212, л. 444—445.
192 *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.— М., 1912.— Т. 2.— С. 21—22.
193 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. 3, ч. 3.— С. 306.
194 ЦГАДА, СП, д. 212, л. 6.
195 *Кочедамов В. И.* Тобольск.— Тюмень, 1963.— С. 34—35.
196 *Покровский Н. Н.* Томск: 1648—1649 гг. ... — С. 303.
197 Там же.— С. 76.
198 ЦГАДА, СП, стб. 84, л. 441; стб. 212, л. 17.
199 *Русская* историческая библиотека.— Спб., 1884.— Т. 8.— С. 379—380.
200 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. 3, ч. 1.— С. 175, 181, 197.
201 *Покровский Н. Н.* Томск: 1648—1649 гг.— С. 126.
202 ЦГАДА, СП, ед. хр. 322, л. 72.
203 Там же, д. 212, л. 85, 505.
204 Там же.
205 Там же, стб. 212, л. 314—315.
206 *Верхотурские* грамоты.— Т. 2.— С. 164.
207 ЦГАДА, СП, д. 212, л. 494.
208 Там же, л. 50.
209 Там же, л. 263—264; стб. 84, л. 506.
210 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг... — Ч. 3.— С. 227.
211 ЦГАДА, СП, стб. 371, л. 196.
212 *Акты* исторические. 1645—1676 гг.— Спб., 1842.— С. 124—125.
213 ЦГАДА, СП, стб. 212, л. 27.
214 *Веселовский С.* Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII в.// Сборник статей, посвященных О. В. Ключевскому.— М., 1909.— С. 308—310.
215 Там же.
216 *Бахрушин С. В.* Научные труды.— Т. 3, ч. 1.— С. 286.
217 *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг... — Ч. 3.— С. 230.
218 Там же.— Ч. 2.— С. 137.
219 Там же.— С. 80.
220 *Очерки* русской культуры XVII в.— М., 1979.— Ч. 2.— С. 142.
221 *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в.— Новосибирск, 1974.— С. 44—45.
222 ЦГАДА, СП, стб. 136, л. 146—147.
223 Там же, стб. 911, л. 396.
224 Там же, стб. 1432, л. 24—25.
225 Там же, стб. 731, л. 39.
226 Там же, стб. 136, л. 371—374.
227 Там же, стб. 731, л. 54об.
228 *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля... — С. 108, 110.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Облик западно-сибирского города 14

Планировка и застройка ..... —
Городская усадьба 25

Государевы постройки административного и хозяйственного назначения 39
Торговые и производственные помещения 44

Этнический состав населения 53

Семейный строй и внутрисемейные отношения 84

Повседневная жизнь города 112

Занятия горожан ..... —
Одежда 132
Пища 146
Утварь 152
Общественный быт 160
Грамотность 170

Заключение 174

Примечания 179

Научное издание

Люцидарская Анна Алексеевна

СТАРОЖИЛЫ СИБИРИ

Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII в.

Редактор издательства *Л. В. Островская*
Художественный редактор *В. И. Шумаков*
Художник *А. И. Смирнов*
Технический редактор *Г. Я. Герасимчук*
Корректор *Г. И. Шведкина*

ИБ № 42588

Сдано в набор 04.09.91. Подписано в печать 27.11.91. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,7. Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 1400 экз. Заказ № 973. Цена 4 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.